

РАССКАЗЫ
О СТРАНАХ ВОСТОКА

Либуше Киндрова

В РИТМАХ ЧЕРНОЙ АФРИКИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Либуше Киндрова

В РИТМАХ ЧЕРНОЙ АФРИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1986

Libuše Kindrová
RITMY ČERNE AFRIKY
Praha, 1980

Редакционная коллегия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), Л. Б. АЛАЕВ,
А. Б. ДАВИДСОН, Н. Б. ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ,
Р. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНИЯ

Перевод с чешского
И. МАЧУЛЬСКОЙ

Ответственный редактор и автор послесловия
Э. С. ЛЬВОВА

Фото Д. КИНДРОВОЙ

Киндрова Л.

К 41 В ритмах Черной Африки. Пер. с чешск.
И. Мачульской. Послесл. Э. С. Львовой. М.:
Главная редакция восточной литературы издатель-
ства «Наука», 1985.

197 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

Либуше Киндрова знакомит читателя с одним из небольших го-
сударств Африки — Того. Автору удалось проехать страну с севера
на юг и с востока на запад, что позволило увидеть, а затем отра-
зить в книге природные, национальные, этнографические особенности
страны. Одна из глав книги посвящена соседнему с Того Бенину.
Целью этой поездки было посетить музей дворцов дагомейских ко-
ролей и увидеть знаменитые дагомейские барельефы.

К 1905020000-072
013(02)-85 201-85

ББКл8

© Libuše Kindrová, 1980.

© Перевод, примечания и послесловие:
Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1985.

ГОРОД НА ПОБЕРЕЖЬЕ

Конечная остановка — Ломе

Я ехала в Того... Африка не была для меня «незнакомкой»: несколько лет назад, как и теперь, я сопровождала мужа в Алжир, где ему предстояло работать тренером. На этот раз — в Того, на юг, через Сахару.

До столицы Тоголезской Республики — Ломе — весь перелет с двумя посадками занимает девять часов.

В самолете я оказалась рядом с красивой элегантной блондинкой с букетом желтых хризантем. Я поинтересовалась у нее, не летит ли она в Ломе, но она, оказываясь, направлялась в Ниамей, в Нигер.

— Вы не француженка?

— Я полька, — ответила она, улыбаясь.

Ее муж — геолог, работал в Нигере, сама она стоматолог. Поймав мой взгляд, брошенный на цветы, она объяснила:

— Вчера у мужа был день рождения. Везу ему из Варшавы хризантемы. Он любит эти осенние цветы, хотя в Африке сейчас и не осень.

Она впервые летела в Западную Африку.

Сначала наш вылет из Парижа был отложен на полчаса. Затем стюардесса с милой улыбкой попросила нас покинуть самолет: сотрудники аэропорта объявили забастовку.

Из внушительного стеклянного здания аэропорта «Шарль де Голль» мы прошли через запасной выход и окунулись в холодную, неуютную ночь. Женщины, приготовившиеся к встрече с африканской жарой, уже переоделись в легкие платья и блузки и теперь дрожали от холода, дети плакали. Дул пронизывающий ветер, начинался дождь. Прошло немало времени, прежде чем показались огни автобусов. Пассажиры с детьми и много-

численной ручной кладью бросились на штурм машин — казалось, от этого зависит их жизнь.

Когда мы добрались до гостиницы, полька с грустью посмотрела на измученные хризантемы и отдала их шоферу:

— Для вашей жены!

— Но у меня нет жены,— возразил он.

— Так выбросьте их! — крикнула она на этот раз по-польски.

— Спасибо, мадам,— ответил шофер, вежливо улыбаясь.

Номер, в котором нас поселили, был роскошно обставлен. Ничего не забыли, даже цветной телевизор внушительных размеров, хотя в эти часы он был ни к чему. Мы с большим удовольствием были бы уже где-нибудь над Сахарой. Этот комфорт представлялся нам сейчас излишним и не радовал.

— Вы думаете, мы доберемся до Африки? — спросила расстроенная полька.

В шесть часов утра пассажиры собрались в ресторане, ожидая результатов переговоров с бастующими. Видимо, все кончилось благополучно — в десять часов мы уже сидели в самолете. И вот зазвучала музыка, сопровождаемая гулом моторов, и наш «Боинг» отправился в далекий путь.

Первая посадка в Ниамее. Я вышла из самолета попрощаться со своей спутницей. Меня обдало таким жаром, что стало нехорошо. Я была несказанно рада, когда вновь очутилась в салоне самолета, и теперь ждала Ломе с некоторым опасением.

Мы приземлились в полной темноте. Стемнело в одно мгновение, как будто кто-то повернул выключатель. Как только самолет подрулил к белому, ярко освещенному зданию, из него вышла группа встречающих.

Начались долгие представления и приветствия. От десятков черных улыбающихся лиц у меня закружилась голова: голоса доносились откуда-то издалека. Я едва держалась на ногах. Духота была нестерпимой. Муж взял меня под руку и протянул платок, чтобы я вытерла мокрое лицо.

— Мне это знакомо,— сказал он,— ты привыкнешь.

Наконец процедура приветствий была закончена, и процессия двинулась к выходу, где стояла вереница автомашин. Но все ждали, пока мы сядем в белый «Рено», на котором сбоку большими черными буквами было

написано: Ministère de la jeunesse de la culture et des sport — volleyball¹.

Шофер, молодой стройный мужчина, любезно открыл дверцу машины, приглашая садиться.

Окрестности аэродрома походили на большой парк с хорошо освещенными асфальтированными дорожками, цветочными клумбами и густыми пальмами. Прямо напротив аэровокзала стоял большой стенд. На нем — портрет тоголезца в белой фуражке, с энергично поднятой головой и выдвинутым подбородком.

— Это генерал, — сказал муж.

— Президент?

— Здесь все его называют генералом, — ответил муж.

От аэропорта до города около восьми километров. Шофер ехал быстро, как будто боясь, что его обгонят. Вскоре мы уже проезжали темные улочки предместья столицы, освещенные тусклыми масляными лампочками, которые вызвали у меня легкую грусть. Это торговки, сидевшие вдоль улиц, освещали свой товар.

Наконец мы очутились на светлых и прямых улицах с протянувшимися вдоль них аллеями. Это был фешенебельный квартал. Административный, правительственный, европейский. Все эти определения годились для него. Здесь размещались банки, отели, министерства, представительства, бывший губернаторский и новый президентский дворец. Белые современные здания окружала сочная зелень ухоженных разнообразных тропических растений, с рядами прелестных стройных пальм, развесистых платанов и эвкалиптов, с английскими газонами и клумбами цветов.

Дом, который на время должен был стать нашим, стоял на одной из таких красивых улиц, названной именем генерала де Голля, на взморье.

Жизнь вокруг нас

Это был красивый двухэтажный дом на опорах. Так здесь в свое время строили жилища европейцы. Внизу между опорами — стоянка для автомашины, откуда открытая лестница ведет в квартиры на разных этажах. На каждом их две. В квартире лоджия с раздвигающимися дверями, что увеличивает жилую комнату на ши-

---

¹ Министерство по делам молодежи, культуры и спорта — волейбол (фр.). — Примеч. перев.

рину балкона. То, что в нее можно заглянуть с улицы, никого не смущает. На окнах алюминиевые жалюзи, которые сами поднимаются в зависимости от направления ветра, вечером мы их закрывали, как ставни. В спальне такие же жалюзи, только стеклянные. В окно спальни вмонтирован кондиционер, который не только освежает воздух, но и сушит его. Он работает беспрерывно, и из тонкой трубочки, как из желоба, течет тонкая струйка воды. Это хорошее устройство, даже несмотря на его постоянный гул — и днем и ночью. Конечно, самым ценным здесь был холодильник огромных размеров, без которого жить в тропиках трудно, хотя я знала, что такую роскошь могут позволить себе далеко не все. В спальне над деревянными кроватями были укреплены москитные сетки: спишь как бы под балдахином или, точнее, в палатке из тонкой сетчатой ткани. Впервые увидев это укрытие, я поверила, что в Того действительно много комаров. А когда мой муж зажег в квартире курильницу и я начала задыхаться и кашлять, то уже всерьез стала опасаться, чтобы это маленькое чудовище не наградило когонибудь из нас малярией. Потом постаралась успокоить себя тем, что в нашей жизни в Того это будет не самое большое неудобство. Вскоре я увидела, как через всю квартиру протянулись дорожки черных и красных муравьев, а по стенам и потолку без всякого стеснения и страха носились маленькие ящерицы. Сначала они меня раздражали, но потом я к ним привыкла.

Улица от нашего дома вела к отелю «Бенин» на берегу океана, который находился всего в каких-нибудь двухстах метрах от нас — и днем и ночью мы слышали шум прибоя. Над нами жил немецкий инженер, работавший в порту. Это был немолодой человек, и жил он, в общем, замкнуто. Часто из его окон доносилась музыка. Встречаясь, мы здоровались, он всегда вежливо уступал дорогу, этим наши контакты и ограничивались. Другие соседи — румынский тренер по гандболу, его хозяйство вела красивая чернокожая служанка, и врач-француз с семьей. Он был экспертом одной из международных организаций по вопросам гигиены.

С противоположной стороны дома размещалась тюрьма. Ничем не примечательные, обычные низкие бараки: ни решеток на окнах, ни колючей проволоки, ни высокого забора и сторожевой башни. Заключенных можно узнать только по белым майкам с буквами PL,

что значит «*prisonnier Lomés*»². У тюремной охраны не было формы. Они выделялись лишь тем, что были обу-ты и вооружены. Утром заключенные выстраивались перед бараками и отправлялись подметать улицы. Или же их уводили в суд. Все совершалось спокойно, без происшествий. По возвращении в камеры заключенные устраи-вали и для себя, и для тех, кто мог их слышать, после-полуденный или вечерний концерт. Музыкальными инструментами служили миски, банки — словом, все, что было под рукой и что могло издавать какой-то звук. Когда я впервые услышала этот шум, то решила, что в тюрьме произошел бунт. Ничего подобного. Часовые оста-вались спокойными и вскоре даже начали покачиваться в такт ритмам необычных тамтамов.

К обеду сюда приходили женщины со своими переносными кухнями и бойко торговались с заключенными, предлагая им разнообразные блюда. Охрана не проявля-ла никакого недовольствия и, судя по всему, не испы-тывала ни малейшего опасения, что кто-нибудь из за-ключенных совершит побег.

Когда я однажды сказала об этом нашему шоферу, он небрежно ответил:

— Зачем им убежать? Там вполне прилично. Ведь о них заботятся.

Шофера и машину нам предоставило министерство. Белый «Рено» должен был каждый день возвращаться в гараж в президентском дворце, а шофер отправлялся до-мой пешком через весь город, потому что в Ломе нет общественного транспорта. Муж не требовал от шофера, чтобы он возил его на стадион каждый день, как это было указано в соглашении. Чаще он ходил туда пеш-ком, что вызывало удивление сотрудников министерства. Иностранные специалисты, как правило, этого не де-лали, а местные чиновники очень быстро привыкли к удобствам и не могли понять, как можно отказываться от машины, когда она в твоём распоряжении.

В Того пригласили несколько тренеров: по гандбо-лу — румына, по легкой атлетике — западного немца, по пинг-понгу — китайца, по футболу — венгра и юго-слава, по баскетболу — советского тренера и по волей-болу — чеха. Непродолжительное время здесь работал американский тренер по теннису. Тоголезское правитель-ство подошло к решению организации национального спорта с размахом. В лучшем положении были футбо-

² Заключенный Ломе (фр.).

листы: футбол в Того, без сомнения, самый популярный и самый распространенный вид спорта. Второе место, вероятно, принадлежит баскетболу, который распространен в городах, главным образом в школах. Другие же виды спорта находятся на низшей ступени развития.

В волейбол, который я знала благодаря своему мужу лучше других видов, чаще играют на отдыхе. Соревнований в стране практически не проводилось. При таком положении было довольно трудно создать мужскую и женскую сборные команды. Но сотрудники министерства по делам молодежи, культуры и спорта считали, что достаточно пригласить опытного тренера, предоставив ему полную свободу в подборе игроков, и он за короткое время сможет подготовить команду, которая будет представлять Того на международных соревнованиях. Спортивное руководство хотело, чтобы Того участвовало в Африканских играх. Для этого необходимо было хорошо выступить, набрать определенное количество очков в четвертой зоне, куда входили Гана, Буркина Фасо, Бенин и Нигер.

Когда мой муж доказывал необходимость избрания другого пути — создать широкую базу для волейбола, проводить соревнования на высоком уровне, — его выслушивали, но настаивали на своем. Пропаганда и организация волейбола как массового вида спорта — это хорошо, но нельзя терять времени, нужна команда высокого класса, а значит, и результаты должны быть немедленными.

— Мы будем только приветствовать, если вы сможете сделать волейбол массовым, как вы говорите, видом спорта, но главная ваша задача создать команду, которая могла бы представлять нашу страну на международных соревнованиях. Это наше условие, мсье Киндр.

Вот так завершились первые совещания в министерстве по делам молодежи, культуры и спорта.

В течение нескольких дней тренер Киндр познакомился со всеми игроками Ломе и определил их возможности. Это не составило большого труда, так как в столице было всего четыре спортивных клуба. Посетив школы третьей ступени, университет и несколько воинских частей, он получил представление об уровне игроков, который был довольно низким. Не оставалось ничего иного, как продолжать поиски способных ребят и девушек.

В один из дней он оказался в казармах. Командир разрешил иностранцу присутствовать на утренней зарядке, но предупредил, что включение в сборную отобранных им солдат потребует согласия высших инстанций. Тренер остановил свой выбор на пятерых солдатах, которые, как ему показалось, заслуживали внимания. Четверо были освобождены на следующий же день: судя по всему, высшие инстанции не возражали. Что касается пятого, то командир покачал головой и сказал: «Придется просить согласия еще более высоких инстанций». Потом он раскрыл секрет: этот пятый был шурином генерала Эйадемы, а он не был уверен, удобно ли родственнику генерала играть в волейбол, когда перед ним блестящая перспектива. Через несколько дней пришел положительный ответ. Генерал ничего не имел против. Кроме солдат в команде были студенты лицея и университета, учитель, которого специально перевели с севера страны в Ломе, и несколько служащих.

Тренировки можно было начинать. Они проходили на центральном стадионе два раза в день: утром с шести часов, вечером при электрическом освещении. Дневные занятия исключались. Стадион был прекрасный, для волейбола имелось две площадки с крытой трибуной. Площадки были огорожены трехметровой стеной, в ее верхнюю часть была добавлена стеклянная крошка. Это должно было отбить желание у смельчаков взять ограждение штурмом. В целом все напоминало тюремный двор, но были и свои преимущества: игроки могли полностью сосредоточиться на тренировке и игре.

Волейбольные площадки были покрыты гудроном, вокруг — песок. С одной стороны, гудрон выдерживал дожди и безжалостное солнце, с другой — у него было много недостатков. Каждое падение — это ссадины, кеды так горели на нем, что каждые два месяца игрокам приходилось их менять. Говорю об этом потому, что стоили они довольно дорого, около 5 тыс. африканских франков (КФА).

Хуже было с женской командой. Она состояла из учениц школ третьей ступени. На тренировки они ходили, как правило, в сопровождении учителей, и хотя старались, но результаты были низкими, потому что девушки постоянно менялись и все приходилось начинать сначала. Как только они кончали школу, то оказывались настолько занятыми, что для спорта у них не оставалось времени. Такое положение являлось подтверждением

того, что спорт, особенно массовый,— отражение определенного уровня развития общества. Например, в атлетике могут появиться исключительные таланты, способные поразить мир и засверкать звездами первой величины, в игровых же видах спорта все намного сложнее. Можно организовать, можно достичь определенных результатов, но попробуйте убедить и доказать, что игра в волейбол важна для поддержания спортивной формы и здоровья, когда полно Забот самых прозаических.

Признаюсь, я часто восхищалась этими молодыми людьми из сборной. Они ходили на тренировки пешком через весь город. Только некоторые из них ездили на велосипедах и мопедах. Большие трудности приходилось испытывать ученикам школы третьей ступени, которые не получали никакой стипендии, зависели от семьи и перебивались случайными заработками. Нередко я встречала этих ребят поздно вечером в парке, где они, устроившись под фонарем, готовили свои задания. Электричество здесь очень дорого, и, по-видимому, у них дома его просто нет. Между этими учениками и студентами, живущими в прекрасных общежитиях и готовившимися занять место в привилегированном обществе, целая пропасть. В спорте, конечно, все решает результат, однако нередко на него оказывают влияние неодинаковые условия жизни игроков.

Царство торговли

Каждый знакомится с городом по-своему. Я обычно начинаю с базара. Не потому, что испытываю страсть к приобретательству или меня одолевает праздное любопытство. Мне всегда казалось, что именно здесь подлинное зеркало жизни города: сюда стекаются все его жители. Базары интересовали меня и как фотографа. Но прошло довольно много времени, прежде чем я решилась отправиться с фотоаппаратом на улицу.

Европейский квартал, где мы жили, был красивый, но скучный и мертвый. Настоящая жизнь кипела в центре. Тут в низких глинобитных домиках с крышами из гофрированной жести, садиками и двориками живут тоголезцы; на узких улочках проходит вся их жизнь: здесь варят, едят, стирают, моются, а ночью на циновках или топчанах спят.

В улочках, напоминающих муравейник, находятся самые разнообразные лавки и мастерские, все делается на глазах прохожих или заказчиков. И то, что производится, сразу же на месте продается. Сапожник тачает какие-то сандалии из старых покрышек, портной шьет майки, которые развешивает на длинной палке на обозрение покупателей. Здесь изготавливают многочисленные сувениры и украшения, всевозможные амулеты, тут же работают и часовщик, и писец, готовый за умеренную плату написать письмо или прошение, и парикмахеры, и брадобрени. Центр города — это один большой базар, одна большая мастерская.

Самое оживленное место — перед базаром. Огромные белые здания издали похожи на зимний стадион. Не берусь сказать, кого здесь больше — покупателей или торговок. Торговля на улице полностью находится в руках женщин. С раннего утра и до позднего вечера они просиживают в палатках или у лотков, сколоченных из досок, а чаще всего просто у больших белых эмалированных тазов, в которых лежат апельсины, бананы, кукуруза, перец, орехи кола, ямс, маниок... На базар несут все: это и плоды или овощи, и несколько пачек сигарет или спичек, и изношенная шина, две-три рыбы или банки из-под консервов. В толпе шныряют дети; торговле обучаются с раннего детства.

Базар не входит в сферу государственной торговли. Торговки покупают место за определенную плату, которая зависит от самого места и спроса на товар. Продавать на базаре — мечта всех уличных торговок. На базаре можно оставить товар на ночь, тогда как торгующие на улице вынуждены его забирать с собой, над базаром есть крыша, защищающая от солнца и дождя. В остальном торговля на улице существенно не отличается от торговли на базаре. На базаре торговля организована лучше. На первом этаже — продукты: фрукты, овощи, рис, земляные орехи, маниок и ямс, мясо, которое выглядит не очень привлекательно: на прилавках лежат целые туши, все облепленные мухами. В основном продается баранина и птица, свинины, конечно, не видно. Вокруг мясных прилавков стоит такой смрад, что мы всегда спешили быстрее пройти их. На втором этаже — промышленные товары, хозяйственные принадлежности, ткани в огромном количестве и разнообразии красок, изделия из кожи, транзисторные японские и американские приемники, магнитофоны. И, конечно, бижу-

терия и снова бижутерия, масса всевозможной косметики, кремов, духов, мыла и стиральных порошков. Крытый базар огромен, и все-таки на нем тесно: ларьки лепятся один к другому, а люди, покупатели и продавцы, тонут в море товаров. Здесь действует принцип — весь товар должен быть выставлен. Среди огромной толпы покупателей снуют продавщицы и их помощницы, которые постоянно что-то делают: подметают, готовят товар, переключивают его, перебирают и вытирают, а если это зелень, поливают ее. Я не видела продавщицы, которая спокойно сидела бы у своего товара и безучастно ждала покупателя.

Африканская улица обрушивается на европейца своей пестротой. Это невероятное смешение красок, усиленное ярким солнцем. Чем более броский товар, тем больший успех ему обеспечен. Не существует никакой логики, никого не волнуют законы сочетания цветов. Африканцы как будто чувствуют, что для природы, которая сама сияет всеми цветами радуги, ничто другое не годится.

Женщины носят узкие длинные юбки, которые шьются в присутствии заказчика. В такой одежде можно передвигаться только мелкими шажками. Носят одежду и наподобие римской тоги: длинное полотнище ткани, в которое заворачиваются с головы до пят. Мужская одежда по пестроте не уступает женской. Рисунки тканей самые разнообразные: цветы, геометрические фигуры, в которых, случается, можно увидеть портрет генерала Эйадемы.

Пройти спокойно по торговому центру нелегко: торговки буквально набрасываются на покупателей и стремятся заставить купить товар. Их энергия удваивается, как только они замечают в глазах покупателя неуверенность или хотя бы слабый интерес. Особое внимание уделяется белым покупателям. Едва они появляются на базаре, местные жители расступаются, чтобы те лучше могли осмотреть товар и никто не мешал бы торговле идти своим чередом.

При первом посещении базара я не отважилась ничего купить. Я была потрясена, а торговки, почувствовав мою нерешительность и растерянность, избрали меня своей добычей: они набросились как осы, тянули за руки, дергали, кричали прямо в уши. Передо мной мелькали руки и лица, я чувствовала, что по лицу текут ручейки пота, но не было сил вытереть его. Спас шофер,

оставивший машину недалеко: он проложил дорогу, используя не только свои голосовые связки, но и локти, а возможно, и ноги. Когда нам удалось пробиться к машине, я сделала глубокий вдох и думала только о том, чтобы как можно скорее оказаться под душем.

Эти впечатления какое-то время преследовали меня даже во сне. Но потом я научилась сама делать покупки и чувствовала себя уверенно в водовороте базара. Цены нетвердые, каждый раз надо торговаться. Торговаться — это закон, до некоторой степени спорт. К этому здесь надо быть готовым и следует запастись терпением.

Как-то мне нужно было купить несколько метров ткани, и я спросила, сколько стоит материал.

— Тысячу франков,— ответила торговка, устремив на меня свой испытующий взгляд.

— Это много, столько я не дам.

— А сколько дадите? — спросила она.

— Пятьсот.

Мы обе понимали, о чем речь. Она стала набавлять цену, я — понижать. Я заранее знала, что за этим последует. Она начала кричать:

— Пятьсот франков за такую прекрасную ткань! Вы меня разорите; если бы я так торговала, то ничего бы не заработала, а я кормлю семерых детей. О, совесть бы вас замучила!

Готовые проповеди, прекрасное актерское исполнение, выученная роль с фейерверком слов и воздействием на чувства. Я подождала, пока она закончит, а потом снова спросила, уже по-деловому:

— Так сколько?

— Семьсот.

— Это дорого.

И снова причитания. Я пожала плечами и собралась уходить. Но она схватила меня за руку и сказала, теперь уже вполне спокойно:

— Шестьсот. Окончательная цена.

Окончательная цена — это звучало как заклинание. Оно означало конец сделки.

— Шестьсот дам,— сказала я.

Торговка в момент стала сама любезность и не скрывала радости, что продала товар. Даже поклонилась мне, сказав, что с такими покупателями она охотно будет иметь дело, приглашала приходиться.

Как только сделка совершена, торговки ведут себя

корректно, они берегут свое доброе имя. Во всей этой процедуре проявлялся не только естественный талант, но и честность. Торговля — это открытая игра, в которой у обеих сторон одинаковые шансы: торговец должен продать подороже, покупатель — купить подешевле.

Однажды какой-то американский турист у лотка с сувенирами покупал фигурку девушки, кажется, из эбенового дерева. Торговец (торговля сувенирами монополия мужчин) назвал цену, и американец без слов достал бумажник и начал отсчитывать деньги. Торговец, внимательно наблюдавший за ним, поинтересовался:

— Вы не будете торговаться?

— Нет, а зачем?

— Я просто спрашиваю, — ответил он.

Американец заплатил и ушел с покупкой. Торговец смотрел ему вслед и качал головой, как будто чувствовал себя обманутым. Потом проворчал:

— Разве это торговля...

Он с нетерпением ждал, как померяется с американцем силами, как покажет свое искусство. Американец обманул его надежды.

Но как-то мне довелось пережить неприятные минуты. У торговли не было сдачи, у ее подруг тоже не оказалось подходящих денег. Она огляделась и подозвала какую-то девушку, проходившую мимо. Прежде чем я успела что-то сказать или возразить, она сунула ей мою ассигнацию. Потеря составляла 200 КФА, а выигрыш восемьсот. Все это длилось несколько секунд, и я уже готовилась к худшему.

— Вернется ли она с деньгами? — спросила я торговку.

Она искренне рассмеялась и сразу же передала подругам мои подозрения как остроумную шутку. Они не обиделись и тоже рассмеялись. Наконец девушка вернулась, и я получила свои восемьсот франков. Я старалась скрыть свое смущение.

Как-то я оказалась свидетельницей отнюдь не веселой сцены. Мальчик лет двенадцати стащил с лотка апельсин. Что тут началось! — казалось, надвигается ураган. Женщины принялись кричать и визжать, десять из них бросились вслед за преступником, который петлял между палатками и ларьками и пытался скрыться в толпе. Они его настигли, били по спине, по голове, таскали за волосы. Они могли бы избить его до смерти, если бы кто-то не крикнул: «Отведите его в полицию!»

Моментально все стихло. Мальчик стоял с перепуганным лицом, окруженный этими «амазонками», тяжело дыша и вытирая кровь, которая текла из уголков рта. Вдруг я подумала, что могла бы возместить его провинность и тем самым выкупить мальчика, но сделать этого не решалась. Не знала, какой может оказаться реакция. Ущерб был пустяковый, но дело было не в этом. Женщины собрали деньги на такси и увезли мальчика. Это была демонстрация жестокой справедливости, и я не могла отделаться от мысли, что женщины этому бедному, худому мальчику, который был таким же, как они, подсознательно мстили за что-то другое, более значительное, известное им одним.

Мне объяснили: не важно, что украдено, мотоцикл или апельсин, важен факт, а он заслуживает наказания. Но тут же добавляли, что в Того подобные случаи — редкость. В Того просто не воруют. А если уж какой-нибудь вор и объявится, можете быть уверены, он из Ганы...

Не угодно ли соваж?

Для обслуживания состоятельных тоголезцев и европейцев в Ломе имеются два великолепнейших торговых дома, один из них принадлежит крупной французской торговой компании, обосновавшейся в Того, второй, как говорит само название «Парискоа», тоже французский. Это первоклассные магазины по типу европейских, с богатым выбором товаров и большим штатом служащих.

При малейшем желании приобрести что-либо покупателя окружают предупредительные продавцы, ему не приходится утруждать себя тележками магазинов самообслуживания: покупку отнесут в машину. Цены высокие, но твердые. Здесь нет необходимости торговаться, к чему европейцы, как правило, не привыкли и не считают нужным тратить на это время.

Простой тоголезец в эти сверкающие, с прекрасными витринами магазины не заходит, а если вы здесь встретите чернокожего покупателя, это чаще всего будет слуга или бой, который делает покупки для своего господина. Он ведет себя так, как, по его представлениям, вел бы себя его патрон: чем он более важен и знатен, тем более важно ведет себя и слуга.

В Ломе легко пересчитать магазины европейского типа. Это те, в которых есть витрины. Помимо трех магазинов фирмы «Батя», здесь есть книжный магазин, принадлежащий католической миссии, за его прилавком стоят монашки. В нем продаются книги всех стран мира. Любители книг приходят сюда как в читальный зал. Затем немецкий мясной магазин «Марокс», хозяева которого продают продукты с собственной фермы, французские магазины — ювелирный и скобяных изделий. Владельцы остальных — ливанцы. Эти магазинчики скорее похожи на склады: чем в них торгуют, можно узнать, только войдя внутрь.

Перед этими магазинами, как и перед домами торговли, сидят многочисленные местные торговки, у них здесь свои постоянные места, и нищие в ожидании подаяния.

Около базара расположились десятки национальных столовых, оборудованных лишь несколькими лавками или стульями и столом. Одни из них — прямо под открытым небом, что не очень приятно, другие — под плотняными навесами. Оборудование кухни также очень просто: стол, котел и несколько горшков на печке или жаровне. Посетитель видит, как готовится еда. На улице режут кур, женщины в больших ступках, выдолбленных из ствола дерева, покачиваясь, как в ритмичном танце, толкут ямс, на решетках жарятся кукуруза, рыба или бананы и ямс, который иногда называют африканским картофелем. Еда подается в жестяных тарелках, их убирают и моют дети. Старшие девочки приносят воду. Едят без приборов, руками, даже соус, для чего нужна большая сноровка и привычка. Пьют просяное пиво, которое иногда наливают через лед, привозимый сюда в мешках. После еды дети подают гостям калемас — миску из сушеной тыквы — для мытья рук.

Помимо таких столовых на улицах старого города много предприимчивых женщин, которые готовят пищу на маленьких переносных жаровнях или печках. Они знают, где их надо поставить, и как только раздастся сирена, возвещающая о наступлении полудня (прежде чем я привыкла к ее пронзительному звуку, меня всегда охватывала тревога), а значит, и времени обеда, они уже готовы к приему клиентов из различных контор и учреждений, из больниц, где о питании больных заботятся родственники. Едят, как правило, стоя, иногда тут же стоят несколько стульев, которые женщины, как и тре-

ножник с жаровней и мешок с древесным углем, приносят на голове. Таких поварих встретишь всюду, где есть надежда на клиентов: у больниц, на базарах, у стадиона. Меню без претензий. Чаще всего в него входит соваж, как здесь называют дикие бананы. По размеру они намного больше известных нам. Их можно есть только печеными. Это самая дешевая и самая популярная еда мелких служащих и торговков, людей улицы. Если бы я попыталась перевести стоимость порции соважа на наши деньги, получилось бы что-то около 10 геллеров³. Признаюсь, я попробовала соваж только раз. Вкус невероятно приторного мармелада, который с бананом не имеет ничего общего. Спешно проглотила два куска, и у меня было ощущение полной сытости. Потом я уже с нескрываемым удивлением наблюдала, с каким аппетитом тоголезцы уплетали огромные порции этой сверхсладкой массы.

Должна сказать, что соваж — не самая дешевая еда, которую предлагают покупателям. Есть еще сахарный тростник, нарезанный соломкой длиной 10 см. Продают его пучками. Сок высасывают, а мякоть выплевывают. Это еда самых бедных; меня уверяли, что она очень питательна и способна избавить от чувства голода на полдня.

Кроме этих сладких блюд, есть еще блюда из ямса, которые очень отдаленно напоминают чешские «шкубанки» — клецки из картофеля и муки. Ямс тоже продают на каждом углу. Его режут кубиками и варят, потом в большой миске превращают в кашу, заливают водой и засыпают мукой из маниока. Клубни маниока режут кусками и сушат. Затем уже из них делают муку. Маниок едят сырым или вареным. Жарить нельзя. Тщетно я пыталась испечь из него лепешки, однако муку из маниока вполне успешно использовала для приготовления картофельных кнедликов. В первые же дни пребывания в Ломе я убедилась, что ямс и маниок похожи, но это не одно и то же. Как-то вместо ямса я принесла маниок и хотела приготовить из него «жареный картофель», который пробовали в гостях. В тот день мы остались без обеда: этот «жареный картофель» оказался таким твердым и горьким, что его оставалось только выбросить.

Что действительно напоминает чешские «шкубанки»,

---

³ 10 геллеров (чешск.) ~ 1 копейка.

так это национальная африканская еда *фуфу*. Подается она отдельно или как гарнир к мясу, но чаще всего с таким острым соусом, что перехватывает дыхание, а желчный пузырь трепещет от радости. Эти дьявольские соусы, говорят, имеют лечебные свойства и служат гарантией от самых различных бактерий и микробов, которые в тропиках и днем и ночью готовы проникнуть в органы пищеварения.

Итак, едят ямс, маниок, кукурузу, просо, рис, земляные орехи, бананы, все виды овощей и, конечно, перец, который придает большинству блюд острый вкус, рыбу, из мяса в основном баранину и птицу. Наш обычный картофель — привозной, в самых лучших ресторанах вам подадут две картофелинки с рисом и маниоком. Один килограмм картофеля стоит столько же, сколько пять килограммов апельсинов. Хранить его нельзя. Через неделю в тропической влажности он плесневеет и гниет. В холодильнике картофель хранится месяц.

Порт Ломе — перевалочный пункт некоторых видов товаров, предназначенных для соседних стран. Виски здесь намного дешевле, чем коньяк или водка, с американскими сигаретами могут конкурировать лишь французские «Голуаз». На этих сделках наживаются многие, хотя ни виски, ни американские сигареты — не предметы первой необходимости. Для большинства населения они роскошь. Вместо сигарет тоголезцы жуют орехи кола, которые внешне напоминают каштаны, но горькие на вкус, или с удовольствием нюхают табак. А во время торжеств пьют пальмовое вино или просяное пиво.

Однажды я прогуливалась по порту и наблюдала, как сгружают с судна огромные тюки. На молу скопились люди, которые грузили их на машины. Спустя некоторое время я узнала, что эти тюки — «дар» благотворительных организаций Европы, а в них — поношенные или негодные вещи. Здесь такой тюк стоит гроши, и его покупает тот, кто в состоянии увезти. Где-нибудь на базаре тюк развяжут, и покупатели выберут из него, что им подойдет. В посылках от «дядюшек» из Европы немало «сюрпризов». В одних — одежда, в других — обувь, сумки и даже поношенные модные шляпы. Не единожды я была свидетелем того, как толпа людей копошилась в груде грязных рубашек, брюк, платьев, белья. Каждая находка сопровождалась возгласом: то, что удавалось схватить, тут же примерялось и демонстри-

ровалось другим. Такие сцены как будто напоминали далекое прошлое: первых бродячих торговцев-старьевщиков. У меня они вызывали грусть.

Африканская женщина

С первых дней моей жизни в Того многое говорило о том, что женщина здесь главная фигура. Постепенно я начала проникать в этот интересный и сложный вопрос.

Роль женщины в общественной и хозяйственной жизни действительно особенная, то же можно сказать и об остальных странах Западной Африки. Пока она этого еще не осознает, но это ничего не меняет в существе дела. Сегодня и в городе, и в деревне женщина подчинена мужчине, будь то муж, дядя или брат. Ее предназначение — рожать детей. Женщину ценят по тому, сколько она подарила миру детей и скольких воспитала. Поэтому женщины здесь почти постоянно в положении и в сорок лет многие уже выглядят как старухи.

Девочки с детских лет готовятся к домашней работе. Едва они подрастают, им вручается веник — они должны подметать, мать учит их варить пищу, берет с собой в поле, доверяет им присматривать за младшими детьми. Десятилетние девочки уже носят своих братишек и сестреночек на спине в таком же узле, как взрослые женщины. Совсем маленькие девочки носят на спине кукол — и детская игра связана с будущей ролью матери. С семи-восьми лет девочки учатся носить разные вещи на голове.

Мать воспитывает дочерей, отец — сыновей. Работа мужчины и женщины с самых ранних лет различается. Мужчина выполняет такие работы, как рубка деревьев и корчевание буша. Он отыскивает землю и обрабатывает ее. На женщине вместе с делами по дому лежат полевые работы, уход за скотом и продажа сельскохозяйственных продуктов. Одна из основных ее обязанностей — обеспечить семью водой. В городах это несложно, в деревнях же приходится ходить за водой за несколько километров. Женщины вывозят с полей урожай. Мужчины выполняют случайную работу, женщины — регулярную. Четкое разделение труда существует и у ремесленников.

Меня интересовали обязанности родителей по отношению к детям. Мои собеседники не сразу поняли, о

чем идет речь. Им казалось вполне естественным, что о детях заботится мать. Отцу не положено думать, чем накормить детей. Так уж сложилось в Африке с незапамятных времен. Это традиция. Возможно, именно этим объясняется необыкновенная активность африканских женщин. На их плечах лежит главная забота о новом поколении. Помимо повседневной работы им приходится изыскивать источники доходов, возможности заработка.

Женщина ценится не только по количеству рожденных ею детей, но и по тому, сколько она способна заработать. Судьба африканских женщин тяжела и сурова. В этом и парадокс: с одной стороны, женщина подчинена мужчине и его семье, с другой — в финансовом отношении она независима. Она заботится о муже, стирает и варит для него. Значит, она кормит его, но своим заработком с ним не делится. Доходы мужа и жены четко разделены, и каждый распоряжается ими по своему усмотрению. Муж не вправе вмешиваться в финансы жены. Однако мужчины без смущения занимают деньги в долг у своих жен и не считают это унижительным. Но долг им приходится возвращать.

Возможности постоянной работы для мужчин ограничены, у женщин они и того меньше. В современном Того постоянно заняты около 80 тыс. взрослых граждан. Из них на женщин приходится ничтожный процент. В государственных учреждениях, например, в 1972 г. работали 8600 мужчин и только 350 женщин⁴. Чаще всего женщины — это учителя, работники социальных учреждений, медицинские сестры, акушерки. Мужчины занимают должности в государственных учреждениях, управлениях, в школах и армии. Только государственные служащие получают надбавки на детей, которые рождены от одного, признанного государством брака. Но к этому мы еще вернемся.

Главная сфера деятельности женщин — это торговля. Я бы сказала, что здесь в одинаковой степени можно говорить как об экономической, так и об общественной стороне дела. Именно торговля позволяет женщине участвовать в общественной жизни. Женщины идут на базар не только для того, чтобы заработать. Там они обмениваются новостями, обсуждают различные проблемы. Фактор времени или, точнее, потери времени не

⁴ В 1980 г. в госучреждениях и госпредприятиях работали около 24 тыс. человек.— *Примеч. перев.*

главное. В государствах Африки у всех его достаточно, и их жителям неизвестен принцип «время — деньги». Здесь не привыкли измерять пользу или выгоду затраченной энергии временем.

Нередко женщины преодолевают 20—30 км пешком до ближайшего базара, хотя заранее знают, что их выручка будет незначительна. Товар, который они чаще всего носят в эмалированных тазах на голове, весит до 30 кг. У матери кроме такого груза на спине еще, как правило, сидит ребенок. Поездки в более отдаленные места, будь то на машине или поезде, сплошное мучение. Долгие часы ожидания в пыли и зное, сон на вокзалах или на улицах. Но женщины преодолевают все эти трудности с поразительной стойкостью. Вы видите их в постоянном действии, улыбающихся и веселых. Только в минуты полуденной сиесты они, как бы выключив свой постоянно работающий мотор, прилягут в тени, чтобы набраться новых сил и энергии.

На первый взгляд кажется, что торговля ведется стихийно. У меня тоже сначала сложилось такое впечатление, когда я прохаживалась по оживленным торговым улицам и базару. Но потом я внимательно пригляделась к этой непрекращающейся суете и обнаружила, что здесь действует определенный порядок и свои правила. У торговков, или, как их здесь называют, *ревандез*⁵, есть своя собственная организация и иерархия. По данным статистики, торговлю с 2,7 млн. жителей Того ведут около ста тысяч женщин. В это число не входят тысячи случайных торговков. В Ломе на восемь жителей приходится одна торговка. Во главе этой иерархии стоят так называемые главные *ревандез* — их всего около двадцати. Трех из них по положению можно сравнить с министрами. Это чрезвычайно богатые женщины со своим управленческим аппаратом, прислугой, виллами и «мерседесами». В народе их иногда называют *papa-benc*. Возможно, по аналогии с названием фирмы «Мерседес-Бенц». Одна из них — владелица двадцати такси. Другие построили фешенебельные виллы, которые снимают в основном иностранные эксперты. *Ревандез* работают советниками торговых домов и иностранных компаний. Они имеют полное представление о потребностях рынка, оказывают влияние на результаты выборов, они — меценаты культуры и спорта. Их годовой

---

⁵ Ревандез — перекупщица (фр.). — Примеч. перев.

оборот составляет около 7 млн. КФА. Внешне они ничем не отличаются от остальных женщин, но все увешаны драгоценностями и поразительно толстые. Их принимают с подобающим уважением. Как только папа-бепс входит в банк, все служащие поднимаются и начинают вертеться вокруг нее, остальные клиенты уже смиряются с тем, что им придется ждать, пока улыбающаяся мадам не отбудет в своем лимузине.

Однажды нас пригласили на концерт хора, который состоялся в костеле. Мы сидели в первом ряду по соседству с «покровительницами». Когда концерт окончился, они поднялись и отправились лично вручать каждому участнику хора свой подарок — 200 КФА. Таким же образом они одаривают футболистов за выигранный матч. При этом держатся непринужденно, шутят. В основном это пятидесятилетние женщины, энергичные и высокомерные; наблюдая за ними, с трудом можно было допустить, что в своей личной жизни они руководствуются какими-то традициями. Они могут позволить себе жить, как считают нужным.

У *ревандез* монополия на оптовую торговлю, которая, в свою очередь, находится в руках иностранных компаний. Они пользуются абсолютным доверием и в любое время могут получить кредит. От них товар направляется к их помощницам, составляющим промежуточное звено в торговой системе, и, наконец, к самой многочисленной группе — рядовым торговкам. Это те, которые продают товар на базарах и улицах. Такая система торговли и распределения товара являются также якобы «традицией». Что только не скрывается за этим словом!

Сделки заключаются на все импортные товары, кроме машин, инструментов, строительных материалов, алкоголя и лекарств. В зависимости от спроса продаются предметы домашнего обихода, посуда, ткани, парфюмерия и продукты питания. Торговки обеспечивают распределение местных сельскохозяйственных продуктов. Исключение составляют сувениры, обувь и конфекция, которыми торгуют хауса и ливанцы.

Ревандез принимает товар, складывает его у себя дома или же прямо в порту передает своим помощницам, от которых его получают торговки, имеющие постоянное место на базаре или вблизи своего дома. Другие торговки отправляются с товаром в глубь страны. Большой частью это женщины, которые приезжают с се-

вера продать товар на юге. Хотя товар и имеет высокую цену, но он кочует из рук в руки, поэтому заработок торговки ничтожен.

Капиталовложения в такую торговлю чрезвычайно незначительные. Очень редко в торговых сделках принимают участие посторонние. Чаще всего подключаются взрослые дочери.

За постоянное место на базаре вносится плата, которую каждое утро собирают солдаты. Плата невысокая и устанавливается в зависимости от вида товара. Самая низкая плата берется за продажу дров и продуктов. В воскресные дни вообще плата не взимается. Торговки в соответствии с доходами делятся на четыре группы. Они должны иметь так называемый патент. В категорию торговки, т. е. профессионалок, входят женщины с годовым оборотом 160 тыс. КФА. Только в случае, если эта сумма будет превышена, берется установленный налог с оборота и подоходный налог.

По данным торговой палаты, в последние годы годовой оборот торговли в Того составляет 171,8 млрд. КФА. Это значительная сумма, и она подтверждает экономическое значение деятельности тоголезских женщин, хотя пока торговля и не ведет к концентрации капитала. Только у крупных торговки имеются банковские счета, другие же их товарки носят вырученные деньги с собой и тут же пускают их в оборот.

Большинство торговки не умеют ни читать, ни писать. Им незнакома никакая бухгалтерия, но они имеют отличное представление о ценах, покупательной способности и потребностях рынка. Они знают, где и когда проходят большие базары и какой товар можно превратить в деньги. Как правило, они не ограничиваются одним базаром, а кочуют из одного места в другое и таким образом обеспечивают постоянное движение товара. Иногда они проводят в дороге по несколько недель.

В городах за каждой торговкой закреплен определенный район. Нашу улицу, например, снабжала овощами тридцатилетняя женщина. Она приходила каждое утро и знала, что нам нужно. К спине ее был привязан ребенок, две старшие дочери помогали нести товар. Я была уверена, что она сама выращивает овощи. Но однажды она принесла только редис и извинилась, что ничего больше не может предложить мне для супа. Другой товар ей не выдали. Тогда я поняла, что и она

лишь звено в сложной торговой цепи. Так неожиданно я научилась использовать для супа и редис!

Как-то мимо шла девушка с арбузами. Я окликнула ее и попросила подняться наверх, но она лишь покачала головой. Через какое-то время она вернулась и сказала, что женщина, которая обслуживает нашу улицу, разрешила ей продать нам арбузы. И здесь господствовал определенный порядок: ни одна торговка не могла предлагать свой товар, где ей вздумается. Если она заболевает, ее заменяет товарка.

Торговля в Того организована не по нашим европейским меркам, но одно в ней удивительно — как прекрасно она налажена. Не исключено, что именно торговле суждено сыграть решающую роль в будущем страны. Для общества в целом, а для положения женщин особенно. Ведь именно женщина с помощью торговли получает самостоятельность и сознательно или непроизвольно становится в оппозицию. А отсюда всего один шаг до того, чтобы обрести свои социальные права.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Взгляд в прошлое

Того — одно из самых небольших африканских государств. Это узкая полоска земли, протянувшаяся от Гвинейского залива на север. Ширина ее 50—150 км, длина — около 600 км. На данной территории проживают 2,7 млн. человек, из которых свыше 50% — дети до пятнадцати лет. В этой маленькой стране как в капле воды отражаются проблемы всех государств Черной Африки, здесь тесно переплелось прошлое и настоящее. Того было одним из первых африканских государств, добившихся независимости.

Однажды в Ломе я присутствовала на дискуссии, где обсуждался вопрос: как бы выглядела эта часть Африки, если бы продолжала свой естественный путь развития? Это был интересный вопрос, хотя и чисто академический. Из истории ничего нельзя вычеркнуть. Колониальные державы столетиями грабили и расхищали национальные богатства, силой оружия подчиняли местных вождей, продавали коренных жителей в рабство. Такова цена мизерной доли цивилизации, которую они

с собой приносили и с помощью которой пытались ставить эту часть Африки жить по своим законам. Однако такой вопрос можно даже назвать провокационным: как бы выглядела Черная Африка, если бы судьба уберегла ее от тяжких страданий? Продвинулась бы она дальше, чем сегодня, и какой бы она была?

История стран Гвинейского залива столь же богата, как и история любой части Европы. Здесь создавались и умирали могущественные империи, велись войны между династиями и народами. Здесь была развита высокая культура.

Это подтверждают многочисленные свидетельства, и еще задолго до того, как Западная Африка стала объектом колониальной экспансии. Восстановить ее историю очень сложно, потому что нет достаточного количества письменных источников. И даже более близкая история часто строится на догадках и легендах, отрывочной и не всегда объективной информации жителей, торговцев и миссионеров. Черная Африка долго оставалась для Европы «закрытой», и сведения, которые оттуда поступали, порой носили характер сенсаций или обычных сплетен. К ним относились, например, и рассказы итальянского путешественника Антонио Мальфанти (1447 г.), который на основании слухов, собранных в Северной Африке, утверждал, что к югу от Великой пустыни живут черные люди, похожие на животных, что сыновья там сожительствоуют с матерями, а отцы — с дочерьми, что рождаются они очень быстро и у них огромное количество больших богатых городов. Такие «новости» будоражили Европу, возбуждали ее фантазию, но для настоящего изучения Африки не представляли никакой ценности.

Португальцы, стремясь проникнуть в Индию, отправились в конце XV в. исследовать побережье Западной Африки. Они были первыми европейцами, которые высадились на побережье Гвинейского залива. Идти в глубь континента португальцы не решились, но предполагали, что там находятся могущественные государства, с которыми можно вести выгодную торговлю. Их интерес еще больше возрос, когда вожди прибрежных народов предложили им золото. Португальцы взяли в аренду часть побережья на территории современной Ганы и в XV в. возвели здесь первую укрепленную торговую факторию, которую назвали Элмина — Золотое дно. Ее по частям привезли из Португалии и уже на

месте смонтировали. Здесь было действительно «золотое дно». В XVI в. Золотой Берег давал 35% всей мировой добычи золота. Небезынтересно, что в этой экспедиции участвовал и легендарный Христофор Колумб. А открытой им Америке предстояло сыграть в жизни Африки весьма малопочетную роль. Португальцы привезли в Европу первых черных рабов. Так, напоказ, как диковинку. Никто тогда не предполагал, какого размаха достигнет торговля ими после открытия американских континентов.

В американских колониях потребность в живой силе для работы на серебряных рудниках и плантациях была огромной. Европа удовлетворить ее не могла, и колонизаторы снова обратили свои взоры к Африке. На Гвинейском побережье началась жестокая борьба за приоритет. Португальская монополия продержалась недолго. В числе соперников оказались голландцы, французы, англичане, датчане, шведы, а позднее и пруссаки. Сражались не только оружием, но подкупом и лестью. Колонисты старались всеми средствами завоевать расположение местных вождей и правителей, чтобы закупить побольше невольников.

Пока на побережье росли десятки факторий белых завоевателей, на материке между собой вели войны вожди разных народов, а пленных продавали в рабство.

Рабство в Африке существовало давно, задолго до прихода европейских завоевателей. Но именно они показали африканским вождям, как на нем можно заработать. Торговые фактории на побережье превратились в сборные лагеря, где до прихода кораблей содержали невольников, а затем их продавали за ткани, оружие, табак, ром, посуду, случалось, и за шляпу или нитку бус. Качество «товара» тщательно проверялось. Рабы выходили на крепостную площадь, где корабельный фельдшер проводил осмотр. Покупали мужчин до тридцати пяти лет, женщин до двадцати пяти. У невольника прежде всего должны были быть здоровые зубы, губы и глаза, оценивались и его общие физические данные. Если он удовлетворял требованиям, на груди ему ставили клеймо каленым железом, чтобы по дороге его не могли обменять. Путь до Карибского моря продолжался пять недель. В дороге многие умирали от голода и жажды.

Общее число черных рабов, вывезенных в страны Карибского бассейна и Бразилию, неизвестно. Предпо-

лагается, что эта цифра достигает примерно 15 млн., но возможно, она и выше. Некоторые историки считают, что сокращение африканского населения в результате работорговли и значительных потерь в пути составило 50 или даже все 100 млн. человек. Можно ли вообще определить масштабы ущерба, который нанес развитию Африки вывоз такого огромного числа физически крепких людей? Самого большого размаха работорговля достигла в XVII в. Только в начале XIX в. она была официально отменена, но велась контрабандным путем до 80-х годов XIX в. Бразилия, например, издала официальный запрет только в 1888 г.⁶

Одними из самых крупных поставщиков рабов в Западной Африке были Абомейское государство и вожди народов, располагавшихся на территории современных Того и Бенина. Не зря данная часть побережья называлась Невольничьим берегом. Именно этот район англичане и французы сделали объектом своей колонизации в конце XIX в. Англичане двигались с запада, со стороны современной Ганы, французы — с востока, со стороны современного Бенина. Народ сегодняшних Того и Ганы — эве, живший на побережье, искал против этих завоевателей силу, которая бы его защитила и помогла сохранить независимость. Выбор пал на немцев, не испытывавших расположения ни к англичанам, ни к французам. Немецкие торговцы и миссионеры обосновались здесь в 1850 г., а англичане и французы осложняли им существование, особенно в 80-е годы. Речь шла не только об интересах бременских и гамбургских торговцев, под угрозой оказались интересы Германской империи. Поэтому сам император Вильгельм I поручил знаменитому путешественнику и врачу Густаву Нахтигалю изучить положение на месте. Нахтигаль вступил в контакт с вождями эве и сразу оценил обстановку. Он заверил их, что попросит императора от их имени о помощи против англичан. Вожди эве были ему благодарны и, вероятнее всего, с его помощью составили письмо, в котором сообщали о своем трудном положении. Только незнанием европейского коварства, и особенно бисмарковской Германии, можно объяснить последние слова этого исторического документа: «Мы про-

---

⁶ Подробнее читатель может ознакомиться с этими вопросами, прочитав монографию: С. Ю. Абрамова. Африка. Четыре столетия работорговли. М., 1980.— *Примеч. ред.*

сим Ваше Величество о помощи и полностью отдаем себя под его защиту...»

Этот договор об оказании помощи был подписан вождями эве и Нахтигалем в местечке Того на берегу лагуны. В память об этом историческом событии здесь возведен памятник, на котором выбита надпись по-немецки и на языке эве. По имени этого местечка немцы называли и территорию, которая сама отдала им себя в руки. Того «по собственному желанию» в 1884 г. стало германским протекторатом. Тогда же немцы заняли и Камерун. И в этой дипломатической операции весьма успешно действовал Нахтигаль.

Однако Бисмарк, фактически стоявший в это время у власти в Германии, не удовлетворился только побережьем, где жили эве. Он пытался расширить территорию своей колонии на севере. Там он столкнулся с сопротивлением народа кабре, который напрасно доказывал, что не просил у немцев никакой помощи. После многолетней войны немцы огнем и мечом все же заставили его покориться, а пленных согнали на строительство железной дороги Ломе — Кпалиме. Немецкие солдаты сражались в рядах войск соседнего Абомейского государства против французов, и можно предположить, какая жестокая судьба постигла тех, кто попал к ним в плен.

Вожди эве совершенно иначе представляли себе немецкую помощь, но было уже поздно рассуждать, доказывать. Немецкое колониальное управление взялось за дело энергично, с истинно немецкой основательностью. Сделать из Того образцовую колонию и тем самым привлечь на свою сторону другие народы Западной Африки — вот в чем заключались честолюбивые планы немцев. За сравнительно короткое время построенные железная дорога, шоссе и мосты — они действуют и сегодня — соединили столицу с отдаленными районами страны; в Ломе появились новые кварталы, на улицах аллеи, начали строить причал, который позволял разгружать большие суда, возводились торговые дома, отели, банки, учреждения. Побережье засадили кокосовыми пальмами, привезенными из Бразилии, на границе с тропическими лесами в северо-западной части Того заложили плантации какао и кофе, высаживали тиковые сады и увеличивали площади хлопчатника. В Ломе был создан Институт Гёте, где и сегодня проводятся выставки, лекции, демонстрируются фильмы, работают

курсы иностранных языков, имеется богатая библиотека и читальный зал.

Германское колониальное господство в Того продолжалось тридцать лет, вплоть до начала первой мировой войны. В самом начале войны велись поиски нового покровителя. В конце концов в Того обосновались Англия и Франция, дав ясно понять, что и не помышляют уходить отсюда. Когда несколько позднее, в 1922 г., Того было объявлено мандатной территорией Лиги наций, именно этим двум государствам было доверено управление ею. На карте Западной Африки появились новые названия — Британское Того и Французское Того. Ничего не изменилось даже после второй мировой войны, с той лишь разницей, что британские и французские «управляющие» усилили свою бдительность против растущего освободительного движения. И все-таки англичане не смогли воспрепятствовать тому, чтобы тогдашний Золотой Берег провозгласил свою независимость. Им оставалось довольствоваться тем, что вновь возникшая Гана стала членом Британского содружества наций. Это произошло в 1956 г. И тогда же на основании результатов референдума Гана присоединила к своей территории Британское Того.

Трудно себе представить, как проходило это народное голосование, но его результаты надолго осложнили отношения двух соседних государств, оставили след на Того, который и по сей день не зарубцовывается. Того потеряло самую плодородную часть своей территории в бассейне реки Вольта и мощный источник энергии. Именно в этом районе немцы создали самые крупные плантации какао. Кроме того, разбились роды эве, их семьи, что можно считать наиболее трудной из всех проблем. В ней источник непрекращающихся противоречий и осложнений.

Территория Французского Того вскоре обрела внутреннюю автономию, а в 1958 г. автономию в рамках Французского сообщества. 27 апреля 1960 г. Тоголезская Республика провозгласила свою независимость. Надежда на возвращение Того первоначальных границ очень слаба, поскольку Гана возвела на Вольте крупнейшее гидротехническое сооружение в Африке.

Когда в 1960 г. была провозглашена независимость Того, на торжества пригласили и бывшего немецкого губернатора, восьмидесятипятилетнего глуховатого старичка, в мундире, пахнущем нафталином, которого с боль-

шим почетом возили из города в город. Как рассказывали очевидцы этого события, старый губернатор не очень понимал все происходившее. Тем не менее этот эпизод свидетельствует о том, насколько были сильны и продолжали жить воспоминания о немецком управлении. Определенную роль в этом, безусловно, сыграли очевидцы тех событий. Однако нельзя отрицать и известное почтение и восхищение, вызываемые немцами и у представителей младшего поколения, прежде всего интеллигенции. До сих пор немцы в их представлении — это блестящие организаторы, специалисты и мастера, которые в отличие от французов меньше говорят и больше делают, они практичные и надежные люди. Поэтому молодежь стремится получить образование в ФРГ или ГДР. Это отношение к немцам не омрачила и вторая мировая война. Я была удивлена, как мало здесь люди знают о преступлениях нацистов. Однажды мы были на каком-то французском фильме о борьбе французских партизан против нацистских оккупантов. Некоторым зрителям казалось, что немецких офицеров в фильме просто высмеивают и оскорбляют, в зале часто раздавался свист, а многие вообще вставали и уходили.

Независимость и ее проблемы

Молодое государство прежде всего должно решить вопрос своей политической ориентации. Возвращение к «старым, добрым, но строгим немецким отцам» было невозможно. Экономика и культура Того были уже тесно связаны с Францией. Французский язык нельзя было заменить никаким другим точно так же, как и старый французский франк, который оставался твердой валютой. *Culture Française*⁷ продолжала оставаться идеалом тоголезской интеллигенции, а *Bourse en France*⁸ — целью молодых тоголезцев, мечтающих об образовании и карьере.

Во Франции получают образование большинство будущих служащих, учителей и дипломатов, тогда как врачи, биологи, агрономы и техники отдают предпочтение учебе в ФРГ или в социалистических странах. Во французской ориентации ничего не изменилось, в сущности, даже в период, когда серьезно обострились

⁷ Французская культура (фр.).

⁸ Стипендия во Франции (фр.).

противоречия между первым тоголезским президентом Олимпио и правительством Франции и когда в Того поднялась волна антикоммунизма. Это сложное отношение сохраняется до сих пор.

Я не раз убеждалась, насколько тесно, хотя и не всегда явно, Того (а с ним все страны так называемой франкоязычной Африки) связано со своей древней «главной» страной. С первого дня в школе тоголезские дети постигают основы французского обучения. Они изучают изысканный французский язык, знакомятся с французской культурой. В высших учебных заведениях профессора-французы и не пытаются приспособить учебный материал к условиям страны. Наша дочь, которая посещала в Ломе университет, рассказывала, как подробно студенты анализировали «Мадам Бовари». Надо сказать, что французский язык на высоком уровне, и вы не услышите ничего, что хотя бы отдаленно напоминало пресловутый пиджин-инглиш. Даже люди, которые учили французский язык на слух, говорят вполне грамотно.

После провозглашения независимости руководящие места в государственном аппарате заняло молодое поколение, которое в основном получило образование во Франции. Французские чиновники вынуждены были удалиться. Африканизация органов управления и учреждений явилась результатом освободительной борьбы и проходила в духе антифранцузской политики молодого поколения. Сильванус Олимпио, который после второй мировой войны возглавил Комитет единства Того, первую общественную организацию, после своего избрания дал ясно понять, что в политическом отношении он не намерен ориентироваться на Францию, и пригласил специалистов из Швейцарии, Израиля и Федеративной Республики Германии. На государственный аппарат, созданный французами, он не хотел полагаться, так как знал, что Франция посылала сюда служащих в основном в наказание или тех, которых она не могла использовать на родине. В отличие от англичан, которые в своих колониях держались на определенной дистанции, сохраняли ее, пользуясь системой так называемого непрямого управления (Indirect Rule), французы на всех ступенях управления вводили администрацию французского типа. Отрицательные результаты дало и чрезмерное стремление к культурной ассимиляции, и поспешное офранцузивание всех областей тоголезской жизни. Естественно, что такая политика встретила сопротивле-

ние, особенно сознательной части тоголезского общества. Кроме того, французы любили внешний блеск и торжественные речи по каждому поводу, но они не могли похвастаться деловитостью, дисциплиной, а часто и глубокими профессиональными знаниями. Нередко все кончалось лишь одними громкими словами.

Президент Олимпио пользовался репутацией государственного деятеля западной ориентации, незаурядного политика, способного повести Того по пути мирного развития. Он изучал экономику в Англии и США. После провозглашения независимости в 1960 г. он наметил строительство современного государства по типу буржуазной демократии, но одновременно провозгласил и широкую социальную программу. Прежде всего он намеревался обеспечить равенство перед законом, всеобщие выборы и предоставить избирательное право женщинам. Как экономист, президент понимал, что Того сможет обрести подлинную независимость, только когда станет экономически независимым от французских и американских монополий. Одновременно он сознавал, что без крупных капиталовложений не удастся развивать промышленность и энергетику, модернизировать тоголезскую экономику. Он знал, что создание современного цивилизованного общества дело трудное и долгое.

В апреле 1961 г. был создан парламент, в который входил сорок один депутат. Проведенный референдум одобрил новую конституцию. Была утверждена президентская система управления страной, и первым президентом Того избран Сильванус Олимпио. Первоначально в парламенте были представлены три политические партии: Партия единства Того (ПЕТ), председателем которой был президент Олимпио (партия насчитывала 400 тыс. членов, т. е. около 40% избирателей), Демократический союз населения Того (ДСНТ) и Жювенто⁹. Вскоре президент Олимпио распустил парламент, запретил деятельность оппозиционных партий и ввел однопартийную систему.

Вожди оппозиционных партий, в их числе и шурин

---

⁹ Партия единства Того преобразована в 1961 г. из Комитета единства Того, существовавшего с 1941 г. и получившего статус партии в 1945 г.; Демократический союз населения Того возник в 1959 г.; Жювенто — партия, выросшая в 1951 г. из патриотического молодежного движения, название ее составлено из начальных букв французских слов: justice — справедливость, union — союз, vigilance — бдительность, éducation — образование, nationalisme — национализм, ténacité — упорство, optimisme — оптимизм. — *Примеч. ред.*

Олимпио Николас Грюницкий, эмигрировали в Гану и Дагомею. Представители этих партий были лишены возможности заниматься политической деятельностью. В новом парламенте теперь была представлена только партия президента Олимпио — ПЕТ. Количество депутатов в парламент она определяла в зависимости от числа жителей. Такой однопартийный парламент отражал национальный состав населения, древнее этническое деление. Это была интересная попытка объединить африканский традиционализм с парламентаризмом западного толка. В парламенте были представлены не только партийные функционеры и управленческий аппарат, но и вожди народов, старейшины родов.

Олимпио не успел объединить различные народы, вникнуть в их интересы. 13 января 1963 г. президент Олимпио был убит. О причинах трагедии существуют только догадки. Была ли это личная месть или его смерть — результат внутренних распрей, которые стране приходилось преодолевать в первый период своей независимости? Того, конечно, не единственная страна в Африке, в которой после получения независимости и ухода белых выявились противоречия и вражда между отдельными народами. Приходится признать, что многие трагедии африканских лидеров останутся для нас окутанными тайной, потому что здесь еще существуют силы, которые действуют вопреки разуму. Кроме того, следует помнить, что эти молодые государства продолжают оставаться объектами интриг империализма, старающегося использовать каждую возможность для проникновения в эти государства и удержать их в своей власти.

Положение традиционного вождя народа, селения или рода в Африке не имеет ничего общего с положением лидера в демократическом государстве. Здесь руководствуются представлениями, которые уходят своими корнями в религию и мистику. Традиционные вожди получают свою власть от бога или божества, так возникает параллель со средневековым и ветхозаветным теократизмом. Они преклонного возраста, мудры, обладают неограниченной властью и поэтому могут от своего народа потребовать подчинения и полного послушания. Современные африканские государственные деятели, возможно, и могли бы отвергнуть божественное происхождение своей власти и отмежеваться от традиционных вождей, но это ничего, в сущности, не меняет, по-

тому что данная власть так или иначе -- их предназначение. Они станут властителями только тогда, когда докажут, что находятся в союзе со сверхъестественными силами и представляют собой нечто большее, чем простые смертные. Чем больше народ этнически дифференцирован, тем больше требований к власти, т. е. требований быть представителем божества на земле. Это обостряет борьбу за власть, необходимость доказать, что она ниспослана магическими силами. Основа неограниченной власти ганского президента Кваме Нкрумы, например, была именно такой. Он объявлял себя Спасителем и пытался этим обосновать традиционную, религиозную сущность своей деятельности, невзирая на свои прогрессивные взгляды. Он сосредоточил в своих руках законодательную власть и исполнительную, политическую и религиозную.

Примерно так начинал и президент Олимпио. Все государственные функции были в его руках. Его слово было решающим в парламенте и правительстве, потому что он явно превосходил всех остальных членов правительства незаурядным умом. Трудности в управлении он пытался преодолевать сам, возлагая на себя все новые и новые обязанности, решая не только важные государственные дела, но и второстепенные, часто без ведома правительства и министров. Постепенно он сосредоточил в своих руках всю власть в государстве. Ввиду тяжелого положения страны и недостатка специальных кадров такая концентрация власти на первый взгляд была понятна, но для развития демократии и соблюдения конституции представляла собой серьезную опасность. После его смерти и освобождения некоторых членов оппозиции стало известно, что президент Олимпио в отдельных случаях сам вел уголовные дела и даже приговаривал к высшей мере наказания.

С получением независимости общественность страны возлагала на своего президента большие надежды. Как вождь, он должен был совершить для всего народа «чудо» и обеспечить всеобщее благосостояние, которое до сих пор было привилегией чиновников колониального управления. Но от мечты и обещаний до действительности огромная дистанция, и надежды постепенно превратились в обман и неудовлетворенность. «Чудо» благосостояния не свершилось, потому что этому не отвечало экономическое положение страны. Перед провозглашением независимости народу обещали,

что с приходом свободы деньги будут свободно лежать на улицах. Конечно, и этого чуда не произошло, и тоголезцы, которые еще не поняли, что национальный доход можно увеличивать только повседневным напряженным трудом, стали посматривать на своего президента с некоторым недоверием.

Принимая различные проекты, которые должны были произвести переворот в национальной экономике, президент Олимпио стремился продемонстрировать свою власть и независимость Того. Одним из таких проектов было строительство нового порта в Ломе. С экономической точки зрения это был гигантский план. С политической — порт должен был доказать, что президент Олимпио как политик и вождь государства стоит во главе своего народа и с ним должны считаться. Но главное — с помощью этой стройки президент Олимпио хотел освободиться от зависимости от Ганы и Дагомеи, современного Бенина, которые, смотря по тому, как складывалась политическая ситуация, отказывали или разрешали использовать свои порты. Порту в Ломе предстояло стать своего рода окном в мир. Строительство оказалось очень трудным и обещало принести выгоду лишь в будущем. А это уже снижало популярность идеи. Африканцы живут сегодняшним днем, и это единственный критерий оценки.

Духовный подъем после обретения независимости быстро спал, порт строился медленно, к этому добавились всякие ограничения, которые пришлось ввести, и, конечно, нужна была высокая производительность труда. Потребность в труде в африканских странах никто не воспитывал, и президент Олимпио хорошо понимал, что заставить простой народ упорно трудиться будет нелегко. Его бы не поняли и восприняли это как предательство. С теми же проблемами президент столкнулся и в высших кругах; они требовали повышения жизненного уровня и хорошо оплачиваемых должностей. Низшие слои столь же решительно настаивали на улучшении жизни, которое им обещали в ходе борьбы за независимость. Между этими двумя группами была пустота: средние слои, которые могли бы стать соединительным звеном, отсутствовали и тогда, их нет и сегодня.

Президент Олимпио оказался в тупике. Как быть? Что предпринять, чтобы добиться скорейшего перелома?

Как-то мы проезжали виллу семьи Олимпио, шофер показал нам на стену и сказал:

— Посмотрите, это произошло здесь.

Стена — между виллой и американским посольством — была ничем не примечательна, никакой мемориальной доски, ничего. Здесь закончил свою жизнь первый президент свободного Того Сильванус Олимпио. Его имя никогда не упоминается. Как будто он и не существовал. Он живет только в памяти тех, кто ему верил.

Вначале считалось, что покушение было совершено оппозицией и что мятежники были связаны с одним из ее руководителей — Меачи, который эмигрировал в Гану. Даже поговаривали, что у ганского правительства в перевороте были свои интересы, ведь взаимоотношения Ганы и Того в 1962 г. обострились настолько, что их границы оказались практически закрытыми. Яблоком раздора все еще продолжала оставаться бывшая тоголезская территория, присоединенная к Гане в результате референдума. Несколько тысяч эве, лишённые земли, в знак недовольства вернулись в Того к родственникам. Гана восприняла это как проявление враждебности. Такие подозрения падали и на Дагомею, которая предоставила политическое убежище лидеру оппозиции Грюницкому, а после покушения на президента Олимпио сразу же предложила направить миссию доброй воли.

Действительность была намного проще. Путч осуществила группа в 600 тоголезских военных, бывших наемников французской армии, сражавшейся в Алжире. После их увольнения в 1962 г. Франция предоставила правительству Того значительную финансовую помощь, чтобы облегчить этим солдатам переход к гражданской жизни. Президент Олимпио эти деньги задержал и положил в банк. Говорят, он даже заявил, что эти средства принадлежат государству и правительство распорядится ими по своему усмотрению. Такое решение вызвало негодование военных, бывших в большинстве своем из северных районов страны. О возвращении на военную службу, а это было их требованием, не могло быть и речи, потому что армии как таковой в Того не существовало, была лишь личная охрана президента, государственный бюджет ее не предусматривал. Именно в эти критические минуты правительство Федеративной Республики Германии приняло такое же реше-

ние: выдать бывшим военным германской армии за верную службу единовременное вознаграждение в размере тысячи марок. Правительство ФРГ не хотело отстать от правительства Франции. Красивый жест руководства ФРГ только увеличил число врагов президента Олимпио. Марки, как и французские франки, сразу оказались в банке. Можно сказать, что этот прекрасный подарок стоил президенту Олимпио жизни. Ночью в его дом проникла группа военных. Президенту удалось скрыться, но в момент, когда он пытался перелезть через стену в сад американского посольства, его настигли и застрелили. Преступников никогда не привлекали к ответственности. Двое из трех участвовавших в покушении солдат сами позднее были убиты.

Путчисты не отважились взять власть и поэтому призвали Николаса Грюницкого, которого президент Олимпио и руководство ПЕТ в свое время критиковали за то, что он заключил долгосрочные соглашения с Францией, в частности об эксплуатации месторождения фосфоритов, за предоставление ей монополии на производство электроэнергии. Аннулировать эти соглашения значило потерять за границей доверие. Пойти на это президент Олимпио не мог. Он, приверженец буржуазной политики, не сумел найти пути и для тесного сотрудничества с социалистическими странами. После того как Грюницкий стал президентом и главой правительства, он распустил прежний парламент и снова ввел систему четырех партий, причем у каждой из них было одинаковое количество мест в парламенте. Кроме того, он считал необходимым выработать для Того новую конституцию. В проведенном референдуме преимущественное большинство тоголезцев высказалось за парламент и новую конституцию. От прежней она отличалась только тем, что значительно ограничивала полномочия президента и пребывание его на посту сокращалось с семи до пяти лет. Одновременно французский язык был объявлен официальным. И все же Грюницкий стремился разрешить проблемы управления страной демократическим путем, он считал возможным оставить членов предыдущего правительства в стране и даже на своих прежних постах. В его правительстве опять увеличилось число французских экспертов и служащих, их родственников в государственном аппарате, в системе экономики, образования. Похоже, что от этого первого военного переворота наибольшие выгоды

извлекла Франция, которая укрепила в Того свои политические и экономические позиции. Ее ставка на бывших военных из Алжира оправдала себя полностью.

Грюницкий, естественно, стремился прежде всего завоевать расположение военных и удовлетворить их требования. Для служащих он снова ввел 40-часовую рабочую неделю, которую отменил президент Олимпио. Эта мера свидетельствует о том, что даже он не смог изменить действующее в Африке правило: вождь должен как можно скорее завоевать расположение и доказать, что он способен совершить «чудо». Никого особенно не интересовало, какова цена этих популярных мер, отвечают ли они состоянию экономики страны. Ведь 40-часовую рабочую неделю могут позволить себе только экономически развитые страны, но не Того, где люди только начинали учиться работать. И хотя эта мера касалась всего лишь одной четвертой части занятого населения, она принесла национальной экономике огромные потери и углубила противоречия. Коротко их можно было определить так: общество жаждет быстрых экономических успехов и повышения жизненного уровня, но никто не осмелился сказать этому обществу прямо, что желаемые изменения могут появиться только в результате большого трудового напряжения, четкой организации труда, эффективности производства и сельского хозяйства.

Первый тоголезский президент Олимпио стремился освободить свою страну от французской зависимости. В своих беседах с зарубежными журналистами он порой резко критиковал бывшее французское управление в Того, французских советников и предпринимателей за их политику тормозить развитие независимого Того. В то же время он недооценил, как тесно его страна связана с Францией и какой значительный капитал вложила в Того именно Франция. Он не проявил достаточной политической и дипломатической гибкости, чтобы попытаться использовать этот постоянный интерес Франции к Того ради развития своей страны не только в области политики, но и в экономике. Грюницкий, наоборот, наученный трагическим опытом своего предшественника, без малейших колебаний проводил последовательную профранцузскую политику, настолько последовательную, что восстановил против себя ту часть армии, точнее сказать, офицеров, национальное сознание которых было высоким. А ведь именно они помогли

ему прийти к власти. 13 января 1967 г. произошел новый военный переворот, на этот раз без кровопролития. Президент Грюницкий вынужден был отступить. В результате переворота был создан Комитет национально-го примирения во главе с полковником К. Даджо. Его задача состояла в том, чтобы сплотить политические партии и попытаться вновь создать демократическое правительство. Переговоры с лидерами политических партий затягивались, и здесь на политической арене появилась новая энергичная фигура — подполковник Г. Эйдаема¹⁰, бывший офицер французской армии в Алжире. 15 апреля 1967 г. он выступил по радио с обращением к тоголезскому народу, в котором резко критиковал лидеров политических партий и обвинял их в том, что своими бесконечными спорами они ведут страну к катастрофе, что они «глухи к голосу сердца и разума». Он ссылался на традиции предков и патриотические чувства, но в то же время на традиционную дружбу с США, ФРГ и Францией, обещал, что установит порядок, который будет отвечать самым сокровенным чаяниям всего тоголезского народа. Его страстная речь вошла в историю Того. К власти пришло военное правительство. Президентская система, определенная конституцией 1963 г., была отменена, Национальное собрание, политические партии и Комитет национального примирения распущены. В ноябре того же года Г. Эйдаема получил звание генерала.

Oui, mon général!¹¹

Каждое утро точно в семь часов раздается сирена и по главной улице проносится бронированный «мерседес», сопровождаемый двенадцатью мотоциклами. Движение на улице на несколько секунд замирает. Генерал Г. Эйдаема едет в президентский дворец, который находится на взморье, вблизи отеля «Бенин». Живет же он в казармах на другом конце города. Тот же самый кортеж точно в двенадцать часов проносится в обратном

¹⁰ Г. Эйдаема играл ведущую роль в перевороте уже в январе, однако взял власть в свои руки только 14 апреля. В этот день было объявлено о роспуске Комитета национального примирения, основанного 14 января. 24 апреля была попытка покушения на Г. Эйдаему.— *Примеч. ред.*

¹¹ Да, мой генерал! (фр.)

направлении. Генерал возвращается в казармы на обед. Эти поездки как бы символизируют государственную мощь и силу: генерал жив, начеку и держит власть в руках.

Судя по всему, он не хотел рисковать, поэтому жил в казармах, среди солдат. Он выстроил здесь виллу и окружил ее внушительным забором. Вокруг виллы был сад с вольером. Хотя дом находился на территории казарм, он охранялся вооруженной охраной. Генерал появлялся только в сопровождении личной охраны. В особо торжественных случаях выстраивалась его гвардия в черной форме и высоких меховых шапках. Сам он носил идеально сшитую военную форму горохового цвета. Лишь несколько раз в году он появлялся в гражданской одежде.

Полковники в казармах не жили. Зато здесь жили низшие чины со своими семьями. Жены офицеров варили и стирали во дворе, где паслись маленькие козы.

Генерал получает самую подробную информацию обо всем, так как последнее слово всегда остается за ним. Его авторитет огромен. Несколько раз я была свидетелем разговора с ним по телефону министра по делам молодежи, культуры и спорта. Он стоял с трубкой по стойке «мирно» и не переставал повторять: «Oui, mon général, oui, mon général!» Генерал всесилен, и его решение обжалованию не подлежит. Он строг и любит точность, а за невыполнение приказа сурово наказывает.

В Ломе проходил волейбольный матч между Того и Ганой. Генерал появился в почетной ложе точно в назначенное время начала встречи и был страшно возмущен, поскольку матч начался с получасовым опозданием. Президент воспринял это, с одной стороны, как личное оскорбление, а с другой — как позор для государства. В перерыве он вызвал всех функционеров и объявил им, что у них будет удержана половина месячного оклада. Как-то ему пришлось идти пешком, а дорога оказалась не в лучшем состоянии. Тотчас же он приказал представителям городских властей во главе с мэром пройти чеканным военным шагом по улицам, где было больше всего слякоти, и сам проследил, чтобы они как следует набрали воды в ботинки. Такие воспитательные меры, напоминающие методы блаженной памяти чешского короля Вацлава или Петра I, бесспорно, повышают его популярность у простых людей и одно-

временно держат управленческий аппарат в постоянном напряжении. Его любимое наказание — продолжительные походы в буш, куда отправляются министры и служащие за невыполнение в срок его распоряжения. Рассказывали, что генерал и сам неоднократно участвовал в них. Тогда у всех было много хлопот, дабы не ударить перед ним в грязь лицом. К этому следует только добавить, что большинство министров и высших чиновников были, как и он, военные.

Не знаю, отвечает ли генерал Эйадема всем представлениям об идеальном руководителе, но факт остается фактом: пропаганда усиленно заботится о том, чтобы никто ни на минуту не забывал, что именно он стоит во главе государства, а лучшего Того не может и желать. Везде его портреты. На огромных стендах и в небольших стенгазетах, на плакатах и майках, одежде, шапках. Ему отводится много места в тоголезской печати, о нем постоянно говорят по радио, ему посвящена значительная часть телевизионных передач. Его имя можно увидеть на транспарантах в самых отдаленных уголках страны. Некоторые традиционные вожди носят шапки с надписью «Avec Eyadéma»¹².

Эйадема родился на севере в деревне Пийя, в 30 км от Лама-Кары. Он принадлежит к народу кабре и, естественно, окружает себя прежде всего своими соплеменниками, отдает им ответственные посты в государственном аппарате. В родном селении он построил прекрасную резиденцию, где проводит уикэнд. Как-то мы побывали там, но смотрели на виллу только издали, стоя на почтительном расстоянии от военизированной охраны. Самое большое впечатление на меня произвело озеро, на берегу которого стояла вилла; над ним парили лебеди. Когда мы решились подойти ближе, то обомлели: вместо водной поверхности был отполированный мрамор, а лебеди оказались всего лишь из фанеры. Даже видны были планки, которые их поддерживали. Иллюзия сразу исчезла. Но больше, чем летняя резиденция Эйадемы, нас привлекало место паломничества вблизи деревни Саракава. Это можно считать наглядным примером того, как возникают новые легенды, новые традиции или, точнее, как их можно создать. И в этой легенде главный герой — генерал Г. Эйадема.

---

¹² С Эйадемой (фр.)

Сегодня он прилетает в Пийю на вертолете, а раньше пользовался личным самолетом, который пилотировали французы. Самолет садился на широкое шоссе у Саракавы. 24 января 1974 г. самолет в *харматтане*¹³ сбился с курса, летчики кружили над горным районом, пока не кончилось горючее. Им не оставалось ничего иного, как совершить вынужденную посадку. Кончилось это плохо: самолет разбился, летчики погибли, а генерал Эйадема (и несколько сопровождавших его лиц, но об этом обычно умалчивают) чудом остался жив. Г. Эйадема не иначе как был любимцем добрых духов, так как только им он обязан своим спасением.

Французские летчики, хотя и погибли в катастрофе, были признаны орудием империалистических интриг: они, без сомнения, покушались на жизнь генерала. 24 января было объявлено Днем борьбы против белого империализма, а обломки самолета оставлены на месте катастрофы. Так деревня Саракава стала местом паломничества, куда направляются толпы не только местных жителей, но и любознательных туристов. В этот день здесь происходят пышные торжества, приносятся жертвы предкам в знак благодарности за спасение жизни генерала. Затем избранное общество отправляется в резиденцию Эйадемы в Пийе. Это единственный день в году, когда в этом доме принимают гостей.

У обломков самолета, который представляет собой груды ржавого металла (удивительно, как вообще все это можно было сохранить), — тоголезский флаг, немного поодаль военная палатка, откуда доносятся звуки радио. Сразу же к нам подошел патруль, который молча следовал за нами. Когда я собралась фотографировать, один из солдат покачал головой. Фотографировать в этом священном месте запрещено.

Мысль о спровоцированной катастрофе возникла не случайно. В то время генерал Эйадема достиг одного из самых своих больших экономических и политических успехов. Ему удалось приобрести для Того 51% акций месторождений фосфоритов, являющихся самым большим богатством страны. Французские монополии переживали эту потерю довольно тяжело...

В знаменательную годовщину мы были в Ломе. Утром пошли на пляж и удивились, что не обнаружили

---

¹³ Харматтан (гарматтан) — северо-западный пассат; несет с собой сухой, горячий воздух из Сахары, с песком и пылью, нередко доходит до урагана. — *Примеч. ред.*

никого из наших знакомых-европейцев. Только вернувшись домой, мы узнали, что утром местное радио сообщило о «традиционном» Дне борьбы против белого империализма и призвало белых в своих интересах не покидать дома.

По главным улицам Ломе фланировали группы приверженцев традиционных верований, время от времени зыкрикая воинственные лозунги. Без них не обходится ни одно празднество, но, прежде чем мы к ним привыкли, они вызывали у нас страх.

С одной стороны, эти группы должны воскрешать африканский дух и старые традиции, с другой — вносить оживление на улицах и стадионе во время торжеств. Это некий боевой актив партии Эйадемы — ОНН¹⁴ и одновременно единственная организация молодежи, но я обратила внимание, что в нее входят и весьма почтенные люди. Члены этих групп получают три тысячи франков в месяц (наш шофер получал двенадцать тысяч), и их одежда украшена различными лозунгами и портретами Эйадемы. На подготовку к торжествам или другим массовым мероприятиям их созывает разъезжающая по городу машина с микрофоном. Буквально через несколько минут после объявления о том, что они должны прибыть туда-то или туда-то, они уже выбегают из домов, будто только и ждали этого приказа.

Впервые я увидела их на стадионе, где каждый вечер они «отрабатывали» свою программу. Я бы сказала, что это нечто среднее между народным творчеством и пропагандой. Тренер Киндр не любил, когда они приходили на волейбольную площадку: после них всегда оставалось полно мусора.

Я наблюдала за их репетицией, как вдруг на стадионе воцарилась тишина. Тамтамы и маракасы смолкли, представители традиционных верований замерли, и все повернулось к трибуне, куда я незаметно проникла. Один из них направился ко мне и вежливо объяснил, что мне нельзя здесь оставаться. Затем он решительно выпроводил меня со стадиона.

Впервые я увидела их выступление на торжествах 30 ноября, в день годовщины основания партии ОНН. Этот день отмечается намного торжественнее, чем День провозглашения независимости, хотя ОНН была основа-

¹⁴ ОНН — Объединение тоголезского народа — политическая организация, созданная Г. Эйадемой в ноябре 1969 г. — *Примеч. ред.*

на только в 1969 г. и у нее не очень большая история. Торжества проходили на центральном стадионе. Мы сидели, видимо, по какому-то недосмотру на почетной трибуне, буквально в нескольких метрах от обтянутого красным плюшем кресла самого генерала Г. Эйадемы. Он прибыл, как всегда, минута в минуту. К нему подходили, почтительно кланяясь, с его портретом на одежде, а на его лице не дрогнул ни один мускул. Рядом сидели военные, министры в европейской одежде, тоголезские вожди в традиционных пестрых тогах и головных уборах. Торжественную речь Эйадемы присутствовавшие на стадионе слушали без особого подъема, лишь в отдельных местах на трибуне появлялись островки поднятых рук, махавших цветастыми платками. Это и были представители традиционных верований, создававшие оживление. Самый большой энтузиазм проявляли люди в непосредственной близости от оратора и группа китайцев, которые скромно заняли место на соседней трибуне: они снова и снова поднимались со своих мест.

А потом уже на поле стадиона вышла колонна представителей традиционных верований. Их было около пятисот. Прежде всего они отдали необходимые почести генералу, а потом разыграли небольшой спектакль о том, как белого дипломата изгоняют из страны. Его роль исполнял африканец-альбинос с курчавыми, но светлыми волосами и светлой кожей. Насколько я поняла эту пантомиму, дипломат сначала угрожал тоголезцам и держался высокомерно, но когда увидел перед собой столько чернокожих людей, которые махали руками и темпераментно двигали бедрами, испугался, а когда раздались возгласы и грохот барабанов, схватил свой набитый бумагами портфель и бежал, при этом несколько раз упав. Эта заключительная сцена вызвала бурю восторга у зрителей, группа китайцев снова поднялась со своих мест. Генерал сидел как сфинкс.

На стадион под звуки барабанов вышла другая группа. Воцарилась тишина, как перед бурей. Только теперь я обратила внимание на мужчину с микрофоном в руке под трибуной. И тут началось. Мужчина выкрикивал вопрос-лозунг, и вся масса отвечала:

- Стать рабами?
- Нет!
- Служить народу?
- Да!

— Неоколониализм?

— Нет!

— Единство?

— Да!

Ритм вопросов и ответов нарастал, пока все не слилось в оглушительном скандировании:

— Того — всегда! Того вперед! Генерал Эйадема! Да здравствует!

Это было очень впечатляюще. Представители традиционных верований сопровождали свои ответы жестами, поднимали руки и падали на землю. Постепенно все это перешло в танец, темп которого стал более спокойным. Танцующие касались руками и головой земли, воинственные крики смешивались с оглушительным грохотом тамтамов — и вдруг все опять стихло, и снова началось скандирование лозунгов.

Праздник, в котором выступали группы представителей традиционных верований, прибывшие со всех концов страны и соревновавшиеся между собой, завершился апофеозом генералу Эйадеме. Когда в заключенные группы составили из цветных платков его имя, овациям не было конца и даже сам генерал поднялся и помахал им в знак одобрения.

Представители традиционных верований, как правило, там, где генерал. Они создают праздничное настроение на улицах, провожая или встречая его, они приходят на аэродром, выступают на собраниях и заседаниях.

Мы наблюдали их в работе, связанной с кампанией по африканизации имен. Инициатором этой большой кампании был сам генерал Эйадема, который в одном из своих выступлений по радио объявил, что настоящий африканец не должен носить европейское имя. Фамилия не имела значения. Он сам показал пример, сменив свое христианское имя Этьен на Гнасингбе. Сразу же после его выступления в столице прошли демонстрации, инициаторами которых были именно представители традиционных верований. Они маршировали по городу и агитировали за смену имен. Их колонна прошла и мимо нашего дома. Увидев нас на балконе, они остановились, помахали нам и крикнули: «Неоколониализм — нет!» Но добродушно смеялись и были довольны, когда мы помахали им в ответ.

Кампания продолжалась несколько недель, но была принята не везде одинаково. Христианские церкви об-

ратились с посланием, в котором говорилось, что африканизация имен является шагом назад, поскольку речь идет о возрождении не только африканских традиций, но и старых предрассудков. Если у людей такие имена, как Змея, Среда, Шакал, значит, и в жизни они должны руководствоваться ими и это определяет их характер и поступки. По инициативе церкви перед президентским дворцом прошла демонстрация протеста. Но все собрания и демонстрации проходили спокойно, нигде не было стычек, хотя на улицах встречались группы с различными взглядами и лозунгами. Последнее слово, как всегда, было за Эйдаемой. Он издал приказ, согласно которому государственные служащие, не сменившие имен, подлежали увольнению. Эта угроза возымела действие: всю неделю местные газеты были заполнены длинными списками людей и их новыми именами. Генерал Эйдаема торжествовал победу.

В действительности это выглядело несколько иначе. Когда мы спрашивали некоторых знакомых, как их теперь зовут, они лишь отмахивались. И наш знакомый из министерства по делам молодежи, культуры и спорта попросил нас, чтобы мы называли его, как прежде. Но, беседуя с нами однажды в его кабинете в присутствии его подчиненного, он прервал нас и сказал:

— Простите, вы, вероятно, забыли, что теперь меня зовут иначе...

Потом они оба извинились и попросили нас прийти завтра. Генерал Эйдаема уезжал с государственным визитом, а это означало, что закрываются министерства, учреждения, банки, почта и школы: все шли провожать его. Так же будет через несколько дней, когда генерал вернется.

Среди кустарников ало

Ломе в сравнении с Аккрой, Котону или даже Абиджаном производит впечатление скорее провинциального города, но на каждом шагу видно стремление преодолеть это, особенно в последние годы. Город расположен на песчаной косе, поэтому везде, где нет газонов или асфальта, приятный мелкий песок. Лагуна сейчас в основном уже приведена в порядок, ее берега выровнены и укреплены. Теперь она напоминает реку со стоячей водой. Только в некоторых

местах ещё сохранились ее рукава, как бы отрезанные от основной «реки», но пройдет немного времени, и они будут засыпаны, а с ними исчезнут последние болота — рассадники комаров и малярии. Вечером оттуда доносится лягушачий концерт. Лагуна перегорожена несколькими плотинами, по которым проходят шоссе и железная дорога.

Ломе возник из нескольких рыбацких селений, его название означает «селение в кустарнике ало». Красивые крепкие кусты ало с яркими красными цветами растут в окрестностях города и сегодня. Основателями и первыми жителями селений были бе — южная ветвь народа эве. Они пришли сюда лишь в конце XVIII в. из Нуаче, расположенного в 100 км к северу от побережья¹⁵. Вместе с Тадо он считается колыбелью эве. Согласно преданию, они бежали от жестокого монарха Агоколи. Чтобы запутать преследователей, они бросали по пути зернышки проса, а слетавшиеся на них стаи голубей замечали их следы. Поэтому и сегодня голубь — «тотемическая» птица народа бе. Считается, что их вождь Джитри стал основателем династии вождей, которая существует в Ломе и по сей день.

Аджалле, восемнадцатый мэр города, — важная персона и входит в почетную свиту генерала Эйадемы. Внешне это современный, высокий, крепкого сложения человек в очках с золотой оправой (он учился в Париже). Раз в год, в День национальной независимости¹⁶, он облачается в традиционное одеяние для традиционных церемоний и показывает прибывшим на празднование один из старинных кварталов города — Амутиве, древнее место пребывания монархов; там хранятся и их троны. По традиции вожди эве живут в Тадо и Нуаче.

Как многие другие народы, эве, по легендам, ведут свое начало от йоруба, одного из самых могущественных африканских народов, которые пришли в современную Нигерию с севера 800—1000 лет назад. Они основывали богатые и высокоорганизованные города-государства, которые вызывали удивление и уважение всех европейских путешественников и завоевателей. Одним из самых могущественных и древнейших государств к западу от дельты Нигера был Бенин, населенный родственным народом бини. Он прославился бронзовы-

¹⁵ Есть мнение, что в XVII в. — *Примеч. ред.*

¹⁶ 27 апреля. — *Примеч. ред.*

ми скульптурами. Упадок этого государства начался в XVII в., а причиной, вероятнее всего, послужила борьба за трон. Традиция бенинской империи жива и сегодня, особенно на территории между устьями рек Вольты и Нигера в заливе Бенин. Полностью она поддерживается в современном Того. С Бенином связаны самые героические страницы прошлого тоголезцев. Поэтому название «Бенин» так часто встречается и в Ломе. «Бенин» — это один из самых современных отелей, это пивоваренный завод, производящий пиво по баварскому рецепту, «Бенин» — это спичечная фабрика, завод пальмового масла, название «Бенин» носят и рудники, где добывают фосфориты, и новый университет.

Резиденция германского губернатора первоначально находилась в Анехо, но в 1897 г. столицей Того был объявлен Ломе. Колониальные власти сочли, что в Анехо нет условий для строительства морского порта. В Ломе в 1900—1904 гг. был построен причал, который позволял подходить к городу крупным океанским судам. До этого суда вставали на якорь в открытом море и грузы с берега перевозились на лодках. Спустя восемь лет начали действовать железные дороги, узкоколейки, соединившие временный порт со всеми промышленными районами Того. Сами названия дорог свидетельствуют о том, какой цели они призваны были служить: прибрежная железная дорога в Анехо была открыта в 1905 г. и ее назвали «пальмовой», в Палиме (1907) — «какао», в Атакпаме на севере — «хлопковая» (1913). Железную дорогу до Бассара к месторождению железной руды немцы не смогли построить, и сегодня она все еще на бумаге. Только в годы независимости в Того появилась «фосфоритная» дорога длиной всего 26 км, но самая оживленная. Для полного представления следует добавить, что общая протяженность железных дорог в Того составляет без малого 400 км.

Деревянный причал, от которого сохранился лишь остов, положил начало быстрому развитию Ломе — столицы Того. Вокруг появились административные здания и жилые дома европейских предпринимателей, новые улицы и проспекты, церкви, костелы, торговые дома. Новую резиденцию построил и германский губернатор. Но в соседстве с новыми зданиями теснились нищенские глиняные домики с соломенными и жестяными крышами, песчаными двориками. Эти контрасты и сегодня во многом типичны не только для Ломе, но и

для более крупных и богатых городов Западной Африки.

Красивое Бульварное кольцо, опоясывающее центр города, позволяет попасть в фешенебельный административный квартал и в узкие улочки, где живут тоголезцы. Здесь ничего не изменилось со времени основания города. Контрасты жизни в столице разительны: рядом с мощными грузовыми автомобилями междугородного сообщения идут женщины с тазами на голове, в непосредственной близости от шикарных отелей на берегу океана влачат жалкое существование жители бедных рыбацких селений, у современных торговых домов стоят ларьки, сколоченные из досок, а на ступенях почтамта колдун продает амулеты и чудодейственные средства. Вокруг современной больницы снуют дети, родственники больных; женщины здесь же варят и пекут, потому что больница обеспечивает питанием только больных первого класса. Тут же можно приобрести справку о сделанной прививке, которая вам необходима для поездки за границу. Достаточно лишь вписать фамилию. Это свидетельство, снабженное всеми необходимыми печатями, будет стоить намного дешевле, чем визит к врачу.

В бывших складах у старого причала находится биржа труда. Днем и ночью здесь сидят и лежат тоголезцы в ожидании работы. К причалу, построенному французами в 1928 г., приближаться не рекомендуется. Железнодорожный вокзал, находящийся поблизости, похож на большой лагерь, и здесь варят, пекут и жарят, спят в ожидании поезда. Из запахов, которые вас сопровождают повсюду, самый сильный запах рыбы. Трудно понять, как и в каком виде рыба попадает с побережья в отдаленные северные районы. Между вокзалом и старым причалом, на довольно большой территории, возводится новый торговый центр.

Немцы не завершили строительства столицы своей «образцовой колонии» еще и потому, что потеряли ее в самом начале первой мировой войны. Но развитие современного Ломе, в сущности, продолжается на основе их плана. Небольшие поправки были внесены только в план восточной части города, где после присоединения небольшой территории Того к Гане она сузилась. Пригород Ломе подошел к самой государственной границе. Поэтому новые кварталы появляются севернее лагуны, восточнее порта и промышленного центра.

В городской архитектуре легко можно узнать здания и кварталы, застроенные бывшим германским колониальным управлением, торговцами и предпринимателями. В них сочетаются поздний классицизм и модерн, декорированные порталы, колонны, балконы, аркады и террасы, на которые ведут открытые лестницы. Сегодня в этих зданиях расположены министерства и учреждения, некоторые занимают богатые местные граждане, в основном из числа торговцев, интеллигенции и чиновников.

Своеобразная африканская архитектура стала развиваться в Ломе только после провозглашения независимости в 1960 г. В ее создании принимали участие прежде всего итальянские архитекторы, считающиеся в этой части Африки лучшими, но есть и французы, и западные немцы. Рядом с ними начинают пробовать свои силы молодые тоголезские архитекторы, получившие образование в Европе. Они призваны были разработать стиль, основу которого составляли бы элементы африканского искусства. И действительно, в последнее десятилетие были созданы подлинные произведения искусства. Их особенность и неповторимость — это движение, передающее африканский ритм. Архитекторы осторожно обходят прямые линии и углы. Во всем чувствуется движение, как бы передающее изящество африканского танца. Одновременно в архитектуре нашло отражение многообразие африканской природы.

Одним из самых замечательных зданий в этом смысле можно считать «Отель де ля пэ». «Отель де ля пэ» — это две десятиэтажные башни легкой формы со своеобразными линиями окон и балконов и с вытянутыми прудами между ними. Как все современные здания, «Отель де ля пэ» сделан из бетона, стекла и алюминия, единственного из металлов противостоящего влажности.

Новый центр города — это большая площадь с памятником Независимости и зданием Дома партии. Памятник был торжественно открыт 27 апреля 1960 г. в день провозглашения независимости Тоголезской Республики. Его автор — французский архитектор и скульптор Кустэр. Он также исходил из принципов новой африканской архитектуры. Это примерно двадцатиметровая плита (толщиной 2 м), из которой выступают два крыла наподобие открывающихся ворот. В плите сделан проем в виде контуров человека, разрывающего оковы. Тени и блики, падающие на плиту днем от лучей

солнца, а вечером от света прожектора, создают впечатление движущегося изображения. Перед проемом стилизованная фигура африканской женщины с бронзовой чашей в поднятых руках. В дни торжеств в чаше горит огонь как символ жизни и свободы.

Дом партии ОН был открыт в 1972 г. Его архитектура напоминает трон: плоская крыша с двух сторон приподнята в изящных изгибах. Помимо бетона, стекла и алюминия в строительстве был использован серо-белый мрамор, найденный в Центральном Того в 1969 г. Говорят, этот мрамор по своим качествам не уступает итальянскому: особенно большим спросом за границей пользуется черный тоголезский мрамор. Его запасы исчисляются в 20 млн. т.

Коридоры первого этажа Дома партии застеклены. Здесь проводятся или, точнее, будут проводиться выставки. Затем идут клубы и ресторан. На втором этаже располагаются несколько министерств, в том числе министерство внутренних дел и обороны. В Доме партии приемы устраиваются на газонах, в тени акаций. На одном из них я присутствовала. В числе гостей были сотрудники учреждений, почетные гости. Устроители вынесли на газоны столы с едой и напитками, было произнесено много длинных речей. А поскольку территория не была огорожена и не охранялась, к почетным гостям легко присоединились и незваные гости, не только дети и подростки, но и взрослые. Они брали со столов все, что можно было взять.

К зданию Дома партии пристроен большой зал на три тысячи мест со сценой, оборудованной самой современной техникой. Со временем эта сцена будет предоставлена театру, пока же в зале проходят пан-африканские конференции, к которым тоголезское правительство питает слабость. А поскольку конференции не так уж часты, зал большей частью пустует.

Однажды нас пригласили сюда на выступление танцевальных групп, представлявших Того на Первом фестивале франкоязычной молодежи в Квебеке. Зал был полупустой, поскольку надо было покупать билеты. Кондиционеры работали так, что у нас было полное ощущение, будто находимся в холодильнике. К счастью, мы это предвидели и взяли с собой свитеры. Танцорам холод, конечно, не мешал, хотя многие из них были одеты довольно легко. Яркие костюмы украшали плюмаж и бахрама. Танцы не требовали долгих репети-

ций, ведь они — часть жизни африканцев. Хореограф, видимо, отобрал самых красивых юношей и девушек и объединил отдельные танцы незамысловатым сюжетом. Юноши и девушки, приехавшие на грузовиках в джинсах, расписных майках или ярких рубашках, за кулисами преображались, переодеваясь в свои экзотические костюмы.

Самым ярким и впечатляющим был танец влюбленных — *лава*. Танцевали пять пар народа котоколи. Он символизировал пробуждение чувства. Затем выступила группа из Басара со свадебным танцем *абале*, который исполняют девушки с обнаженной грудью. Финал этого танца для присутствовавших европейцев был шокирующим: девушки опустили на колени и раскачивались низко над полом сцены. В этот момент *ревандез* стали им бросать на сцену монеты, а девушки в такт музыки и звона сгребали их маленькой грудой в кучки. Так подружки собирают невесте деньги на приданое или свадебный подарок. Члены дипломатического корпуса, не сообразив, что звон монет служит дополнением к музыкальному сопровождению, начали бросать на сцену бумажные банкноты. Это снизило общий эффект танца. И все же аплодисменты зрителей были такими бурными, что в них потонул звон монет. Задние ряды бросились к сцене, другие поднялись со своих мест. Мне же все-таки показалось, что эти танцы не привели присутствующих в такой восторг, как, например, военные танцы народов конкомба и кабре, которые были динамичными, темпераментными и полны удивительного движения. Особенно танец *каури*, передающий сражение лучников. Оглушительный грохот тамтамов, сопровождавший танец, поднимал тоглезскую публику с кресел и приводил ее в настоящий экстаз. Не только мужчины, но и женщины начинали покачиваться в ритме тамтамов и маракас, и им вовсе не мешало, что к спинам у них были привязаны дети.

Огромный зал внушительного Дома партии, стены, коридоры и лестницы которого выложены серо-белым мрамором, и этот яркий концерт навсегда останутся в моей памяти.

Воспоминания о здании университета ассоциируются с группами женщин на берегу, которые, взгромоздив на голову эмалированные тазы с песком, несут их к шоссе. Когда я спросила, куда его отвозят, мне ответили: на строительство университета.

Университетский городок на северной окраине города за лагунами только строился, но о нем уже можно было составить определенное представление. Тоголезские друзья уверяли, что это будет самый современный и самый прекрасный университет во всей Западной Африке. По их словам, уже сегодня он превзошел прославленный университет в Аккре.

Комплекс зданий, где расположены аудитории, кабинеты, лаборатории и библиотеки, общежитие для студентов и виллы для профессоров, занимает площадь 300 га. Когда в январе 1970 г. был заложен первый камень, вокруг была дикая равнина с редкими деревьями, кустарником и термитниками. Теперь это место превращено в парк с цветочными клумбами, зелеными газонами, прудами и тенистыми уголками. Белые здания, в архитектуре которых также использованы элементы и линии «королевского трона», в основном двухэтажные, самая большая их примечательность — неприязательность и классическая простота, в них нет ничего лишнего, никаких украшений, и тем не менее они выглядят празднично.

Аудитории оснащены самым современным оборудованием и пособиями. Студенческие общежития напоминают дворики семинарии, откуда есть вход в жилые помещения. У каждого студента две комнаты — на первом и втором этажах. Одно помещение жилое, второе предназначено для занятий. Наверху — лоджия. Прекрасно спланированы одноэтажные домики с гаражом, террасой и садом для преподавателей.

Нас интересовал вопрос, не чрезмерен ли подобный комфорт для студентов такой страны, как Того. Однако один из работников министерства просвещения объяснил нам, что все так и должно быть: студентам необходимы самые лучшие условия, ведь они — будущая интеллигенция Того, которую ждут большие дела. Поэтому правительство не жалеет никаких средств. В Европу для получения образования попадает лишь небольшое число студентов. Университет в Ломе, куда будут приглашены лучшие профессора и преподаватели из всех стран мира, станет настоящим центром образования и науки, в самые ближайшие годы он достигнет такого же уровня, как любой европейский университет... Простите, как самые лучшие университеты Европы.

В плену духов

В современном Того проживают 22% христиан, 8% мусульман и около 70% приверженцев традиционных верований.

Традиционные верования — одна из самых сложных и самых таинственных страниц африканской жизни — несомненно являются препятствием для развития страны.

Основа их — вера в душу и духов. Согласно этим верованиям, у человека есть душа, которая после смерти должна уходить в загробный мир, но иногда противится и не хочет покидать этот мир, тогда различными путями ее стараются загнать или заключить в фетиш¹⁷, чтобы она не беспокоила живых. Но и в загробном мире душа сохраняет такие чувства, как любовь и ненависть. Поэтому тоголезцы боятся своих умерших врагов, ставших духами.

Помимо души у каждого человека с рождения есть охраняющий его дух, который после смерти человека может войти в другого человека, животное, дерево, поле, реку, скалы или какие-нибудь предметы, но всегда находится вблизи жилья семьи усопшего.

Духи постоянно живут с семьей, разделяют ее счастье и невзгоды, ревностно следят за поступками каждого члена семьи, а кто провинился, того наказывают. Поэтому приверженец традиционных верований пребывает в постоянном страхе перед духами и стремится их расположить к себе, приносит им подарки и жертвы. Основным даром таким духам в далеком прошлом была человеческая жертва, считалось, что она увеличивала силу и власть. И человеческие жертвы играли немаловажную роль в религиозных обрядах. Сегодня душам умерших приходится довольствоваться кровью баранов, коз и кур.

Из веры в душу и духов постепенно развились традиционные верования. Основа их — вера в то, что духи могут вступать в контакт с живым человеком через

---

¹⁷ Фетишизм (от франц. фетиш — талисман, амулет, идол) — поклонение различным предметам, обычно неодушевленным, которым приписывают сверхъестественные свойства. Фетиш — объект поклонения.— *Примеч. перев.*

посредника — фетиш. Из этих верований исходит и фетишизм. Фетиш — материальный посредник между человеком и сверхъестественным миром, т. е. духами или божествами, из которых самый властный Хебиос, бог грома, наподобие Перуна, главного бога древнеславянского пантеона. Фетишем может стать не только любой предмет, но и любое животное, даже сам человек. Фетиш — местопребывание духов, и поэтому его почитают. Некоторые фетиши служат только своему владельцу. К ним относятся прежде всего амулеты и талисманы. У других воздействие шире. Именно в этой части Африки возникли фетиши в виде глиняных фигурок, которым местные жители придают человеческий облик. Отсюда этот культ много столетий назад распространился по всей Западной Африке. Я видела такие фигурки в Того и Бенине. Обычно их ставят вблизи жилищ под открытым небом или под навесом. Выглядят они не очень привлекательно, вокруг них распространяется неприятный запах от крови принесенных в жертву животных и остатков пищи, которыми покровителей в буквальном смысле слова поливают. Вокруг таких святынь ходят куры и свиньи, которые весьма прозаично подкармливаются за их счет. Тем не менее все это не мешает ни духам, ни животным, ни местным жителям.

На фетишизме основано здешнее колдовство. Колдуны и заклинатели составляют особую группу людей, играющих в жизни африканцев большую роль именно потому, что они — толкователи сверхъестественного мира и одновременно посредники между двумя этими мирами. Но им необходимо идти в ногу со временем. У них есть своя организация, которая следит за их профессиональным ростом. Колдовством могут заниматься только члены этой организации. Она имеет свой устав, определяет цены за отдельные услуги, религиозный реквизит и лекарства, организует обучение, собирает взносы и подвергает различным наказаниям лиц, которые без специального разрешения занимаются колдовством. У профессиональных колдунов есть и свое учебное заведение. Оно находится в монастыре в Анехо, огорожено высокой стеной и строго охраняется. Но в этом нет необходимости, потому что местные жители обходят его стороной. Обучение в Анехо длится три года и заканчивается экзаменами по проведению обрядов, магии, психологии, анатомии, основам медицины, использованию лечебных трав. Колдун должен уметь

предсказывать, глядя на полет птиц, на дым, огонь, кипящее масло, на расположение звезд и т. д. Столь же строг и вступительный экзамен, поскольку далеко не всякий может заниматься колдовством. Главное условие поступления — способность привести себя в состояние транса, или религиозного экстаза, потому что только так можно установить контакт с миром духов. Состояние транса имеет большое значение во время религиозных обрядов. При отборе учащихся придается значение многим факторам — ведь профессия колдуна дает не только большие общественные привилегии, но и материальные. Окончившим это учебное заведение разрешено пожизненно заниматься столь доходным ремеслом. Оно обеспечивает благополучную жизнь целой семье. Колдуну не запрещено жениться, и сыновья могут пойти по его стопам.

Африканские колдуны идут в ногу со временем и используют в своей практике как традиционный реквизит, так и средства современной техники: транзисторы, магнитофоны и другие достижения техники, которыми они зачастую ошеломляют местных жителей. Они ездят на мотоциклах или собственных автомашинах. Их основной рабочий инструмент — колдовская палочка, *агу-маган* — подобие четок из различных ягод, *и во* — комок, слепленный из раковин, зерен, обломков костей, перьев и растений, *во* — универсальное средство на все случаи, потому что каждая из его составных частей имеет определенное символическое значение: плодовитость, здоровье, урожай, защиту от демонов и пр. В багаже колдуна можно найти череп птицы, иглы дикобраза, травы, коренья, зубы. Весь этот набор колдун использует в работе, одновременно им и торгует. Его ларек можно найти на краю каждого базара, вы узнаете его по большой толпе любопытных. Колдун не только продает, но и дает консультации. Он посоветует, какую траву следует купить, выберет нужный амулет.

Амулет «защищает» только в том случае, если его владелец соблюдает условия, предписанные колдуном. Самые распространенные амулеты в Того — *гри-гри*. Дети носят их на шее с малых лет. Это может быть любой предмет: зуб необычной формы, корень неизвестного растения или мешочек из змеиной кожи с леплом священного животного и т. д. Как только человеку кажется, что *гри-гри* перестал действовать, он должен вспомнить, не провинился ли он. Наш шофер, например,

утверждал, что *гри-гри* запретил ему пить пиво. Разумный *гри-гри*! Шофер неукоснительно соблюдал этот запрет, потому что иначе *гри-гри* перестал бы его оберегать. Одному тоголезскому студенту, учившемуся в Праге, *гри-гри* запретил мыться в ванне, и молодому человеку приходилось довольствоваться душем. (Всякие ограничения здесь воспринимаются вполне естественно, кстати, их соблюдают и христиане.)

У профессии колдуна есть и свои отрицательные стороны. Колдун, который приносил пользу людям, вдруг мог стать опасным: его лекарства не помогали или оказывали противоположное действие. Если сам колдун не осознавал эти перемены, значит, все происходящее не зависело от его воли. Просто он, видимо, поддался злему демону и ненамеренно творит зло вместо добра. Или может статься, что колдун помогает людям, но во сне проявляется его второе, дурное «я», связанное со злыми духами.

Конечно, у злых колдунов зло может быть их сущностью. Если кто-то хотел причинить неприятность своему ближнему, он обращался именно к такому колдуну. Последний требовал прядь волос и срезанные ногти того, кто должен был стать его жертвой. Результаты такого колдовства — болезнь, неурожай, пожар, бесплодие, даже смерть. Эти колдуны обычно действуют тайно и поэтому коварны. Не знаю, как готовят таких колдунов в Анехо, но хороший колдун, бесспорно, должен знать способы, как покарать своих противников, которые оговорили его, как убедить местных жителей в том, что он хочет помогать им.

Если неизвестно, совершает ли колдун зло намеренно или случайно, его подвергают ордалии¹⁸. Эта проверка решает, виновен или нет колдун. На глазах у всего селения колдун должен выпить чашу яда, действие которого перед этим проверяется на животном. Если у виновника будет рвота, он невиновен, если умрет, значит, был связан со злыми духами и жалеть его никто не будет. Известны случаи, когда в ходе ордалии применяли огнестрельное оружие.

Один врач рассказывал мне, что в больницу в Ломе

---

¹⁸ Ордалия (от англосакс. *ordal* — суд, приговор) — «божий суд»: испытание ядами, огнем, водой, с помощью которого якобы устанавливается истина; ордалии были широко распространены у многих народов мира, в том числе и в средневековой Европе, особенно во время процессов ведьм.— *Примеч. ред.*

привезли в тяжелом состоянии раненого человека. Когда он осмотрел пострадавшего и разобрался в случившемся, выяснилось, что раненый — колдун, он сам себе выстрелил в грудь и тем самым подверг себя высшему суду. Врачи спасли его. А это означало: духи желали, чтобы он не умер. Я поинтересовалась, почему колдун должен был подвергнуть себя ордалии.

— Из-за дизентерии. Его позвали к больному ребенку, а он не знал, как ему помочь. А может быть, пришел уже поздно. Попал под подозрение, его обвинили в распространении болезни. Он прекрасно понимал, что это для него значит: потеря доверия и клиентуры. Поэтому он и решился на такой отчаянный шаг.

— Но ведь он рисковал жизнью.

— Ничего другого ему не оставалось, — сказал доктор и добавил: — Вероятно, он знал, как надо стрелять, чтобы не задеть сердце...

Матч в буше

Возможно, кто-то считает миссионеров религиозными фанатиками, расставшимися с европейским комфортом и отправившимися к черным язычникам, чтобы насаждать огнем и мечом христианскую веру. Такое представление отвечало в какой-то мере действительно сти сто лет назад. Сегодня миссионеры в молодых независимых африканских государствах осуществляют преимущественно просветительскую и культурную деятельность. Те, с которыми мы познакомились, были образованными, самоотверженными людьми, знатоками жизни и психологии африканцев. На мой взгляд, религия вовсе не являлась главной стороной их деятельности.

В Того по традиции доминирующее положение принадлежит германским миссионерам. По окончании первой мировой войны французские колонисты пытались оказывать свое политическое влияние и по религиозной линии, посылая с этой целью в германские миссии французских пасторов. Но после создания независимого государства значительная часть французских миссионеров уехали, и в Того опять стали возвращаться немцы, которые в этой сложной обстановке были в какой-то мере нейтральными.

С пастором Кналлом мы познакомились в Ломе,

куда он приезжал каждую неделю за деньгами для учителей своей школы. Это был образованный человек, владел семью языками, в том числе языком эве. Своей коренастой фигурой, легкой походкой и доброжелательной улыбкой сорокалетний пастор Кналл напоминал баварского крестьянина. Он носил широкие брюки, свободную куртку, в общем, ничем не отличался от местных жителей. Волейбол захватил его с первой минуты. Он подробно расспрашивал и записывал в блокнот все: размеры площадки, сетки. Удовлетворенно кивая головой, говорил:

— Это можно. Мячи мы как-нибудь достанем, сетку нам могли бы сплести рыбаки, как вы думаете?

Пастор пришел посмотреть, как проводится тренировка, и обязательно заглядывал на стадион, когда ему удавалось приехать в Ломе. Он сумел добиться, чтобы в одной старой типографии отпечатали инструкции по волейболу. У него был блестящий организаторский талант, и казалось, что для него не существует никаких препятствий. Пастор всегда находил выход из положения.

Однажды утром он появился на стадионе и заявил, что приехал за игроками: они должны показать в селении, где он живет, как играть в волейбол. Тренер Киндр пытался возражать: это невозможно, надо получить разрешение, потому что сборная команда публично еще нигде не выступала и он не может ею распоряжаться. Но ему пришлось капитулировать, поскольку сами игроки приняли предложение пастора с восторгом. Они хотели попробовать, чему они уже научились. И вот мы в небольшом автобусе, который ждал у стадиона; пастор сам сел за руль и увез нас как редкую добычу к себе.

Это было в 70 км от столицы. Поездка в переполненном автобусе, в жару, была не очень приятной, но настроение — прекрасным. Игроки пели, отбивая ритм руками, пастор улыбался, кивая головой в такт. Жители нескольких соседних селений уже собрались вокруг площадки и танцевали в ожидании нас. Похоже, никому из них и в голову не приходило, что мы можем не приехать. Нас, выходящих из автобуса, встретили радостными приветственными возгласами. Рослые и красивые игроки в одинаковой форме, должно быть, произвели впечатление. Они сразу же выбежали на площадку и начали разминку: пружинисто подпрыгивали

над сеткой, били по мячу, и, казалось, им очень нравилось быть предметом всеобщего внимания. Сначала они играли между собой; каждый удачный пас, прыжок, атакующий удар или взятие мяча вызывали бурю восторга.

Зрителям хотелось быть как можно ближе к этому сказочному для них представлению, они, протискиваясь вперед, переступали оградительную линию площадки. Несколько раз приходилось останавливать игру и наводить порядок, но это было ненадолго. В конце концов пастор установил вокруг площадки посты, которые защищали ее с помощью палок. Эта мера оказалась успешной, и игру можно было продолжать.

Гвоздем программы была встреча сборной с местной командой во главе с капитаном, самим пастором. Такое зрелище не каждому посчастливится увидеть. Белый пастор в кругу маленьких черных фигурок в желтых майках. Игроки в течение всего матча не спускали с него глаз и старались выполнить каждое его указание. Во всех отношениях встречу можно было сравнить с крупными соревнованиями: соответствующее звуковое сопровождение, перерывы. Хотя у воспитанников пастора не было шансов на победу, они играли самоотверженно и вдохновенно, а когда выиграли очко, ликованием как игроков, так и зрителей не было предела.

После матча состоялся торжественный обед, во время которого нас обслуживали ученики школы. Мы с удивлением наблюдали за ними: они вполне могли работать в любом отеле Ломе.

Пастор Кналл начал свою деятельность на побережье, где он основал миссионерский центр для моряков. Центр был оборудован вполне современно: прекрасный кинозал, богатая библиотека, читальный зал и даже ресторан. Здесь пастор мог с комфортом проводить свое время. Но это как-то не вязалось с его спокойным характером. В один из дней он передал центр моряков своему преемнику и переселился с многочисленной семьей в глубь страны, в 20 км от районного городка Воган. В селении, скрытом в буше, он поставил простой домик и постепенно создал здесь и открыл центр, миссионерскую школу.

Вначале ему пришлось нелегко. Местные жители наблюдали за ним с большим недоверием. Вожди общались с ним учтиво, но держались на расстоянии. Колдуны ждали лишь момента, когда он совершит ка-

кую-нибудь ошибку и затронет религию предков. Пастор хорошо понимал, что легко может восстановить против себя жителей, но он был не новичок в Африке и поэтому никому не навязывал своего христианского бога. Он беседовал с африканцами на самые обычные житейские темы, и они убедились, что некоторые его советы полезны. К нему ходили осматривать дом, уже с любопытством наблюдали за ним. Наконец ему удалось завлечь первых учеников в свою школу. Дети его полюбили — это был решающий момент в его работе, так как дети для африканцев — смысл жизни и ради их благополучия родители готовы на любые жертвы. По их представлениям тот, кто хорошо относится к детям, не может быть плохим человеком, и взрослые обя-заны платить ему своим расположением.

Число учеников в школе увеличивалось, в ней уже учились дети и из трех соседних селений. Пастору пришлось пригласить из города нескольких учителей. Рядом со школой он открыл просветительный и культурный центр, куда приходили и взрослые. Мальчики здесь обучались различным ремеслам. Пастор даже выдавал им свидетельства об окончании обучения и многих потом устроил на хорошую работу в городах. Некоторым ученикам он помог поступить в среднюю школу. В своей просветительской деятельности он использовал различные формы. Пастор не стал читать лекции местным жителям, а организовал театральные кружки и писал для него сценки на темы: забота о детях, предупреждение болезней, значение личной гигиены. С помощью остроумных и веселых диалогов он знакомил зрителей, т. е. жителей селения, с современным сельским хозяйством и животноводством. Он учил их удобрять и увлажнять почву, разводить кур и свиней в загонах, чтобы те не уничтожали урожай и приносили пользу. Свободно разгуливающие домашние животные вынуждали сельских жителей обрабатывать поля вдали от жилища. Теперь, воспользовавшись его советами, они возделывали поля прямо на краю селения. Пастор учил их по-новому строить хижины, сушить кирпич. Женщин он учил варить и стирать. И все это он делал как бы между прочим. Я наблюдала такие сценки в свои последующие приезды и не могла не вспомнить о Яне Амосе Коменском¹⁹. Здесь, в далекой Африке, в центре

¹⁹ Ян Амос Коменский (1592—1670) — чешский мыслитель-гуманист, педагог, писатель. Основатель демократической педагоги-

буша, я видела блестящее претворение его «schola ludus». Поэтому была приятно удивлена, когда оказалось, что пастор не только знает Коменского, но и считает себя его последователем.

В учебных представлениях, как правило, принимали участие зрители всей округи. После «спектакля» обычно устраивались танцы под тамтамы и маракасы. Учебные сценки, обязательно сопровождавшиеся музыкой и танцами, стали неотделимой частью первых христианских богослужений, проходивших под открытым небом, в тени баобаба. Они носили более или менее светский характер и всегда были связаны с какой-то культурной и просветительской темой.

Пастор был терпелив, он обладал редким пониманием психологии африканцев. Это подтвердил случай, свидетелями которого мы оказались. Во время религиозной службы под мальчиками обломилась толстая ветвь дерева, на которой они сидели. Мальчики упали с довольно большой высоты, но прихожанам и в голову не пришло, что с кем-нибудь из них могла произойти неприятность. Их больше занимала ветка дерева. Они спешно ее разломали и унесли в свои хижины. Тем временем пастор обработал ребятам ссадины, а когда все вернулись, он продолжал, как будто ничего и не случилось. Пастора нисколько не задело, что дрова для очага для них были важнее всего на свете.

Пастор Кналл был реалистом и не строил иллюзий, что африканцы просто и легко откажутся от религии предков, которая тесно связана с образом их жизни. Даже тот, кто принял христианство, не мог полностью порвать с традиционной религией. Многие африканцы это понимали так: теперь у них на одного бога больше, поэтому и ему следует приносить жертвы, чтобы он не рассердился. К тому же этот бог, который по христианской вере вседесущ, мало чем отличался от богов их традиционных религий. В этом смысле можно было достичь определенного компромисса. Проблемы возникали, лишь когда некоторые слишком усердные

ческой системы, в которой выступал с критикой схоластики, подчеркивая значение наглядности, сознательности обучения. Впервые обосновал идею всеобщего обучения на родном языке, разработал единую школьную систему. Осуждал феодализм, произвол и войны. Предлагал создать международный совет, который бы занимался улучшением образования, вопросами философии, политики, взял бы на себя заботу о поддержании всеобщего мира и оказании помощи отсталым странам.— *Примеч. перев.*

миссионеры запрещали местным жителям почитать фетишей. Простые люди усматривали в этом предательство предков, а более образованные, у которых уже было развито определенное чувство национального достоинства, считали посягательством на африканскую самобытность.

Вероятно, обо всем этом можно было бы и не рассказывать, если бы здесь не скрывалась и чисто практическая сторона. Африканец, принявший христианскую веру, легче находил работу, поскольку считается, что он уже не в такой мере зависит от рода. У представителей традиционных верований много различных праздников, родовых и племенных торжеств, они должны участвовать в свадебных и погребальных обрядах и т. д., которые длятся несколько дней. Понятно, как такие религиозные привычки сказываются на работе и каким тормозом служат для производственного процесса. Сознание местных жителей находится в постоянном противоречии. С одной стороны, род заинтересован в том, чтобы его члены не стали чужими, с другой — надежная работа — источник доходов рода. Сложные проблемы создает смена религии и при вступлении в брак. Традиционные религии не ограничивают количество жен, христианство же допускает только моногамию. Но настаивать на ней — значит нарушить одну из основ родового общества. Как выйти из этого заколдованного круга?

Пастор Кналл отдавал себе отчет в наличии всех этих проблем, поскольку он ежедневно с ними сталкивался. Он знал, что пройдет много времени, прежде чем местные жители освободятся от вековых предрассудков. Кналл рассказал случай, который произошел в соседнем селении, когда ему уже казалось, что его работа успешно завершена: он поборол традиционные верования.

У пятнадцатилетнего мальчика была высокая температура, и некоторые жители утверждали, что в бреду он выкрикивал имя одной женщины. Они были убеждены, что в эту женщину прокрался злой дух и она виновница болезни мальчика. Послали за колдуном, чтобы тот избавил ее от злой силы: иначе мальчик не поправится. Женщина сопротивлялась, но было бесполезно. Ее остригли, колдун сорвал с нее платье и бил кожаной плетью до тех пор, пока она не призналась, что связана с демоном. Над измученным, окровавлен-

ным телом принесли в жертву барана, чтобы кровь женщины смешалась с кровью животного. Этот религиозный ритуал сопровождался звуками тамтамов и танцем. Никто в этом не видел ничего плохого. Наоборот, все были убеждены, что сделали доброе дело, избавив женщину от злых духов. Колдун выполнил свою задачу, принял вознаграждение, сел в машину и уехал. Его не очень занимало, что мальчик тем временем умер.

Пастор узнал обо всем этом на следующее утро и сразу же поехал в селение. Женщина, освобожденная от демона, находилась в состоянии шока. Он обработал ее раны и отправился за колдуном, который жил в нескольких километрах.

— Знаете,— сказал пастор,— мною вдруг овладело чувство безысходности. Как будто все рухнуло. Мне казалось, что работа, которой я занимался несколько лет, не имеет никакого смысла. Потребовалось совсем немного, чтобы я оказался там, с чего начинал. Сначала колдун не хотел пускать меня в дом. Только после того как я ему пригрозил, что отдам его под суд, он согласился говорить со мной. Он слушал меня, но делал вид, что не понимает. Чего я негодную? Разве женщина сама не призналась, что была во власти злого демона? Я сказал ему, чтобы он не разыгрывал комедии, он прекрасно понимает, при каких обстоятельствах призналась женщина.

— Но что вы от меня хотите? — спросил колдун.

Я требовал, чтобы он поехал со мной в селение и открыто перед всеми это сказал. Колдун был не в восторге от такого предложения, но ему пришлось согласиться. Он полагался на свой авторитет и был уверен, что жители будут на его стороне. И не ошибся. Они меня уверяли, что колдун невиновен, потому что женщина призналась. К чему все это, когда мальчика все равно нет в живых? Колдун в этом не виноват. Помощь запоздала. Колдун смотрел на меня с усмешкой и, чтобы как-то смягчить мое поражение, снисходительно высказал предположение, что жители могли ошибиться: в бреду мальчик, возможно, выкрикивал имя другой женщины, но к этому он уже не имеет отношения. И поскольку он считал дело конченным, то сел в свою машину и уехал. Я знал, что не могу просто так уйти, но что делать? Я сказал жителям, что это они виноваты в смерти мальчика, они должны были отвезти его

в больницу. Никто никогда не должен позволять, чтобы кто-то, будь то мужчина или женщина, был подвергнут таким нечеловеческим мучениям. Ведь бог учил любить ближнего, разве они не знают заповеди «Возлюби ближнего твоего как самого себя»? Когда я кончил свою речь, то увидел перед собой виноватые лица. Я уже думал, что одержал победу. И вдруг раздался крик: «Ордалия!». Толпа повторила его. Вы, конечно, знаете, что это означает. Женщину следовало предать «божьему суду» — ей надлежало выпить стакан яда. Если ее вырвет, значит, она оклеветана. Если умрет, подозрение, что в нее вселился демон и она повинна в смерти мальчика, подтвердится. Я не колебался ни минуты. Я сказал, что этого не допущу, никто не имеет права посягать на жизнь другого человека! И поскольку не был уверен, что после моего ухода ее не подвергнут страшному испытанию, забрал ее с собой и увез в Ломе к сыну.

— Нет, все это непросто,— закончил свой рассказ пастор Кналл.— И каждый такой случай — повод для размышлений...

МЕСТНЫЕ ЖИТЕЛИ И ИНОСТРАНЦЫ

Рыбацкое селение

Морские границы Того составляют всего 50 км. На западе — мыс Ломе, на востоке — город Анехо. Вдоль берега проходит магистраль, возможно, первая коммуникация в этой части Африки вообще, имевшая в свое время стратегическое и торговое значение, поскольку она соединяла бывшие крепости и торговые фактории. Эта магистраль идет вдоль всего Гвинейского залива, в некоторых местах удаляясь от моря; она соединяется с дорогами, уводящими в глубь страны.

Прибрежная трасса покрыта асфальтом, который, как ни странно, выдерживает страшную жару, и обрамлена красной латеритовой обочиной. Въезжать на нее не рекомендуется ни в сухой сезон, ни в сезон дождей, потому что она в первом случае очень пыльная, во втором довольно вязкая. От моря магистраль отделена полосой песка и лентой кокосовых пальм. В некоторых местах сразу же за пальмами начинается высокий кру-

той берег, истерзанный прибоем и дождями. Вода подмывает корни пальм, их стройные стволы низко наклонились. Кое-где вместо пышных крон к небу поднимаются только голые стволы. Это сделала не вода, а вирусная болезнь, против которой пока не найдено защиты. Говорят, что когда-то на побережье Того росло 100 тыс. пальм. Сколько их осталось, не удалось узнать, но, по последним официальным данным, урожай кокосовых орехов год от года падает. Если в 1965 г. он составлял 43 млн. штук, то в 1971 г. уже только 21. Интересно, что в Гане и Береге Слоновой Кости урожай кокосовых орехов, наоборот, растет.

По всему побережью разбросаны рыбацкие селения, укрывающиеся в тени пальм. Это особый мир, замкнутый, возможно до некоторой степени и таинственный. Его границы — шоссе и морской берег. Немногие решаются войти в него. Только в самой близости от Ломе, где прямо на берегу выросли современные отели с пляжами для иностранных туристов, там, где построили новый порт, этот рыбацкий анклав был нарушен. Более того, рыбаки стали своего рода магнитом для иностранцев. Пляжи, конечно, обнесены оградой из пальмовых ветвей, а любопытных, которые могли бы надоедать зарубежным гостям, довольно бесцеремонно отгоняют. Но из гостиницы можно наблюдать за жизнью рыбаков и восхищаться их ловкостью.

И здесь контрасты современной Африки бросались в глаза. Прекрасная архитектура отелей, таких, как «Бенин» или «Отель де ля пэ», и рядом — бедные хижины рыбаков. Порт, оборудованный по последнему слову техники, стоящие на якоре океанские суда, а в десятках метров от них в море выходят на раскрашенных пирогах, выдолбленных из целого ствола, чернокожие рыбаки и забрасывают сети, как сотни лет назад.

При отеле «Бенин» был пляж и бассейн с пресной водой. Температура в нем постоянная — +20°. Для развлечения гостей имелся небольшой зоологический сад с обезьянами, змеями, черепахами и экзотическими птицами. Прекрасные цветы, ежедневно подстригаемые английские газоны, пестрые зонтики на террасах, бар под соломенным навесом, типичный стилизованный африканский дом Северного Того, но отделанный стеклом, зеркалами, никелем и окруженный забором, который отделял этот островок благополучия от остального мира, ведущего повседневную борьбу за существование.

Меня не удовлетворяла картина, которую обычно видит турист с балкона отеля. И в один из дней мы отправились по прибрежному шоссе. Проехав 15 км, свернули на пыльную дорогу между пальмами. Наш шофер, который был отличным экскурсоводом, категорически отказался идти с нами в рыбацкое селение. Этот «театр» не вызывает у него интереса. Мой муж сначала тоже отнесся без особого подъема к этому приключению, но в конце концов согласился, когда я пообещала, что сделаю только несколько кадров и мы сразу же вернемся.

Едва мы приблизились к хижинам, как из них высыпала пестрая группа женщин и детей. Они следили за каждым нашим шагом, покрикивали друг на друга: то ли для храбрости, то ли высказывали свои предположения, что мы за люди и чего здесь ищем. Мы медленно двигались по глубокому песку, иначе и не получалось, каждую минуту мы останавливались и осматривались, давая понять, что оказались здесь случайно и у нас нет недобрых намерений.

Женщины, завернутые в пестрые ткани, с детьми на спине, подождали, пока мы приблизимся, а потом как по команде окружили нас, стали визжать, смеяться и дотрагиваться до нас, как будто хотели убедиться, что мы живые. Мы не понимали их, они — нас. Тут одна из женщин пробилась через толпу, подталкивая тринадцатилетнюю полуодетую девочку. Она показывала то на нее, то на нас. Другая женщина поставила рядом с ней еще одну. Далеко не сразу мы сообразили: они предлагали купить их. Они дергали нас за руки, вертели, кричали, мы уже были готовы к тому, что нас начнут раздевать. Похоже, что они были раздосадованы нашим отказом. Я вспомнила о том, что пережила на базаре в Ломе. Но здесь отступать было некуда. Машина стояла далеко, а шофер заранее предупредил, что не примет участия в нашей прогулке.

Тут мне пришла спасительная мысль. Я достала фотоаппарат и направила объектив на полуодетую толпу. Результат был неожиданный. Женщины закрыли лица и бросились бежать. В первую минуту я подумала, не приняли ли они фотоаппарат за оружие. Только несколько детей остались стоять, и, когда я подозвала их посмотреть, они набрались смелости и медленно подошли. Они смотрели недоверчиво, но в конце концов любопытство победило. За ними приблизились и

остальные, а потом мне уже надо было думать о том, как спасти фотоаппарат. Когда я несколько раз нажала кнопку затвора, к моему удивлению, они потребовали фотографию, из чего я заключила, что фотоаппарат не был для них такой уж новинкой.

Что касается фотографирования, то у меня уже был некоторый опыт по Алжиру. И там не раз я оказывалась в положении, когда не знала, что спасать — фотоаппарат или свою жизнь. Здесь, в Западной Африке, было не так. Мне не удалось воспользоваться апробированными методами. Как всегда, подарков на всех не хватило, а мои попытки расположить женщин, погладив какого-нибудь ребенка, кончались тем, что прибежала мать, хватала его на руки и с криком исчезала. Но через минуту приходила другая с ребенком на руках и предлагала мне купить его.

Когда я впервые столкнулась с этим, то растерялась. Нечто подобное, говорила я себе, мать могла совершить только из-за слабого развитого материнского инстинкта. Позднее я узнала, что это не так. Матери стремятся поместить своих детей в благополучные семьи, туда, где, по их мнению, их детям будет хорошо. Богатые люди, приезжающие на море, — это как раз те, кто могли бы обеспечить такое счастье. Не знаю, как это назвать: недостатком ли материнского чувства или, наоборот, каким-то другим, более глубоким чувством, усиленным верой в человеческое добро? Но, бесспорно, оно не соответствует нашим представлениям и нашим взглядам. Скорее всего этим женщинам вполне достаточно сознания того, что их ребенку будет хорошо. Они не думают о том, что могут никогда его уже больше не увидеть. А может быть, они полагают, что даже в далекой стране ребенок не забудет своих родственников и облагодетельствует их.

Я интересовалась в кругу наших знакомых, известны ли им случаи, чтобы белый покупал чернокожего ребенка? Никто не мог припомнить, откуда это повелось. Один учитель высказал предположение, что это пережиток давнего прошлого, отсвет времен, когда на побережье торговали рабами. Его слова меня обескуражили.

— Но вы не будете утверждать...

— Я ничего не хочу утверждать, — прервал он меня, — но посмотрите на эту проблему с другой стороны. Продажа рабов за моря и океаны — это, конечно, было

жестоко и страшно. Это мы знаем. Но разве потомки бывших рабов не возвращались? Разве некоторые из них не вернулись состоятельными людьми? У бедноты на эту проблему свой взгляд. А потом человек устроен так, что не дает несчастью надолго овладеть собой. Сельский житель ничего не знает о тяжелых условиях жизни негров в Америке. Он видит только тех, кто приезжает сюда, т. е. состоятельных людей, а они ему вполне импонируют...

Эту беседу я невольно вспомнила в рыбацком селении в 15 км от столицы. Но можно было и не ездить так далеко.

Когда женщины разошлись и снова занялись своей работой, мой муж заявил, что теперь он мне, видимо, не понадобится. И все же он настоятельно просил меня не покупать ребенка ни для себя, ни для него и пошел к шоссе. Сопровождаемая толпой детей, я осматривала селение, незаметно сфотографировала и фетиши, которые ничем не отличались от тех, что я видела раньше. По многочисленным рыбьим скелетам я поняла, что рыба здесь — самая частая жертва.

Хижины были построены из пальмовых ветвей, покрыты пальмовыми листьями. Если бы жилища не были так бедны, я бы сказала, что они прекрасно стилизованы. Из пальмовых веток сплетены заборы, напоминавшие богатые кружева. Из пальмовых листьев — циновки, корзинки, шляпы. Не берусь перечислить, какое количество предметов можно сделать из пальмы. Кокосовые орехи содержат освежающую жидкость. Из нее готовят приправу к различным блюдам и используют в производстве свечей, мыла и лекарства, кроме того, ее добавляют в пищу для скота; из скорлупы делают различную посуду, миски, чаши, ложки, половники, пуговицы и пр. Из молодых листьев пальмы готовят вкусный салат, из сока — пальмовое вино, спирт и сироп. Стволы выделяют особый вид каучука. Волокна листьев идут на изготовление прочной ткани, ниток и веревок. Из волокнистой оболочки делают мешки, ковры, щетки. Из корней плетут корзины, циновки, из стволов старых пальм делают мебель. Ничего не пропадает. Кокосовая пальма не только королева среди пальм, но в буквальном смысле слова дерево жизни. Она родом из Полинезии, откуда ее привез человек, пригнал ветер, принесла вода. Кокосовые орехи прекрасные и необычайно стойкие «пловцы». От соленой

воды внутренность защищена твердой восковой оболочкой, и легкая волокнистая корка служит «спасательным жилетом». Только этим можно объяснить тот факт, что кокосовые рожи растут на небольших островах и коралловых рифах, куда человек и не ступал. Кокосовой пальме нужно тепло и соленый влажный воздух. Однако кокосовые орехи — это пища и материал не только местных жителей и рыбаков, живущих на побережье. Орехи — важное промышленное сырье, занимающее прочное место на мировых рынках. Из очищенной мякоти плодов — копры — получают жир, который с начала нашего столетия является составной частью многих пищевых жиров.

Вокруг жижины в песке сушились маленькие рыбки. Они так и сверкали на солнце. Из такой рыбы готовится рыбная мука, или ее коптят в глиняных коптильнях. Женщины носили на голове белые тазы с песком и галькой и ссыпали их в кучу у шоссе, а автомашины отвозили песок и гальку на керамический завод или строительство университета. Я не знала, сколько весит такой полный таз, а у некоторых женщин на спине были еще и дети.

Но больше всего меня интересовали рыбаки, группы которых виднелись на берегу. Я медленно направилась к ним. Море напоминало кипящий котел. Опрямные массы пенящейся воды обрушивались на берег, возвращаясь, они гнали новую волну. Я не могла оторвать глаз от этой прекрасной картины, в которой было столько напряжения и силы.

На берегу находилось около шестидесяти рыбаков, мужчин и женщин. Сначала они скатывали сети как ковер и несли их к пирогам, сделанным из целого ствола. Потом, оттолкнув пироги от берега, на минуту скрывались в высокой волне прибоя и появлялись уже на спокойной поверхности моря. Для этого нужны были большая ловкость, конечно, опыт и смелость. Затем сети забрасывали в море и медленно тащили к берегу. Это самое трудное. Как только сеть, напоминавшая большой мешок, оказывалась на берегу, к ней бежали женщины с мисками и вождь, который делил улов. Одна заброшенная сеть, как говорили, приносит 120 кг мелких рыбешек. В течение дня сеть забрасывают трижды.

В ловле рыбы участвуют несколько семей, которые живут в этом селении. В город на базар ходят специ-

ально выделенные женщины. Самую крупную рыбу вождь сам предлагает прибрежным отелям. Кроме рыбы местные жители торгуют вдоль шоссе кокосовыми орехами, но только на своей стороне шоссе. Вообще же они не покидают своей территории, и многие из них за всю жизнь так ни разу и не бывают в городе.

Возвращаясь, я опять шла мимо селения вдоль берега. Женщины, работавшие здесь, возможно, и не удостоили бы меня вниманием, если бы неожиданно высокая волна не обдала меня с ног до головы. Они бросили работу и прибежали посмотреть. Они смеялись и как бы удивлялись, что и белого человека может постичь такая неприятность. Одна трогала мое мокрое платье, другая даже подняла кофту, а когда они увидели бюстгальтер, принялись пронзительно визжать. Видимо, эта часть туалета им показалась смешной. Мне надо было что-то делать, чтобы защититься. «Cadeaux, cadeaux!»²⁰ — кричали они, перебивая друг друга. Это было, наверное, единственное французское слово, которое они знали. Но у меня уже не оказалось никаких подарков. Выручил обычный носовой платок. Я протянула его одной из девушек. Она решила, что это козынка, и пыталась повязать на голову. Другие тут же ее обступили и принялись советовать, как это следует сделать. Я воспользовалась моментом и поспешила удалиться.

Маяки на побережье

Строительству порта в Ломе предшествовало много размышлений и сомнений. Далеко не все в Того и соседних странах были убеждены в целесообразности возведения столь дорогостоящего сооружения. Того может продолжать пользоваться современными портами в Гане и Бенине. Однако правительство независимого Того не хотело полагаться на добрую или недобрую волю, зависеть в этом от соседей и без излишних дискуссий заявило о своем согласии со смелым проектом трагически погибшего президента Олимпио.

В 1964 г. в 8 км восточнее города началось строительство морского порта. Через три года, в октябре

---

²⁰ Подарки, подарки! (фр.)

1967 г., порт частично был сдан в эксплуатацию. Его торжественное открытие состоялось в апреле 1968 г. Самым почетным гостем на торжествах, находившимся рядом с генералом Эйадемой, был представитель ФРГ. Первая очередь строительства финансировалась Кредитным банком ФРГ.

По официальным данным, расходы на первом этапе строительства составляли 5,5 млн. западногерманских марок; вторая очередь обошлась в 5 млн. Эти цифры не последние и не единственные, они красноречивее всего говорят о том, как труден путь молодых африканских государств к экономической независимости.

Площадь порта — 674 га. С запада он защищен моллом, который вдается в море на 1720 м. С восточной стороны строится 300-метровая дамба. Между ними в море вдается еще один мол длиной 360 м, шириной 72 м. Он стоит на сваях и имеет четыре причала: три для больших океанских судов с осадкой 9,5 м и один поменьше, на осадку 5,5 м, для рыболовных судов, буксиров, прибрежных плавучих средств.

Площадь складских помещений порта составляет 62 тыс. кв. м, из них 22 тыс. — под крышей. Эти склады способны принять около 400 тыс. т грузов, по завершении строительства порта их площадь позволит складировать еще 750 тыс. т грузов.

Как все, что строится в Того, порт оснащен самой современной техникой. Это подъемные краны, мощность самого большого из них 20 т, автопогрузчики, совершенная телекоммуникационная аппаратура. Работой всего порта руководят пять немецких специалистов.

По последней статистике, ежегодно в порту бросают якоря до 600 крупнотоннажных судов под 15 флагами мира. Из импортируемых товаров первое место занимает цемент (около 100 тыс. т), далее продовольственные товары (28 тыс. т), строительные материалы (21 тыс. т), текстиль, соль, рыба и пр. Главный продукт экспорта какао-бобы (10 тыс. т), кофе (9,5 тыс. т), хлопок-сырец (12 тыс. т), кокосовые орехи (15 700 т), крахмал, копра, арахис и т. д. Для фосфоритов — это самая важная статья экспорта — есть свой причал.

В зоне порта уже сегодня сосредоточена бóльшая часть промышленных предприятий, но их строительство продолжается, и в будущем здесь вырастет крупный промышленный центр.

Порт строго охраняется, и после нескольких безуспешных попыток мы уже отказались от надежды увидеть его и осмотреть. Помог случай, который не раз благоволил к нам.

В культурном центре Гёте, куда мы иногда ходили на просмотр новых фильмов, к нам обратился европеец, которого раньше здесь никогда не видели. Он сказал по-немецки, что почтет за честь познакомиться с нами. Мы не знали, почему он счел для себя это честью. В первую минуту подумали, что это какой-нибудь болельщик волейбола либо он пытается собрать собственную команду и ему нужна наша помощь. Но он сказал, что хотел бы представить нам свою жену. Пожалуйста, для нас это будет также честью. И поскольку вид у нас был недоумевающий, он добавил:

— Она ваша соотечественница, чешка.

— Мы рады будем познакомиться,— сказала я.

— Она скоро должна приехать,— улыбнулся он.—

Мы познакомились в Карловых Варах два года назад и этим летом поженились. Я жду ее со дня на день.

Когда мы прощались, он подал нам свою визитную карточку: Бишер, технический консультант порта.

А спустя несколько недель мы получили отпечатанное на немецком языке приглашение. В нем значилось: господин Бишер с супругой имеют честь пригласить в Центр моряков на вечер, устраиваемый в связи с приездом госпожи Бишер в Ломе.

Вечер превзошел все наши ожидания. Это был скорее прием, на котором собралась «черная» и «белая» элита. В числе гостей был мэр Ломе. Столы ломились от блюд и напитков, между ними сновали десять официантов. Играл африканский оркестр, был автомат с пластинками популярных чешских певцов — проявление внимания господина Бишера к жене. Танцевали в саду под навесом на возвышении; сад был освещен цветными светильниками и фонариками.

Госпожа Бишер, миловидная, стройная женщина лет тридцати, обращала на себя внимание своей бледностью. Сразу было видно, что она здесь совсем недавно. Она, конечно, была центром внимания всех присутствовавших, смеялась, с большим усилием скрывала свое напряжение, боясь совершить какую-нибудь оплошность, поскольку плохо говорила по-немецки и совсем не говорила по-французски. Мы были единственными чехами, она каждую минуту подбегала к нам посовето-

ваться и поделиться своими впечатлениями. Так, она наклонилась ко мне и прошептала:

— Вы думаете, хватит тридцати цыплят для такого количества гостей?

Я успокоила ее, убедив, что на столах столько еды, что ее не съела бы и рота солдат.

Все кончилось благополучно, вечер прошел успешно, госпожа и господин Бишер благодарили нас за помощь. Нас включили в число ближайших знакомых, а это означало, что мы получали приглашения на все приемы в этот дом. Приглашения были искренними — господин Бишер не жалел денег, чтобы развлечь свою жену. Если мы не отвечали на приглашения, то причиной тому была либо большая занятость моего мужа, либо мы просто находились в отъезде.

Но за одно мы были господину Бишеру признательны. Он помог нам попасть в порт, где отвечал за электрообслуживание и работу трех маяков. Он проводил нас на один из них, который был ближе к «Отелю де ля пэ». Высота маяка 30 м, наверх вела винтовая лестница. Мы выслушали подробный рассказ о его техническом оснащении. Признаюсь, что сложные аппараты и автоматы — все это было выше моего понимания. Мне не оставалось ничего иного, как поверить господину Бишеру, что его маяки самые лучшие и самые современные из всех до сих пор созданных в морской сигнализационной технике. Самое большое впечатление на меня произвел прекрасный вид сверху на порт и город, на бесконечные дали океана.

Немецкий специалист принадлежал к тому типу людей, которые проводят большую часть своей жизни за пределами родины. У них довольно значительные доходы, но от них много и требуется: точность, надежность и исполнительность. Его рабочий день ненормирован. Он мог понадобиться в любое время дня и ночи, был готов к этому и привык. Господин Бишер прекрасно понимал, что в Европе никогда бы не имел таких условий жизни, как здесь.

— Сколько вы еще пробудете в Того? — спросили мы его.

— Столько, сколько буду нужен, — улыбнулся он. — У меня контракт до завершения строительства порта. К этому времени я должен подготовить местные кадры.

— А потом?

— Потом поеду дальше.

— В Европу?

— Да нет, туда я езжу только в отпуск.

С этого времени маяк перестал быть для нас мертвым, безличным. Всякий раз, когда мы видели, как его яркий луч прорезает темноту, мы говорили:

— Господин Бишер светит...

Тоголезское золото

Это золото — фосфориты, самое большое минеральное богатство современного Того. Их месторождение было открыто сравнительно недавно, в 1952 г., в осадочной прибрежной котловине у р. Хахо к северу от оз. Того. Добываются они открытым способом. В некоторых местах пришлось убрать почти тридцатиметровый слой пустой породы, и здесь образовалась гигантская яма. Но прилегающий район не так опустошен, как вокруг чехословацких открытых шахт, потому что он быстро зарастает тропической растительностью.

В окрестностях рудника предприниматели закупили участки и начали ликвидировать селения. Вначале местные жители сопротивлялись, но потом смирились с судьбой, поскольку компании, которые стремились как можно быстрее начать добычу, не занимались долгими разговорами и не скупилась.

Тоголезские песчаные фосфориты и фосфориты с илистой примесью по своему качеству принадлежат к лучшим в мире. Говорят, что это обусловлено оптимальным соотношением фосфоритных и кальциевых компонентов. Кроме того, у таких фосфоритов очень небольшой процент отходов. О том, как быстро растет добыча, свидетельствует несколько цифр. В 1961 г. было добыто 750 тыс. т, в 1965 г. уже почти 2 млн. т, а в 1977 г. 2,8 млн. т.²¹ В целом запасы оцениваются в 70 млн. т.

От современного открытого рудника к побережью в городок Кпеме ведет узкоколейка длиной 26 км. Там находится обогатительная фабрика, оттуда по транспортерам чистое сырье направляется на специальный, прекрасно технически оборудованный причал, где оно грузится на суда. Фосфориты предназначены только на экспорт. Его самые крупные покупатели Франция, Япо-

---

²¹ В 1982 г. — 2,2 млн. т, в 1983 г. — 1,9. — *Примеч. перев.*

ния, США и Австралия. Они вывозятся как полуфабрикаты, очищенные от ила и песка. Окончательная переработка пока в Того не производится. Нетрудно себе представить, какой ущерб это наносит экономике страны. Кроме того, следует заметить, что до 1972 г. большая часть акций на добычу фосфоритов была собственностью иностранных компаний, а тоголезскому правительству оставалось только смотреть, как грабят богатство его страны и получают огромные прибыли.

Именно генералу Эйадеме удалось получить для «Компани тоголез де мин дю Бенин» 51% акций и тем самым оставить за ней решающее слово. Это была одна из самых крупных побед тоголезского военного правительства, праздник всей страны.

Обогатительная фабрика, как и порт, строго охраняется. Мы попали на нее благодаря китайским волейболистам. Тогда же в Того находились футболисты. Они жили в китайском посольстве и провели с тоголезской сборной несколько встреч. Встречам придавалось большое значение, как и всему, что так или иначе связано с Китаем. За время нашего пребывания в стране генерал Эйадема три раза ездил в КНР. Группа китайских специалистов в Того была самой многочисленной. Они работали главным образом в сельском хозяйстве, помогая в налаживании производства риса, в некоторых отраслях промышленности, на текстильных фабриках, в здравоохранении, спорте и, конечно, пропаганде. Транспаранты, лозунги, призванные укреплять самосознание и национальную гордость тоголезцев, стенные газеты и реклама, фейерверки, иллюминация и различные эффекты массовых выступлений представителей традиционных верований, как правило, были их делом. Это не было тайной, хотя сами китайские эксперты оставались в тени. Мы никогда не видели, чтобы они выступали публично или как-то подчеркивали свою причастность к чему-то.

На встрече китайской команды с тоголезской сборной присутствовало много официальных лиц. В первом ряду на трибуне сидел китайский посол рядом с мэром Ломе. Большинство же китайских зрителей разместились под трибуной на стульчиках, которые они принесли с собой, чтобы не занимать места на трибунах. Китайские спортсмены в ходе игры вели себя более чем корректно. Их уровень был, конечно, выше, но они умышленно пропускали мячи, а когда тоголезцы выиг-

рывали очко — поздравляли их. То же самое происходило и на трибуне, где китайский посол радостно поднимался с кресла и театрально поздравлял мэра Ломе. Тот при первой возможности отвечал тем же. Когда объявили перерыв, китайские игроки пришли к своим соперникам с полотенцами и готовы были обмахивать их, если бы это входило в программу «большой дружбы». Но в программе было совместное посещение обогатительной фабрики. Ехали двумя автобусами. На сиденьях обязательно сидели рядом тоголезец и китаец. Когда мы выходили, они шли, трогательно держась за руки. Беседы друг с другом исключались — ни те ни другие не знали языка, но при осмотре фабрики у каждой группы был свой переводчик из числа китайских специалистов, сопровождавших экскурсию.

Фабрика оказалась не очень интересной. Здесь были очистители, транспортеры, тележки и вагоны, которые привозили необработанные фосфориты и увозили песок и ил. Обогащенные фосфориты продолжали свой путь по длинным транспортерам на причал, у которого стояли суда. Это было единственное место, куда нас не пустили. Всюду страшный грохот и серая пыль. Под транспортерами женщины обычными вениками собирали фосфориты, просыпавшиеся на землю, в большие тазы несли их на голове через весь двор и снова высыпали содержимое на транспортер. Обычная картина: современная техника и довольно примитивная тяжелая человеческая работа. Мы спросили специалиста, сопровождавшего нас, почему производственный процесс не решили иначе. Но уже заранее знали ответ:

— Мы предоставляем женщинам возможность работать. Спросите их, довольны ли они...

Нам не надо было спрашивать. Они работали с удовольствием и хорошим настроением, смеялись и весело друг на друга покрикивали, как будто тяжелая работа была для них игрой.

На фабрике работают 600 человек. Тоголезское правительство объявило, что принимать будут только тоголезцев. Скорее всего это вызвано тем, что получить работу в Того все еще очень трудно. Других причин у этого решения быть не могло. Ведь большинство рабочих и работниц вообще не осознают, какие огромные богатства проходят через их руки, для чего нужна эта мелкая серая пыль, которая так раздражает кожу и от которой задыхаешься.

После осмотра фабрики автобус отвез нас в Порто-Сегуро — место отдыха на берегу оз. Того. В ресторане яхт-клуба для обеих команд был устроен торжественный обед. Приветственное слово произнес мэр столицы, далее выступили руководители китайской группы и представитель министерства Того. Речи были длинными, и питомцы мсье Киндра, отбросив этикет, уже давно принялись за еду, дисциплинированные китайцы ждали команды. У китайского врача, который сидел рядом с нами и на лице которого нельзя было прочесть ни одной мысли, страшно урчало в животе.

После обеда китайские игроки как по команде начали обмениваться адресами с тоголезскими спортсменами: они очень хотели с ними переписываться. Один из тоголезских игроков потом показал нам листок с адресом и покачал головой:

— О чем я буду ему писать?

РОЖДЕСТВО НА АФРИКАНСКОЙ ЗЕМЛЕ

Рождество в тропиках

В конце октября кончился непродолжительный сезон дождей и начался сухой сезон. Властвовал страшный зной. Мы, глядя на календарь, думали о том, что у нас на родине выпал снег, и представляли, как он блестит на солнце, хрустит в морозное утро под ногами. Влажность воздуха понизилась, с севера дул горячий ветер — знаменитый *харматтан*; микроскопические частички сахарского песка образовывали плотную коричневую завесу.

Эта удивительная завеса стояла около недели. Сочные краски, которыми нас ослеплял окружающий мир, неожиданно оказались как бы приглушенными. Мы, европейцы, не очень придавали этому ветру значение, поскольку привыкли к переменам погоды, но, как выяснилось, *харматтан* оказывает сильное действие на психику африканца: наступает состояние депрессии, случаются трагедии, нередки случаи безумия и самоубийств. Во время судопроизводства *харматтан* может оказаться смягчающим обстоятельством.

За короткое время пышная тропическая растительность утратила свою свежесть. Трава пожелтела и по-

бурела, сожженная раскаленным солнцем. Кроны пальм раскрылись, их ветви поникли. Баобабы сбросили листья, на их развесистых ветках остались только продолговатые бурые плоды. Это единственные деревья, которые полностью и сразу освобождаются от листвы. В городе перемена не так бросалась в глаза, потому что газоны, цветы, кусты и деревья поливали, но достаточно было выехать за его пределы, как становилось ясно, на что способно тропическое рождество. У нас в это время природа отдыхает, здесь же кончается вегетационный период и наступает время жатвы и урожая.

И в этой страшной жаре, когда человек едва волочит ноги по раскаленным улицам и ищет спасительную тень, раздается сигнал к рождественским приготовлениям. В витринах торговых домов появляются красочные гирлянды и украшения, на покрытых «инеем» деревцах сверкают электрические свечки, из репродукторов разносятся колядки. С наступлением темноты иллюзия рождества почти достоверная. Несмотря на жару.

Рождество как таковое — это праздник прежде всего европейцев. Поэтому рождественское оживление царит главным образом вокруг торговых домов, где делают покупки европейцы. Но от торговых домов отстают и другие магазины, включая фирму «Батя», которая за пределами Чехословакии произносится «Батá». Фирма не забыла украсить витрины вифлеемским пейзажем и деревенскими колядами²² с ботинками через плечо. Такая реклама для Африки была совсем неподходящей, она была рассчитана скорее на чувствительных европейцев и, конечно, на их карманы. Ведь африканцам достаточно легких, дешевых сандалий, нужна ли им другая обувь?..

В торговых домах можно приобрести все для празднования рождества. На больших рекламных щитах перечень товаров, доставленных из Европы; тех, кто не хочет утруждать себя чтением, с ними ознакомит диктор. Не буду называть всего, что здесь можно купить, но отсутствуют два пустяка: рождественский карп и настоящая рождественская елка. Рыба только морская, елки — искусственные. Они красивые, можно сказать

---

²² Коляда — старинный рождественский обряд, сопровождающийся песнями и обходом соседей. — *Примеч. перев.*

идеальные, оживить же их не может даже спрей с запахом хвои.

Большинство африканцев рождество не празднуют и поэтому относятся к этим приготовлениям безразлично. Только некоторые торговки приблизят свои лотки к торговым домам, рассчитывая найти покупателя. Сюда стягиваются и нищие, надеясь на бóльшую щедрость белых в рождественские дни.

Из тоголезцев рождество отмечают только христиане, те, которые посещали школу миссионеров и лицей и служат в государственных учреждениях. Но и их праздник выглядит иначе. Ему недостает семейной интимности. Африканцы привыкли жить в обществе, поэтому и рождество для них случай, чтобы собралось побольше родственников и знакомых. С рождественским угощением никто не ломает себе голову. Нет и обычая делать подарки. Не отмечается канун рождества, а только первый его день. Для этого нужно совсем немного: тамтамы, маракасы и немного места для танцев.

Ритмичный быстрый танец пробил себе дорогу и в костелы, где также празднуют рождество. Больше всего меня поразило, что ангел в костелах — белокожий. Я расценила это как уступку европейскому христианству и решила, что не следует требовать слишком многого.

Только позднее я узнала, что африканские дети рождаются на свет тоже белыми и лишь через несколько дней их кожа начинает темнеть. Но почему я никогда этого не видела? Почему об этом ничего не знали некоторые наши знакомые, прожившие в Африке несколько лет? Причина проста. Мать живет с новорожденным в уединении и появляется с ним только через шесть недель, а к этому времени ее ребенок обретает красивый шоколадный цвет.

Рождество во всей Африке можно считать кульминацией туристского сезона. Того вместе с Бенином — это своего рода конечный пункт маршрутов туристов, которые едут либо по побережью, либо через Сахару. Но бóльшая часть туристов прибывает сюда самолетами и живет в отелях, стоящих прямо на берегу океана. Это в основном богатые, не первой молодости дамы, одетые по последней западной моде, с вызывающими оттенками волос. Вокруг них постоянно вертится стая молодых людей, взявших на себя роль слуг. Богатых

путешественниц из Америки и Европы уже через несколько дней нельзя узнать. Буквально сварившиеся, они ходят, забыв о своей элегантности, завернувшись в полотенца и купальные простыни. Частые рождественские гости рядом с ними — владельцы и служащие европейских отелей, курортов. Возможно, они приезжают сюда компенсировать потерянный отдых.

Но самая многочисленная группа туристов — это путешественники, которые продолжают считать туризм видом спорта, и Африка для них наполнена романтикой и приключениями. Здесь кончается их длинный путь. Они приезжают в Ломе загорелыми, запыленными, уставшими, но счастливыми, создавая вокруг себя оживление; они полны необычных впечатлений, приподнятости, которые долго их не покидают. Их «лендроверы» или автомашины с более мощными моторами, приспособленные к жаркому климату и труднопроходимым дорогам, — немые свидетели тяжелого пути. Тихо и покорно стоят они перед французским консульством или лучшими отелями, их помятые кузова покрыты толстым слоем латеритовой пыли, под которым невозможно определить их подлинный цвет. Большей частью владельцы бросают автомашины в Того.

Здесь можно встретить современных путешественников, приезжающих в поисках солнца. Они расположились на пляжах со своей скромной экипировкой, ночевали на песке или под москитной сеткой. Кроме студентов среди них были молодые юристы, учителя, врачи. Они странствовали от города к городу, от порта к порту, зарабатывая себе на дальнейшую дорогу случайной работой.

Для местного населения рождественский наплыв туристов желанный источник доходов. Мальчики носят богатым американкам, англичанкам, немкам их сумки и зонтики, моют машины, бегают за корреспонденцией и оказывают различные услуги. На иностранных туристах зарабатывают в основном хауса, которые известны во всей Западной Африке своим искусством торговли.

Хауса специализируются на продаже сувениров. Только им владельцы отелей разрешают устанавливать на пляжах свои ларьки под крышами из пальмовых листьев. Они предлагают амулеты, статуэтки, маски, там-тамы, *галабии*, ювелирные изделия, предметы из слоновой кости. В торговле они действительно очень ловки, но

в отличие от других торговцев вежливы и обходительны.

Хауса очень хорошо знают, что предложить покупателю, как вызвать его интерес к тому или другому изделию. Я подозревала, что некоторые легенды они тут же весьма находчиво сочиняют. Ассортимент очень разнообразный, но среди действительно ценных изделий африканских мастеров-художников встречается масса подделок. Только наивный человек мог полагать, что все выставленное было украшением дворцов африканских властителей. Неопытному туристу продадут здесь за высокую цену «настоящий африканский памятник», привезенный из Франции. Ведь копии древних памятников производят сериями, даже придают им налет седой старины.

Накануне рождества я вдруг получила подарок. Мы пошли посмотреть почту. В Ломе письма не разносят, а кто желает, абонирует ящик со своим ключом. На здании почты их сотни. В зале сидел наш хороший знакомый, он продавал марки. Благодаря своему отцу, министру при президенте Олимпио, он побывал на спартакиаде в Праге, где выучил несколько чешских слов, которые повторял в неизменном порядке: «Dobry den, Vaclavák, ahoj»²³. Он считал нас соотечественниками и с удовольствием вступал с нами в беседу.

— Bonjour, Seki!²⁴ Идите, я вам кое-что покажу! — подозвал он нас.

Он достал серию из десяти марок, изданных тоголезской почтой к рождеству. На одной из них была репродукция «Мадонны» мастера Вышшибродского, а внизу надпись Tchecoslovaquie²⁵. Он аккуратно вложил марку в целлофановый пакетик и торжественно подал его мне:

— Это от меня, мадам, вы ведь делаете на рождество подарки?

Хотя мы и купили всю серию марок с мадоннами, он настоял на том, что чешская мадонна — подарок от него.

Это был самый прекрасный и самый оригинальный подарок, который я когда-либо получала.

---

²³ Добрый день, Вацлавак, привет (чеш.)

²⁴ Здравствуй, чехи! (фр.)

²⁵ Чехословакия (фр.)

Необычное рождество

Немного подумав, мы отказались не только от искусственной елки, но и от морской рыбы, которую ели регулярно в течение целого года. Праздничный ужин без южночешского карпа невозможен. Решили, что в этот день все же должно быть что-то особенное, напоминающее нам дом. Знаете, что мы придумали? Картофельный суп и картофельные оладьи. С тех пор как уехали из Праги, мы не ели картошки, и это предложение было единодушно поддержано. Картофель, чеснок, коренья — родные запахи!

Картофель я купила накануне, чеснок у нас был, грибы я привезла из Праги, не хватало только кореньев. Почти уверенная в том, что я их куплю, пошла в торговый дом, но вернулась ни с чем. Кореньев не было. Это испортило настроение, но мы злорадствовали, что обнаружили изъян в изысканных магазинах, переполненных товарами. Директор французского торгового дома предложил заказать их в Париже, но для этого надо было отправлять специальный самолет, чтобы получить их к вечеру. В конце концов мы купили их в немецком магазине «Марокс». Таких дорогих кореньев я еще не покупала.

Около шести часов, до наступления темноты, мы начали готовить настоящие чешские блюда. Наш дом был наполнен запахами чеснока и кореньев. Когда наши соотечественники усаживались за стол с рождественским карпом и картофельным салатом, мы лакомились картофельными оладьями и картофельным супом. Сегодня для нас это была пища богов!

Чтобы присутствие родины было более достоверным, мы хотели поставить записи колядок в исполнении Карела Готта. Я их специально привезла. Но оставила магнитофон в комнате без кондиционера, он отсырел и теперь, когда понадобился, не работал. Мы остались без колядок, но с симфонией Дворжака «Из нового света», которая звучала у немецкого инженера над нами. Он и не догадывался, какую доставил нам радость.

Но этим наша рождественская программа не завершилась. Мы были приглашены к Давиду, одному из инспекторов по спорту, который недавно вернулся из Праги, — там он учился. Он ждал нас к одиннадцати часам — это было необычное время для визитов, но нас

оно устраивало, поскольку хотелось пройтись по городу.

Был жаркий вечер. В нашем европейском квартале сияли настежь открытые окна, семьи сидели за столами, всюду горели красочные пирамиды елок, временами разносились песни на разных языках. Перед некоторыми домами были освещены цветочные клумбы, что придавало вечеру необычайность. Главные улицы были непривычно тихими. Но как только мы свернули в улочки африканского квартала Зонго за здание почты, все стало как всегда. Здесь еще работали при свете фонариков ремесленники, продавщицы сидели у своих лотков, доносился звук тамтамов, со стороны лагуны слышалось, как квакают лягушки, а в кронах деревьев тут и там подавали голос птицы.

У баров, небольших кафе, освещенных красными, зелеными, желтыми и белыми лампочками — это цвета тоголезского национального флага, — танцевали. На нас смотрели с любопытством, потому что белые здесь, да так поздно, — непривычные прохожие. За нами быстро образовалась вереница любопытных детей. Их развлекало, как высокие каблуки моих туфель погружались в песок. Где-то вблизи раздался пронзительный звонок, и улица пришла в движение. Женщины, покрикивая друг на друга, выбегали из хижин с ведрами и исчезали в темноте. Мы почувствовали резкий запах и поняли, в чем дело. Подъехала машина с несколькими бочками. Мы поспешили свернуть в сторону, но оказалось, что весь квартал пронизан невыносимым зловонием.

Мы вышли к стадиону, мачты которого светились голубоватым светом. Стадион шумел и свистел. Там проходил футбольный матч. Вокруг стадиона сидели женщины со спящими за спинами детьми, а на жаровнях готовилась еда для проголодавшихся болельщиков.

Давид жил в сдаваемом в аренду домике с садом, единственными растениями которого, кроме редкой травы, были две пальмы. На песчаном дворе уже началось торжество. Двадцать молодых людей были так поглощены танцем, что не обратили внимания на наш приход. Похоже, они прекрасно обходились без девушек. Неожиданно один из них заметил нас и пригласил в дом. Он просил подождать, сказав, что Давид на футболе...

В доме нас встретили два семилетних мальчика с клетчатыми посудными полотенцами, заправленными в трусы. Они держали себя как настоящие бои, стояли

навытяжку, вежливо поздоровались и ждали, когда мы к ним обратимся. Потом отодвинули стулья от стола и стали поодаль, готовые к исполнению распоряжений. Стол был накрыт белой скатертью, в центре его сидела кукла в прекрасном словацком костюме. Этот знак внимания, безусловно, относился к нам. На стене висела карта Европы с кружками городов. Давид за время своей учебы в Праге объездил нашу страну с севера на юг и с востока на запад. Примерно через полчаса пришел хозяин. Он был в джинсах, увидев, что мы празднично одеты, извинился и исчез. Через несколько минут он появился снова, и, к нашему удивлению, в смокинге, белоснежной рубашке с жабо. Как бы между прочим заметил:

— Это мне шили у Адама.

В этом смокинге он сфотографировался еще в Праге и по возвращении в Ломе поместил свой портрет в местной газете с объявлением: «Господин Давид Райнхард возвратился из Европы, успешно завершив высшее образование, и предлагает свои услуги Тоголезской Республике». Он вступил в партию президента Эйадемы. Фамилию, весьма нетипичную для Африки, Давид унаследовал от деда, а тот — от немецкого врача, который помог получить ему образование в Германии. Давид изучал «психологию и социологию спорта», для Того область отнюдь не первой необходимости, а учитывая современное положение в тоголезском спорте, ее можно было расценить как излишество. Молодой человек не утруждал себя науками, используя щедрую стипендию по своему усмотрению, и когда он через несколько лет вернулся на родину, никто не обратил внимания на то, что вместо диплома он привез лишь бумагу, подтверждавшую, что «мсье Д. Р. за время своего обучения в Карловом университете интересовался психологией и социологией спорта». Было вполне достаточно бланка, печати и подписи. «Навряд ли в Того кто-нибудь знает, какие правила в европейских университетах», — думал он.

По-чешски он говорил довольно прилично, только с произношением был не в ладах. А поскольку в Праге Давид вращался в основном в кругу студентов, а в специальную литературу не очень вникал, то не понимал, что разговорный язык и литературный не одно и то же. Поэтому случалось, что временами у него слетали с языка такие слова, которые в приличном обществе

не употребляют. С нами он здоровался только так: «Привет!». Мы часто с ним общались, потому что вскоре после своего возвращения в Того он был назначен инспектором по развитию физкультуры и спорта. У него были большие планы, но организаторского опыта никакого. Самое большое мероприятие, которое он провел и которое должно было заложить основы массового спорта, стал «Бег через Ломе». В нем участвовала молодежь всех возрастов.

— Вы предложили гостям пиво? — спросил он мальчиков.

— У нас нет денег, — сказал один из них.

Давид вынул из кармана двести франков.

— Вот, мигом! — приказал он.

Через несколько минут мальчики вернулись. Они принесли две бутылки, но пиво оказалось теплым.

Давид снова достал бумажник, хлопнул в ладоши и отправил мальчиков за льдом.

Тотчас после этого появилась девушка, на вид лет шестнадцати, которую Давид представил нам как свою сестру. Она поставила на стол котелок с каким-то соусом.

— Сбегай в ресторан, попроси тарелки и приборы, — сказал он ей.

Соус был из жгучего перца, и в нем плавали мелкие рыбки. Рядом в миске стоял молотый маниок, которым соус посыпался. Мы начали есть со смиренной самоотверженностью. Тут Давид как будто сообразил, что по европейским обычаям нам еще нужны салфетки, он повернулся к мальчикам и, не говоря ни слова, сдернул с них импровизированные фартуки.

— Простите, — сказал он нам.

Мальчики неожиданно остались в одних трусах и майках, лишенные достоинства боев.

Мы поели чисто символически, пытаюсь приглушить острый соус теплым пивом. Как только мы кончили, Давид позвал остальных гостей, танцевавших на дворе. Они приходили, ели с таких же тарелок, как и мы, только без приборов, т. е. просто руками, быстро, с непостижимой ловкостью, и уходили.

Когда «банкет» закончился, мы вышли во дворик и стали смотреть на танцующих. Давид куда-то исчез и появился с магнитофоном. Он кивнул ударникам, чтобы те замолчали, и сразу же невероятно громко зазвучала настоящая чешская духовая музыка. Прежде чем

Все пришли в себя, Давид пригласил меня на танец. Остальные присоединились и пытались в ритме польки танцевать свой африканский танец. За забором собралась толпа любопытных. В темноте блестели только глаза и зубы. И поскольку мой муж категорически отказался участвовать в этой пляске, то по указанию Давида меня стали приглашать его друзья и родственники. Здесь обычно партнеры танцуют на расстоянии, поэтому в результате получалась танцевальная импровизация. Я была рада, что музыка наконец кончилась и я могла высыпать песок из туфель.

Давид был нескрываемо доволен.

— Что вы на это скажете? У меня четыре пленки и только духовая музыка! — произнес он с гордостью.

Его друзья, к счастью, предпочитали тамтамы и ма-ракасы.

ВСТРЕЧИ В СОКОДЕ

Город Аллаха

Сокоде с более чем 30 тыс. жителей считается вторым по значению городом Того. Он находится в Центральной области страны и красиво расположен на склонах горы Коронга в отрогах Атакоры, достигающих высоты 700 м. Здесь живут преимущественно котоколи и кабре, переселившиеся сюда в XVIII в. из Буркина Фасо. Это обстоятельство наложило на Сокоде особый отпечаток: с северными народами сюда проник ислам.

Котоколи, составляющие две трети населения города, первоначально занимались скотоводством, но еще задолго до прихода в Того стали мастерами по плетению циновок, кроме того, они славились обработкой кожи, изготовлением оружия, а особенно галабий, и пивоварением. Котоколи также занимались торговлей, благодаря которой получили не очень лестное прозвище «кото-колим», т. е. «дал и взял». Их наградили им в далеком прошлом, когда котоколи якобы нападали на торговцев и отбирали товар, который им же потом и продавали. Среди тоголезских народов они и сегодня считаются искусными мастерами. Котоколи занимаются

и перевозкой товаров, их повсюду можно встретить за баранкой автомобиля.

Приближаясь к городу, мы увидели, как вдоль шоссе шли красочные толпы женщин с длинными пятиметровыми и даже семиметровыми шестами на голове. Был апрель, время уборки манго. Гигантские деревья манго—самые распространенные в Сокоде и его окрестностях. Они образуют целые аллеи вдоль шоссе и дорог, высаживаются в городе, поскольку огромная крона манго отбрасывает приятную спасительную тень. Зеленоватые и медово-желтые плоды, похожие на огромные, несколько сплюснутые сливы, имеют сочную мякоть с большим содержанием сахара. Мы видели, как женщины с помощью длинных шестов сбивают их с деревьев и варяг в больших котлах на улицах и дворах; казалось, весь город пропитан ароматом сладкого мангового мармелада.

В Сокоде проходили соревнования школ Центрального и Северного Того по игровым видам спорта. Тренер Киндр ехал сюда в поисках талантов для сборной команды, а заодно помочь в проведении соревнований.

Нас поместили на территории казармы, которую называют «Camp militaire»²⁶. Казармы есть в каждом большом городе, потому что солдаты выполняют и функции полиции. Домик, в котором мы жили, по-видимому, был предназначен для членов правительства и военачальников, приезжавших сюда с проверкой. В нем было две комнаты, обставленные самой необходимой мебелью: столы, стулья, кровати с прогнувшимися металлическими сетками. Между комнатами небольшая душевая и туалет. Водопровод не работал—то ли по техническим причинам, то ли из-за недостатка воды, поэтому нам выделили трех солдат, которые постоянно пополняли ее запасы. А поскольку потребность в воде в эту апрельскую жару была большой не только в нашем доме, но и в домах офицеров, то по двору непрерывно бегали солдаты с ведрами. Трудно сказать, было для них это наказанием или наградой. Другие солдаты в это время занимались строевой подготовкой на пыльном дворе или отправлялись на учения. Они уходили колоннами с деревянными макетами ружей, возвращались, уже не соблюдая никакого строя, грязные, запыленные; учебные ружья традиционно несли на голове, разорванные майки были набиты плодами манго.

²⁶ «Военный лагерь» (фр.)

В домике не было кондиционера, так что и нам, гражданским, доставалось. Не забуду первую ночь. Температура выше 30° С, о сне не могло быть и речи. Мы бегали под душ, но вода не освежала. К тому же совершили роковую ошибку: открыли окно, наивно полагая, что в комнате станет прохладнее. В ту же минуту на нас набросились тучи комаров. Мы бесстрашно с ними сражались, заворачивались в простыни — здесь почему-то не было москитных сеток; снова бросались под душ и смотрели на стрелки часов, которые никогда не двигались так медленно. Наконец пришло томительно ожидаемое нами утро. При дневном свете мы смогли рассмотреть себя, на что мы стали похожи: распухшие, все покрытые красными пузырями. На улице мы увидели, как из прекрасного современного отеля выходили отдохнувшие и шумные туристы. Мы лишь с завистью проводили их взглядом. Нас же охватывал ужас перед предстоящими страданиями. Но изменить мы ничего не могли: учителя и молодежь жили в интернате лицея, мы — почетные гости — в казарме. Не знаю, кому было лучше.

Питались мы вместе с руководителями команд в обычном ресторане, сидя за одним столом, точнее, за несколькими сдвинутыми столами на приставленных к ним длинных, шатких лавках. Хозяин ресторана приносил большие миски, и надо было вовремя занять свое место, в противном случае опоздавший мог застать их уже пустыми. Каждый, не стесняясь, брал лучший кусок, не считаясь с присутствием других. Пользовались только ложками и вилками. Мы попросили ножи, но только положили их на скатерть рядом с тарелками, как они тут же исчезли. Сосед молча взял нож и пустил по кругу. Кости и остатки еды просто бросали на пол или клали на бумажную салфетку, и по окончании обеда все вокруг напоминало конец веселой попойки. Когда посуду убрали, маленький мальчик влез на стол и небольшим венчиком смел с него на пол, потом свернул скатерть, подмел пол, и все снова было в порядке.

Площадка, где проходили встречи по волейболу, находилась на холме, прямо над площадью. Мячи скатывались по склону вниз, поэтому устроители матчей ставили здесь кордон из пятидесяти подростков, которые ловили мячи или бегали за ними. Это очень затягивало игру, но когда предложили натянуть вокруг площадки сетку или перенести ее на более удобное место, они

только отмахнулись, сказав, что у них достаточно мальчигов, которые могут бегать за мячами. Причем делают они это с удовольствием. Возможно, они были и правы, потому что «носильщики» выполняли свои обязанности с таким азартом, что каждый мяч отвоевывался в борьбе, дело доходило чуть ли не до драки.

Уровень игры, конечно, был низким, волейбол здесь только начинался, и мы не переставали поражаться воодушевлению и самоотверженности игроков и организаторов матчей, восторженным зрителям, окружавшим площадку. Счастливые улыбки на лицах игроков были лучшим подтверждением того, какую радость им доставляет игра. В состязаниях приняла участие и команда девушек. Она пользовалась таким же успехом у молодых болельщиков, как и команда юношей. Именно здесь, в мусульманской части Центрального и Северного Того, это было примечательно.

В числе руководителей команд было несколько учительниц. Все относились к играм очень серьезно и стремились, чтобы их команда оказалась победительницей. И все-таки у меня складывалось впечатление, что интерес к волейболу не ограничивается только местным патриотизмом. Было просто трогательно наблюдать, какую заботу проявляли учителя о своих воспитанниках, как делали им массаж, обмахивали полотенцем, подбадривали. Одновременно эти встречи были для них возможностью общения, приобретения опыта. Тренеры тоголезской сборной засыпали вопросами о технических приемах. Каждый перерыв превращался в импровизированный инструктаж. Они хотели знать, какие ошибки допустили их ученики, как должна проходить тренировка и т. д.

Однажды вечером учитель из Дапаона, города на севере, привел подвижного ловкого парня и попросил мужа научить его наносить атакующий удар. На следующий день об этом узнали другие, и пришлось устроить инструктаж о том, как принимать нижние и верхние мячи. В Сокоде на мотоциклах и велосипедах приезжали и учителя, команды которых не попали в число участников матча, но желали быть причастными к этому событию. И так из вечера в вечер проходили незапланированные лекции и беседы для руководителей команд и судей. Это было утомительно, но человек забывает о любой усталости, когда встречается с неподдельным интересом, когда он знает, что его усилия

полны смысла и значения. А в этом мы не сомневались ни минуты.

Пока наверху, на холме, шли яростные сражения, внизу город жил своей повседневной жизнью, своими ежедневными заботами.

В центре города раскинулся красивый крытый базар, слева легкое белое здание мечети со стройным минаретом. Здесь было интенсивное движение. Мы ходили по узким улочкам вдоль стен домов без окон, как и положено в мусульманских домах, где окна выходят только во двор. Мы не видели, чтобы кто-нибудь бездельничал. Женщины стирали белье и сушили его на песке, готовили еду, купали или причесывали детей, носили воду, подметали, покрикивали друг на друга и смеялись. Мужчины сидели на скамеечках или циновках и плели сумки, шляпы, шили, точили ножи, давили масло, лепили, делали мебель. Все на улице: или под навесом из куска парусины, или на беспощадном солнце.

Ислам в Черной Африке не такой ортодоксальный, как в арабских странах. Я могла сравнить с Алжиром и Тунисом. В Того его ортодоксальность как бы отступила перед естественным образом мышления и активностью африканского населения. У женщин лицо закрыто лишь прозрачной шалью, обернутой вокруг головы и подбородка. Мужчины носят яркие вышитые круглые шапочки, а те, кто совершил паломничество в Мекку, белый тюрбан вокруг них и поверх брюк белую тунику. Мы видели мужчин в длинных белых одеждах, напоминающих ночные рубашки.

В улочках много небольших домашних мечетей, которые можно узнать по множеству ушатов, жестяных банок и сандалий, оставленных перед входом. Верующие, прежде чем войти в молельню, совершали омовение. Внутри такие мечети выглядят очень просто: голые стены, глиняный пол с циновками, на месте алтаря — ниша, указывающая направление к святому городу. Не знаю, кого одаривает Аллах большей милостью — эти простые мечети или красивую мечеть на площади, куда ходят молиться богатые.

Впрочем, Аллах не настаивает на том, чтобы правоверные, совершая молитву, каждый раз посещали мечети. Он не хочет отрывать их от дела и уважительно относится к их времени. Итак, пока одни спешат в мечеть, другие расстилают коврики из кожи или циновки

там, где их застало время молитвы — на улице или на базаре, и оборотясь лицом к Мекке, восхваляют Аллаха и просят его о милости.

Коран и сувениры

В улочке, прилегающей к шумной площади, мы слышали детские голоса, как будто читавшие стихи. Дети выходили из домика, сложенного из необожженного кирпича, в стене которого небрежно было прорублено единственное окно. Мы остановились невдалеке.

В дом вошла женщина с миской яиц. Когда она возвращалась, уже с пустыми руками, я попросила ее позвать нам учителя. Мы решили, что это школа. Через минуту детские голоса смолкли, из дома вышел пожилой человек в белой блузе, темных брюках и красной феске. Мы спросили его, нельзя ли посмотреть школу. Он немного подумал и потом сказал:

— Это кораническая школа.

— Мы хотели бы сделать несколько фотографий.

Он снова задумался, а затем испытующе посмотрел на нас.

— Мне жаль, но это невозможно, — сказал он, извиняясь. — Это помешало бы занятиям.

— Все же нельзя ли как-нибудь устроить?

Обошлось это в сто франков. Он пригласил нас на следующий день.

Мы пришли заранее, до того, как начали сходитья дети. Они усаживались на циновках и шкурах, которые приносили с собой, молча брали таблички с арабскими текстами, сложенные у входа. Один из мальчиков привел с собой двух коз, которых он поставил в угол, будто они знали, как следует себя вести. Учитель взял длинный прут на случай, если кто-нибудь окажется невнимательным или заснет во время урока.

Метод обучения прост. Учитель читает по деревянным табличкам слова и предложения много раз, а дети повторяют их за учителем до тех пор, пока произнесенное слово или предложение не зафиксируется в их памяти и не соединится с буквенным начертанием. Они читают то, что раньше выучили наизусть. Так дети выучивают целые суры из Корана. В этом и есть главная задача школы. Писать не учат, детям это не понадобится.

Не стоит говорить, насколько подобная зубрежка утомительна для учеников и учителей. У школы нет иных пособий, кроме табличек, здесь полумрак, сюда проникает шум с ближайшего базара. Вместо нервов у учителя должны быть канаты.

Когда урок кончился и дети разлетелись как птицы из клетки, учитель с удовольствием начал с нами беседу. Он объяснил, что дети посещают кораническую школу в свободное время, т. е. после обучения в основной школе, изучение Корана длится от пяти до десяти лет. По окончании обучения ученики сдают экзамены. Учителя выбирает религиозная община, но платят родители учеников, натурой. Наш собеседник до недавнего времени был портным.

Мы вышли на улицу, и понадобилось время, чтобы наши глаза привыкли к яркому свету. В конце площади нас обогнал мужчина в белой одежде на мотоцикле. Он подождал, пока мы подойдем, и сказал деловито:

— Вас не интересуют сувениры?

— Почему же нет,— ответили мы,— но надо их посмотреть.

Мужчина завел мотоцикл, и в первый момент мы подумали, что он потерял к нам интерес. Но он показал в конец улицы, выходящей на площадь, и сказал:

— Буду вас ждать у того мангового дерева.

Прежде чем мы успели ответить, он прибавил газ и исчез как призрак в облаке пыли.

Мы медленно шли по улице, перескакивая через канавки зеленоватой воды, вытекавшей из домов (в Сокоде тоже нет канализации), и дружеской улыбкой отвечали на добродушные замечания женщин, наблюдавших за нами. Опять нас сопровождала ватага детей, которые с интересом наблюдали за каждым нашим движением, но сохраняли почтительную дистанцию. Мы уже издали увидели, как в конце улицы суетились фигуры в белых рубахах. Когда мы подошли, мужчины в белом сидели у своих циновок. Этот маленький базар был устроен специально для нас.

Здесь были выложены различные изделия из дерева, кости, кожи, тростника и металла. Маски, фигурки, дудки и галабии, ковры ручной работы и ткани, трубки, сумки и кошельки из змеиной кожи, шляпы, сплетенные из травы, вышитые шапочки, керамические миски, косяные гребни и всевозможные украшения. Некоторые изделия свидетельствовали об их арабском происхож-

дени, другие скорее всего были привезены из Мали, Нигера или Буркина Фасо. Я немного опасалась, что сейчас начнутся обычные сцены — нам будут навязывать свои товары и пойдет утомительная торговля. Но ничего этого не произошло. Торговцы, а это были, конечно, хауса, держали себя с достоинством и подавали нам один предмет за другим и снова клали их на место, если они не вызывали нашего интереса.

Мы выбрали пастушескую трубку, украшенную змеиной кожей. Долго рассматривали кожаную шахматную доску с красивыми фигурками, вырезанными из кости.

— Вы только посмотрите, — терпеливо говорил торговец, подавая отдельные фигурки, будто лаская их. Остальные кивали в знак согласия и время от времени вставляли слово похвалы.

— Мне надо посоветоваться с мужем, — сказала я наконец. Шахматы были довольно дорогие, и у нас не было необходимой суммы.

— Конечно, — улыбнулся мужчина, — я знаю, как это принято в Европе. У нас деньги у женщин, у вас они у мужчин.

Он немного подумал, потом завернул шахматы в кусок бумаги и вложил пакет в мои руки. Я могу показать шахматы мужу, они определенно ему понравятся. Если я их не возьму, ничего страшного. И добавил (слова эти остались у меня в памяти):

— До того, как вы примете решение, можете любоваться ими.

Договорились, что вечером он придет в ресторан, где мы ужинали.

Не знаю, были ли они разочарованы. Возможно, они ждали от нас большего, а для себя, значит, успешной торговли. Они простились с нами так, как будто были вполне довольны. И сразу же начали укладывать товар.

Родина есть родина

Вечером мы сидели на террасе ресторана под красными акациями. Перед входом остановился роскошный «Пежо», и из него вышел стройный мужчина в пестрой одежде. Наше внимание привлек большой значок партии ОНН и портрет генерала Эйадемы на груди.

Едва он сел за соседний столик, как прибежал хозя-

ни и с вежливым поклоном поставил перед ним бутылку пива.

Мы перестали им интересоваться и продолжали рассматривать шахматы. Мужу они тоже понравились, но цена казалась завышенной.

И тут вдруг человек из-за соседнего стола на отличном чешском языке спросил:

— Простите, а сколько за них просят?

Можете себе представить наше удивление.

— Приношу свои извинения, что вмешиваюсь в ваш разговор. Я так давно не слышал чешской речи,— сказал мужчина с портретом Эйадемы.

Мы поинтересовались, где он так хорошо научился говорить по-чешски.

— В Брно,— сказал он,— я учился там, а здесь работаю ветеринаром. Разрешите мне к вам подсесть?

Он заказал пиво и попросил унести недопитые бутылки нашей кока-колы.

— Чтобы вы чувствовали себя как дома,— заметил он.— Это не пльзеньское, но пить можно.

— Вы говорите прекрасно,— сказала я ему.

— Правда? А знаете, за эти семь лет, что я вернулся в Того, я слышал чешский только от Вальдемара Матушки. Помните, «По старой замковой лестнице, по лестнице каменной»...— запел он.— Я привез много пластинок.

— А почему бы вам как-нибудь не приехать в Брно? — спросила его наша дочь.

Он принял это как шутку и искренне засмеялся. Потом вдруг стал серьезным и сказал:

— Это не так просто. Вообще все не так просто. А ведь мне необходимо съездить туда хотя бы на два дня. У меня там сын. Я там женился. Моя жена учительница. Но в Того ехать со мной не захотела, и мы развелись. Я не сержусь на нее, знаю, что все это сложно. Родина есть родина! Я бы не мог постоянно жить у вас, она не могла бы жить здесь.

— А как ваш сын? — спросила я.

— Мы договорились, что, когда ему исполнится восемнадцать, я приглашу его в Того,— пусть сам решит, где ему жить. Здесь ему было бы неплохо. Я бы позаботился о нем. Если бы он захотел получить высшее образование, я послал бы его в Париж.

Между тем начали сходить гости нашего нового знакомого. Среди них — офицеры, директор лицея, ин-

спектор, какие-то важные чиновники, не знаю кто еще, потому что мы в этом смешении лиц, постоянно знакомясь, не успевали запоминать званий и имен. Видимо, это была местная элита, потому что, как мы позднее узнали, ветеринар был секретарем ОТН в Сокоде, человеком уважаемым и с перспективой. Сдвинули несколько столов, а хозяин то и дело бегал за пивом. Главной фигурой в этом обществе был ветеринар, в некоторой степени соотечественник. Наше присутствие, конечно, определило направление и тему беседы. Началось, насколько мне не изменяет память, с пива.

— Наше пиво,—объяснил ветеринар и секретарь ОТН,—готовится по немецкому рецепту, но оно несколько хуже оригинала, их пиво,—он показал на нас,—лучше немецкого.

— О! —раздалось из всех уст.

Ветеринар подошел к карте мира на стене, минуту водил пальцем по Европе, прежде чем его указательный палец остановился на нашей небольшой розовой полоске, и воскликнул:

— Видите? Это здесь! Рядом с Германией!

И снова раздалось всеобщее «О!» —проявление уважения, одобрения и удивления, как будто это наша заслуга, что Чехословакия граничит с Германией. Присутствовавшие, конечно, не представляли, сколько страданий принесло это соседство нашим народам в давние и совсем недавние времена.

— Это очень красивая страна,—продолжал он,—говорят даже, что это одна из самых красивых стран Европы, и в этом есть доля истины. А памятников... сколько их!

Он пытался описать Прагу, но чувствовал, что говорит не то, и наконец произнес:

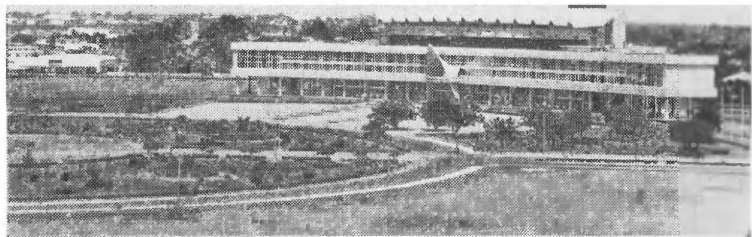
— Мосты через Влтаву — это как мосты через Сену, а собор св. Вита — это нечто вроде Нотр-Дам, тоже готика.

И снова раздалось многозначительное «О!»

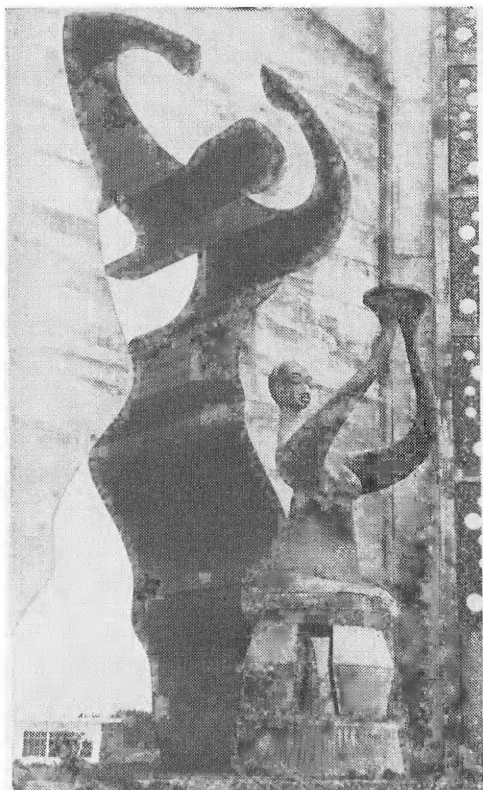
Когда хозяин принес в стакане лед, это еще более вдохновило оратора. Он схватил двумя пальцами кусочек льда и сказал:

— Вы видите этот небольшой кусочек льда? А теперь представьте себе огромное количество таких кусочков вокруг себя, такое количество, что из них образуется сплошная ледяная поверхность, целое поле!

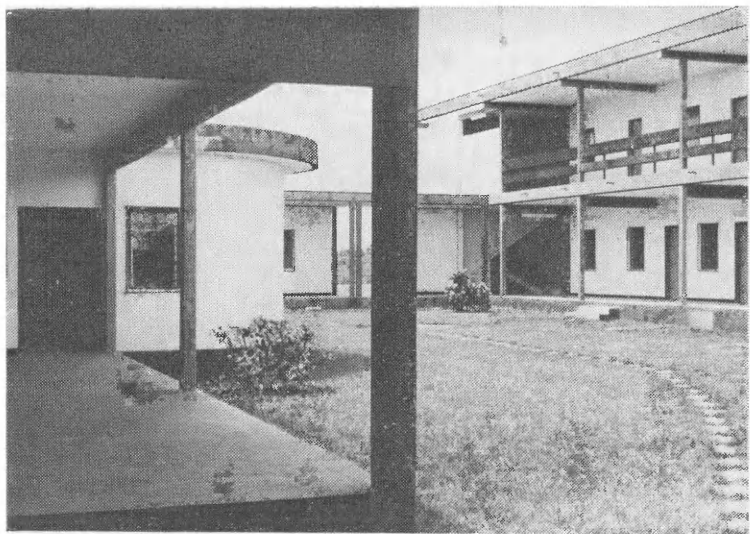
— О!

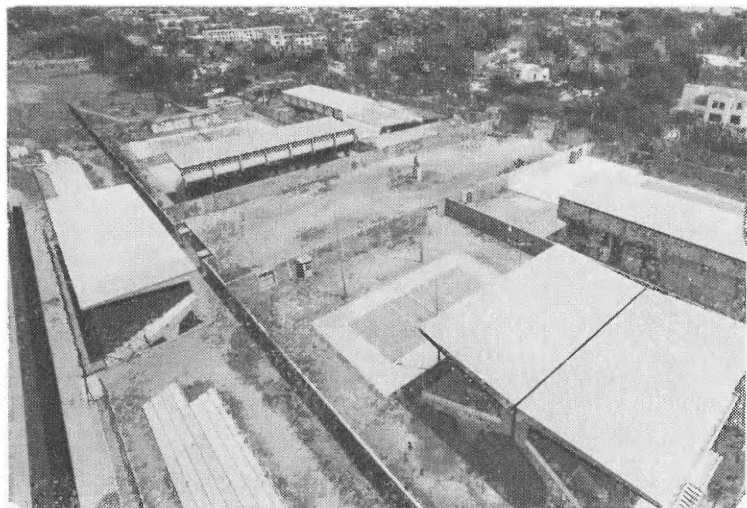
Дворец партии ОТН

Памятник независимости

Общежитие студентов университета

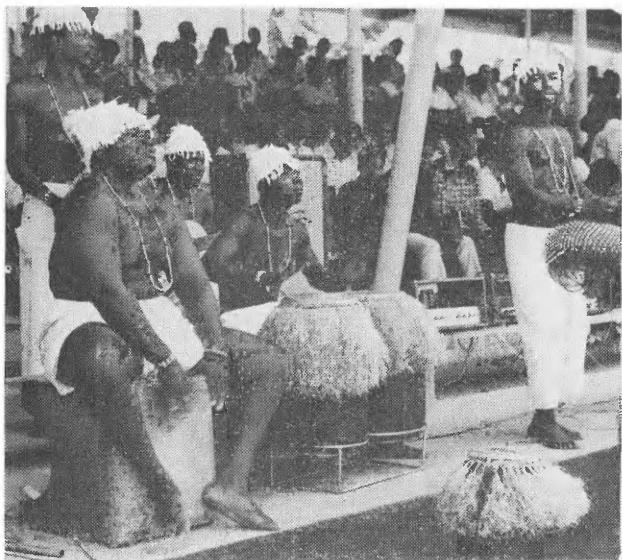
Спортивный комплекс в Ломе, где проводились тренировки сборной команды по волейболу

Соревнование по волейболу в одном из городов страны
(судья— преподавательница лица)

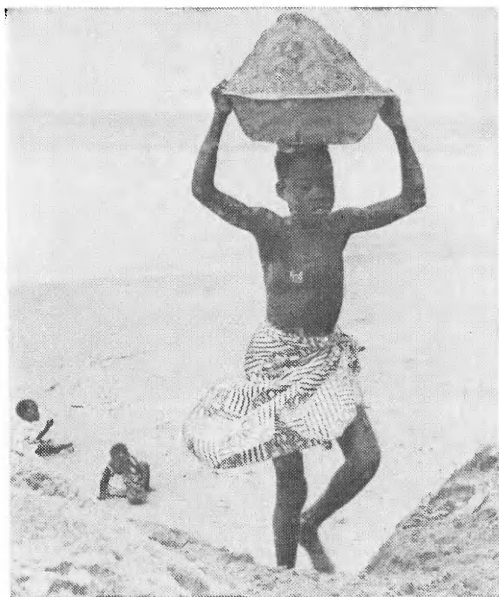
Урок в коранической школе

Гром тамтамов — неизменное шумовое сопровождение всех соревнований

Вытащить сеть не так просто

Так строили университет в Ломе

Базар в Сокоде

Африканский «автобус», доставляющий тоголезских женщин на базар из разных уголков страны

Женщины везде остаются женщинами

Африканцы шьют сандалии перед главной мечетью
в Сокоде

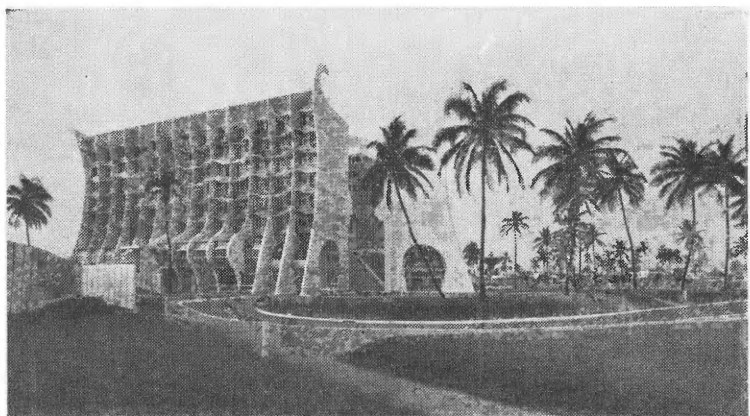

Вожди на пути в Сара-Каву

Торговки сахарным тростником

«Отель де ля пэ»

— Но это еще не все, слушайте дальше! Они,— он показал на нас,— прикрепляют к ботинкам железки, похожие на ножи, и ездят по этому льду. А потом изогнутыми палками гоняют по льду диск из твердой резины. Знаете, как называется эта игра?

— Нет! Не знаем! Скажи! — раздалось за столом.

— Это хоккей! На поле двое ворот, как в футболе, и чехи в этом спорте мастера. Это замечательная, напряженная игра; когда я жил в Брно, то не пропускал ни одного матча. Могу вам назвать по именам всю команду «Кометы».

Гости за столом с восхищением кивали головами.

В эту минуту на лестнице террасы появился мужчина в белой одежде. Когда он увидел наше общество, то от неожиданности остановился, а затем неуверенно, как будто на цыпочках, приблизился к нашему столу. Ветеринар увидел его, взял со стола сверток с шахматами и протянул ему через плечо.

— Ничего особенного, для наших друзей это не подходит.

Торговец смиренно поклонился, на мгновение его взгляд встретился с моим, и он ушел прежде, чем я успела что-то сказать. Мне было неловко, и эта сцена, которую остальные присутствовавшие вообще не удостоили вниманием, испортила настроение на весь остаток вечера. Неожиданно мне показалось, что ветеринар не так уж остроумен, как это выглядело сначала. Он предстал совершенно в ином свете. А он, как будто желая подтвердить это, начал вдруг говорить глупости. Заявил о наших женщинах, что они только и делают, что борются за свое освобождение, потому что вынуждены ходить на работу, заниматься домом, делать покупки, варить, заботиться о детях и муже.

— Вы не увидите женщин на улице без хозяйственных сумок,— сказал он и самоуверенно добавил:— Поэтому мы у них пользовались таким успехом. Они знали, что здесь им не надо будет ходить на работу и дома у них будет прислуга. Разве это не так?

Я даже растерялась и не нашла, что ответить. Мы были в стране, где почти 90% женщин живут сегодня в довольно трудных условиях. Мы видели женщин с тяжелыми тазами на голове и маленькими детьми на спине, женщин, просиживающих многие часы на рынках и преодолевающих многие километры ради малого заработка, женщин, которые работают на крохотных

полях и стройках, мы видели их, преждевременно состарившихся от тяжелого труда и частых родов. Как мог все это говорить образованный человек? Это было мнение элиты, которая ничего не видела, кроме себя. Но ведь как ветеринар он часто ездил в селения и должен был хорошо знать жизнь простых людей. Он рассказывал о своих поездках, связанных с противотуберкулезными прививками животным, которых, по его мнению, следовало ликвидировать, но разве он мог предложить это бедным сельским жителям? Он сочувствовал им. Но разве мог так рассуждать специалист? Неужели он не видел больших социальных различий, к преодолению которых сегодня стремится вся Западная Африка? Возможно, он предпочитал этого не видеть.

Поздно вечером все общество провожало нас к казармам. Когда ветеринар с нами прощался, он неожиданно сказал:

— Могу вас попросить об одной любезности? Я хотел бы послать своему сыну подарок. Был бы рад, если бы вы лично ему передали. От Праги до Брно не так далеко. Я был бы вам очень обязан... Я знаю, родина есть родина, но все-таки хотел бы, чтобы мой сын знал, что я помню о нем. И скажите ему, что я рассчитываю на его приезд. Дорогу я оплачу.

Мы пообещали, что выполним его просьбу. Утром он должен был прийти в казармы. Мы ждали его всю первую половину дня, но он так и не пришел и ничего не передал. Мы никогда с ним больше не встречались. Так брненский мальчик остался без подарка от своего африканского отца.

СЫН — ШОФЕР, ОТЕЦ — ВОЖДЬ

Дорога на север

Это была наша первая поездка на север, на территорию кабре. В городе Лама-Кара проводилась подготовка тренеров и судей, и министерство придавало этому мероприятию большое значение. Речь шла о пропаганде спорта в северных районах, которые все еще во многом отстают от побережья, а потом, хорошо было известно: ко всему, что касается севера, проявляет особый интерес сам генерал Эйдама.

Для нас поездка в Лама-Кару была интересным путешествием: о нашем приезде был уведомлен вождь кабре Батаско. Один из его многочисленных сыновей работал в гаражах Эйадемы, и нам выделили его в качестве шофера. Это было гарантией успеха нашей поездки. Батаско-младший, во всяком случае, нас в этом уверил.

Случилось так, что главной фигурой в этой поездке с самого начала стал наш шофер. Лама-Кара была его родиной, все знали, что кроме двух жен в Ломе у него в Лама-Каре есть еще три и какое-то количество детей. Поэтому руководители министерства особо наказали ему не забыть из-за жен своих служебных обязанностей. Шофер обещал, что у мсье Киндра не будет ни малейших оснований для недовольства. Но когда он подъехал к нашему дому в четыре часа утра, у мсье Киндра вытянулось лицо: он увидел, что весь багажник «Рено» забит вещами шофера.

— Я везу подарки женам и родственникам,— объяснил он с обезоруживающей непосредственностью.

— А как же наши вещи?

— Не беспокойтесь, мсье, места много.

И мы с сомнением наблюдали, как на крыше машины вырастает бесформенная груда из нашего багажа, мячей, пакетов и свертков учебного материала.

— Ну, вот,— воскликнул наконец шофер.— Можем отправляться.

Однако это было еще не все. Нам предстояло остановиться и взять двух наших спутников. Одним из них был Удаху, представитель федерации волейбола, маленький, полный человек почтенной внешности, по профессии мастер в Доме ремесел в Ломе, второй — Агаджи, преподаватель физкультуры в лицее; позднее он стал тренером тоголезской сборной. С ними пришла проститься большая толпа родственников и знакомых, конечно, с тамтамами и маракасами. Много времени заняла погрузка нового багажа. Все хотели как-то помочь и посоветовать, поэтому крик стоял как на базаре.

А мы продолжали сидеть в машине, и мне казалось, что муж тихо стонет, потому что со времени приезда за нами шофера прошло добрых три часа.

В конце концов мы двинулись в путь, и в машине все успокоилось. Наши попутчики, несмотря на свои должности и общественное положение, занялись утренним туалетом, т. е. с усердием принялись жевать ще-

почки дерева *чванне*, которое здесь заменяет зубную пасту и щетку. Разжеванными концами палочек, похожих на карандаши, несколькими быстрыми движениями они производили массаж десен, а остатки этих палочек выплевывали в открытые окна и не очень заботились, куда их понесет ветер. Эта необычная и распространенная по всей Западной Африке процедура, в которой якобы кроется секрет красоты и здоровья зубов, профилактики пародонтоза, продолжалась около часа. Шофер заложил палочку за ухо, чтобы она была у него наготове; куда их положили Удаху и Агаджи, я не успела заметить.

Мы уже проехали лагуны и пригородные кварталы, переходящие в селения, перед нами расстилалось шоссе, пересекающее всю страну, до самой границы с Буркина Фасо. Машина мчалась на предельной скорости, шофер беспрестанно сигналил, чтобы обратить на себя внимание. Он проехал так близко от сидящих на краю шоссе женщин, что они с испугу свалились со своих сидений. Потом он чудом не сбил велосипедиста. Я оглянулась, все ли с ним в порядке. Велосипедист тут же поднялся и принялся смеяться, как будто был доволен тем, что ему удалось не доставить радости шоферу. Потом машина на полной скорости въехала в лужу, облила женщин, их фрукты и овощи, так тщательно вымытые и разложенные на досках и в тазах. Эти здешние шоферские «шутки» были мне знакомы, и я знала, что протестовать бесполезно. Они были частью жизни на шоссе, и думаю, что творящий их не осознавал, что нередко дело идет о самой жизни. Не знаю, каким чудом ни разу не произошло ничего серьезного.

Африканская дорога... Велосипеды, мотоциклы, ободранные и поржавевшие пикапы, изредка попадавшиеся прославленные «африканские автобусы», или «такси». Это грузовые автомашины с деревянными бортами и крышей. Они не связаны расписанием, ездят в зависимости от того, как наберется нужное число пассажиров. Маршруты чаще всего от одного базара до другого.

В кузове вдоль бортов — сиденья из досок, пространство между ними заполнено корзинами, мешками, посудой, животными. Животных перевозят со связанными ногами, и выглядят они несчастными. Мне всегда казалось, что эти бедные козы, свиньи, куры при последнем издыхании. Что не умещается внутри, укла-

дывают на крышу. Колеса, бочки, шины, узлы и снова узлы. Кузов набит пассажирами, кое-где в оставшихся просветах видны их руки и головы; они машут, покриваяют на окружающий мир. Ничто не может испортить им ощущение счастья от бешеной езды; шоферы этих удивительных автобусов не окупятся на скорость, как будто хотят из старых, тархтящих, залатанных и обвязанных тарантасов вытрясти душу.

Сначала встречи с этими ревушими, грохочущими чудовищами всегда вызывали у нас ужас. Мы ждали, что у них или отлетит колесо, или откажут тормоза, или прямо перед нами они рассыплются на части. Однажды ночью мы встретили «автобус», фары которого освещали самые кроны деревьев, и шоферу приходилось ехать наугад, полагаясь только на свою память. Иногда во время езды открывалась дверца или с крыши падала большая бочка и прыгала по шоссе. Но мы отделились на волю случая. А что нам еще оставалось?

Местность, по которой мы проезжали, была слегка холмистая, поросшая кустарником и высокой травой, сейчас, в сезон дождей, достигавшей почти двух метров. Кто-то сказал о ней очень точно: она прожорлива и в течение нескольких дней способна «проглотить» даже потерпевшую аварию автомашину. В сухой сезон трава желтеет, и весь край утрачивает свою свежесть.

Сухую траву в прибрежной саванне кое-где еще продолжают сжигать, что наносит большой вред растительности и животным. Подобные меры осуждаются, с ними борются, но пока почти безуспешно. Для местных жителей перед началом сезона дождей это способ подготовки почвы. Память о пожарах — почерневшие, обгоревшие стволы одиноких деревьев, кое-где вместо них стоят обрубки высотой по пояс. Крестьяне, когда валят деревья, пользуются мачете, которыми рубить деревья низко над землей неудобно. Поэтому стволы неровные, как будто обгрызанные. Полей из-за густой растительности не видно. Только когда мы вышли из машины и осмотрелись вокруг, увидели небольшие обработанные участки неправильной формы между камнями и пнями. Единственным орудием, которым можно такие поля обрабатывать, все еще остается мотыга.

По обеим сторонам шоссе возвышались коричнево-красные, стройные пирамиды термитников, достигавшие высоты нескольких метров. Некоторые из них расположились вокруг деревьев, зеленые кроны которых слу-

жили им большими зонтиками от солнца. В прочности и твердости термитников мы смогли убедиться, когда тщетно пытались с помощью мачете отрубить хотя бы кусочек на память.

Кокосовую пальму — на побережье растут настоящие ее рощи — сменяет масличная. Я узнала ее сразу. Масличная пальма сочного зеленого цвета и невысокая. Она скорее напоминает большой куст. Плоды — 1 — (реже 2—3) — семенные костянки желтого, оранжевого, красновато-коричневого до почти черного цвета — скрыты внизу, в гуще листвы, и объединены в огромные висячие кисти. В одной кисти насчитывается от 500 до 800 плодов. Это одно из немногих полезных растений, которые считаются исконными, как это подтверждает ее латинское название *Elaeis guineensis*. Пальма растет по берегам рек и озер, во влажных долинах, а на высоте 600 м встречается уже редко. В лесу она чувствует себя плохо, ей необходим простор. Когда плоды созревают, все соплодие срезается и из семян получают пищевое масло. Оно наряду с маслом кокосовых орехов служит в Африке основным источником жиров. Масло давят домашним способом и продают на базарах, но мы видели и несколько небольших заводов. У масла особый запах, напоминающий запах фиалки. Свежее масло оранжево-желтого цвета, на воздухе оно светлеет. Пальмовое масло из мякоти плода применяют в производстве мыла, свечей как смазку, а также для получения каротина. Поскольку масло быстро портится, то в Европу вывозят только плоды, которые там и перерабатывают. Годовой сбор плодов масличной пальмы в Того составляет почти 20 тыс. т, но это всего лишь пятнадцатая часть производства данного масла настоящей его империей в Западной Африке — Нигерией и примерно четвертая часть производства Берега Слоновой Кости.

Из других деревьев в саванне или буше растут баобаб, дерево с могучей кроной, манговые и апельсиновые деревья с типичными зеленовато-коричневыми плодами, отличающимися от золотистых апельсинов Средиземноморья. В тропиках апельсины темного, непривычного для нас цвета. Мякоть плода не едят. Женщины быстро и ловко очищают их маленькими, острыми ножами. С апельсина снимают маленькими полосками шкурку, пока не останется белый, с тонким рисунком плод. С такого очищенного апельсина среза-

ется верхушка и выпивается сок, остальное выбрасывается.

Я видела и папайю, стройное дерево со скромными, прелестными желтыми цветами. Его плоды похожи на большие огурцы или тыкву, а золотистая мякоть по вкусу напоминает ананас. Как и ананас, ее нарезают кружками и украшают сбитыми сливками, подают в самых дорогих ресторанах. Папайя плодоносит целый год, и рядом со зрелыми или созревающими плодами появляются уже новые бутоны или цветы. Но в этом отношении папайя не исключение. Африканская природа очень щедра, и большинство деревьев плодоносит здесь несколько раз в год.

Столь же неутомимы, например, и бананы, самое оригинальное и самое распространенное растение тропиков. Их специально разводят в селениях, дикие растут вдоль шоссе и дорог, кое-где образуя густые, непроходимые чащи. Бананы — гигантские многолетние травы с мощными подземными корневищами и укороченными клубневидными стеблями, которые несут спирально расположенные огромные листья с необычайно длинными влагалищами. Влагалища охватывают друг друга и образуют плотную многослойную трубку ложного стебля, который нередко достигает высоты 5—6 м. Растут бананы поразительно быстро. В одной грозди может насчитываться до 300 плодов. На языке ботаников плод банана — это ягода с кожистой оболочкой и сочной мякотью. И если мы тщетно в них ищем семена, то это результат многолетней работы селекционеров. Бананы, высаженные черенками, уже через полтора года дают урожай. Бананы в Африке — еда бедных. Это щедрое растение всегда готово насытить любого. И без труда. Бананы едят сырыми, печеными, вареными. Из сердцевины получают сладковатый сок, молодые ростки едят как овощи. Прочное волокно из его расщепленных влагалищ используется для плетения циновок и ковров.

Другое скромное и типичное растение Того — тропический вид тыквы, калемас. Вблизи селений мы часто видели вьющиеся стебли и большие сочные его листья. Растение стелется по земле за хижинами; растет на свалках, способно «взобраться» на большую высоту по стволам деревьев и даже на крыши домов. Иногда оно представляет с деревом одно целое, и трудно определить, какие плоды принадлежат ему, а какие дереву.

Высохнув, плоды затвердевают, но по весу очень легкие. Из них делают сосуды, миски, половники, фляги, ложки, тамтамы и маракасы. Чтобы получить требуемую форму, например бутылку, их в процессе роста сдавливают. Предметы из калебаса, украшенные резьбой, принадлежат к числу самых популярных сувениров, потому что они не только красивы, но и дешевы.

Наиболее полное представление о выращиваемых в данном районе плодах и овощах давали базары в городах и селениях, через которые мы проезжали. По разнообразию плодов и ценам на них можно было безошибочно установить, что где разводят. Как и в Ломе, мне приходилось снова и снова восторгаться, как заботливо и с какой любовью товар предлагался покупателю. Овощи — необыкновенно чистые и свежие, хотя это могла быть всего лишь «обычная» морковь, «обычный» лук или «обычная» петрушка. И все так красиво лежало на примитивных прилавках и в мисках, все так ласкало глаз и привлекало. Не могу себе вообще представить, чтобы какая-то женщина принесла на базар грязную морковь или подгнившие фрукты. У своих магазинчиков женщины в непрерывной работе. Они поливают овощи, чтобы те не завяли, выравнивают, перебирают товар. Возможно, кто-то и возражал бы против такой торговли, но то, как эти простые сельские жительницы обращаются со своим товаром, как они его преподносят, — все это свидетельствует о высокой природной культуре, достойной восхищения.

Женщины сидят рядом, и им не мешает, что они продают один и тот же товар, скорее наоборот: мне показалось, здесь существуют какие-то свои правила. Десять женщин продавали овощи, у других десяти в тазах были апельсины, а рядом с ними сидела группа женщин с мисками, в которых было нечто напоминающее вату. Это я видела впервые. Мы остановились и пошли посмотреть на эту диковину. Одна из женщин охотно подала мне клочок белой мягкой массы и пыталась что-то объяснить. Сообразив, что я не понимаю, она взяла клочок ваты, наклонила голову, положила под щеку и закрыла глаза, как бы заснув. Остальные женщины смеялись и что-то выкрикивали.

Удаху взял вату в руки и сказал:

— Это из сейбы. Ею набивают подушки, но используют и как изоляционный материал.

Женщины радовались, что я наконец поняла, для

чего предназначена вата, и дружески махали нам, хотя мы у них ничего не купили.

Проехав несколько километров, мы подъехали к заправочной станции. Это несколько бочек с ручным насосом. Примерно в пятидесяти шагах росло могучее дерево с не очень пышной кроной и необычными горизонтальными ветвями. Мое внимание привлек мощный ствол с глубокими вертикальными бороздами. У земли ствол был толще и конусом тянулся вверх. Такие же причудливые формы образовывали корни, выступавшие на поверхность и переплетенные как огромные змеи.

— Это та самая сейба,— сказал с улыбкой Удаху.

Под деревом сидели несколько мужчин, которые на небольшом костре поджаривали куски мяса, рядом с ними женщины продавали фрукты. На фоне огромного ствола все мы выглядели карликами.

— Сколько человек могли бы обхватить ствол? — спросила я.

Удаху предложил позвать жителей селения и определить, но мой муж-реалист сказал, что не стоит: если мы будем измерять все деревья, которые нам попадутся в пути, то никогда не доедем до Лама-Кары.

— Я думаю, около пятнадцати взрослых мужчин,— сказал примирительно преподаватель Агаджи.

Когда мы были в машине, наш спутник Удаху сделал нам подробный доклад о сейбе и капоке. Как специалист, он знал все породы деревьев.

У сейбы сравнительно мягкая, хорошо поддающаяся обработке древесина. Из нее получают древесный уголь; это прекрасный материал и для изготовления фигурок. Кроме того, из его ствола выдалбливают традиционные африканские пироги. Сейба растет быстро и уже на четвертый год дает плоды — капок, продолговатые тонкие коробочки коричневого цвета, длиной 10—12 см. Коробочки, напоминающие коробочку хлопчатника, сушат, затем извлекают из них семена. Тонкая волокнистая масса используется также для набивки подушек, как обивочный материал и для производства мебели. Часть экспортируется. Этот материал легче пробки, поэтому очень хорош для производства спасательных кругов и жилетов. Сердцевина капока напоминает лесной орех. Из нее дают масло высокого качества, оно используется в косметике. Взрослое дерево дает около двух тысяч плодов, из них вылушивается 8,5 кг орехов. Родина сейбы — Азия, но она весьма

быстро прижилась в Тропической Африке и давно уже не чувствует себя здесь гостьей.

Мы часто видели сейбу на перекрестках, у колодцев, бензозаправочных станций и базаров. Вероятно, здесь ее высаживали как опознавательный знак или своего рода рекламу. Как только мы замечали сейбу, можно было быть уверенными, что под ней или вблизи ее нас ждет что-то любопытное.

Дальше, в глубине страны, росли целые тиковые рощи. Высокие, стройные деревья, похожие на тополя, высажены в ряд, что в пышной дикой природе особенно бросается в глаза. Это дерево в отличие от сейбы очень твердое и, говорят, способно противостоять даже термитам. Его используют для строительства судов, это любимый материал резчиков по дереву. Большинство фигурок, масок, амулетов и других традиционных предметов, которые нам предлагали жители Того, было сделано именно из тикового дерева, хотя нас и уверяли, что это красное дерево. Туристов легко ввести в заблуждение, возможно, и мы бы этому поверили, если бы не наш спутник. Он взял сувенир в руки, как бы взвешивая его, и тут же определил материал.

— Какое это красное дерево? Это тиковое, и не пытайся нас провести,— сказал он сердито. А продавцы с неудовольствием признались, что он прав.

— Все стремятся приобрести сувениры только из красного или эбенового дерева,— объяснял он дорогой,— как будто тиковое дерево не такое благородное. Это мода. Иностранные туристы хотят эбеновое дерево, вот им его и предлагают. Сельские ремесленники делают его с помощью черного сапожного крема.

— И, конечно, повышают цену,— заметил преподаватель.

— Они только портят прекрасный материал,— сказал Удаху.— Тиковое дерево — качественное и благородное. Оно не нуждается, чтобы его «переодевали» в эбеновое, это для него недостойная одежда.

Шофер не участвовал в дискуссии. Один раз он остановился и подбежал к реке, скрытой в кустах. Мы видели, как он наклонился и вымыл лицо, пил воду из ладоней. Когда он вернулся, обрадованно нам сообщил, что это уже вода кабре и здесь надо остановиться, это закон.

— А что особенного в этой воде кабре? — проворчал Агаджи.

— Сколько еще в нашей жизни чудачества, — вздохнул Удаху.

Шофер уже снова крепко держал баранку, прибавлял скорость, сигналил, как будто всему миру с радостью хотел сообщить, что пересек воображаемую границу территории своего народа. Теперь, после столь долгого молчания, он произнес:

— Вы не можете понять, потому что вы — не кабре.

Преподаватель Агаджи был эве, Удаху — мина. Они считали, что их народы более цивилизованные и культурные, и на кабре посматривали с нескрываемым пренебрежением.

Эве, кабре и мина

Кабре после эве самый многочисленный народ в Того. Эве около 200 тыс., кабре и лоссо — более 200 тыс. Далее — уачи — 150 тыс., мосси — 150 тыс. и только на пятом месте мина, которых насчитывается более 50 тыс. Происхождение и название последнего несколько необычно. Их предки были африканцами, которые вернулись после отмены рабства в Бразилии. Они отправлялись в полный страданий путь за океан из Элмины и получили свое название по этой, пользовавшейся дурной славой португальской крепости. Мина осели на побережье в районе Анехо и слились с ген, которые пришли сюда только в конце XVII в. с территории современной Ганы. Среди них были люди состоятельные и образованные, пользовавшиеся большим уважением. Так возник этот народ, сохраняющий традиции ген и новые традиции бразильских вольноотпущенников. Их язык — язык эве, их вождь проживает в местечке Глиджи.

Мы так и не могли понять, по каким признакам определяются представители тех или иных народов. Нас всегда удивляло, когда наш шофер, который придавал такое значение своему происхождению кабре, останавливался в центре самой многолюдной площади и объявлял, что хотел бы поговорить «вон с тем кабре». Но так же хорошо в многолюдной массе он распознавал мина, котоколи, уачи, хауса и других.

Кабре прекрасные земледельцы, но с давних пор за ними укрепилась слава одного из самых воинственных

народов. Кабре не побоялись выступить с оружием в руках против германских колонизаторов, долгое время сопротивлялись и французам. Немцы значительную их часть выселили южнее Лама-Кары и отправили на строительство железной дороги и шоссе, французы продолжили эту политику, создавая селения кабре в южных отсталых сельскохозяйственных районах. Такими мерами колониальные власти пытались раздробить народ, ослабить его. Но, несмотря на это, кабре, исповедующие ислам, заставили уважать себя, и еще немцы запрещали христианским миссионерам селиться на их территории, чтобы не вызывать дополнительных конфликтов.

Кабре приходилось уделять особое внимание плодородию почв в силу значительной плотности населения в этом районе. Кое-где она достигала 250 человек на один квадратный километр. Кабре создают террасовые поля, в сезон дождей защищают свои участки каменными рвами, используют воду пересыхающих рукавов рек и чередуют культуры, чтобы тем самым предотвратить истощение почвы. Они выращивают главным образом арахис, кукурузу, просо, ямс, бобы и сорго или чирок. Чирок — это вид тропической зерновой культуры. Из него делают муку, а из мякины и шелухи — фиолетовую и черную краски для тканей и кожи.

Никто не оспаривает заслуги и способности кабре, и все же здесь на них посматривают немного как на дикарей, которые строго придерживаются традиционных ритуалов и праздников, иногда граничащих с большой жестокостью. Известно, например, как кабре воспитывают «настоящего мужчину». Мальчиков в шестнадцать лет по окончании переходного возраста подвергают обряду обрезания. До девятнадцати лет они должны есть собачье мясо, чтобы окрепнуть, поэтому, вероятно, на здешних базарах продают так много собак. Юношеский возраст считается «нечистым». В девятнадцать лет можно жениться, но это еще не делает юношу *эгула*, т. е. уважаемым мужчиной. Такое звание он должен заслужить, но это непросто. Строгое испытание на зрелость у мужчины, в сущности, продолжается до тридцати лет. Раз в пять лет устраивается большой традиционный праздник *кондана*: все мужчины старше двадцати должны продемонстрировать свою ловкость, силу, настойчивость и волю. Главная часть этого праздника — танцы *ксабие* с тяжелыми фигурами, во время

которых мужчины вонзают стрелы в их «тело» и «лицо», под оглушительный грохот тамтамов впадают в транс. В спортивных состязаниях мужчины должны выполнить обязательные нормативы в беге, прыжках, ловкости и стрельбе из лука. Только после этого им разрешается носить остроконечную кожаную шапку с султаном из перьев. Такие шапки и лицо в шрамах — признак мужественности и зрелости.

— А вы? — спросили мы Батаско-младшего.

— Мне пока двадцать четыре, еще есть время, — ответил он.

В прошлом эве затмевали кабре, занимая большую часть мест в государственном управленческом аппарате, армии и учебных заведениях. Это был результат противоречий между севером и югом, которые обострились и тем, что бывшая французская колониальная администрация пренебрегала экономическим и культурным развитием севера. В какой мере она повинна в этом, сказать трудно, потому что северные народы никогда не удавалось подчинить полностью. И сегодня эве и мина, живущие на побережье, в культурном и политическом отношении в определенной степени выше, а доля квалифицированных и руководящих кадров относительно численности населения на юге больше, чем на севере.

Эве уже во времена создания первых португальских торговых контор общались с европейцами и миссионерами. Колониальная администрация была создана и на юге. Особое положение эве сохранялось еще и благодаря тому, что их язык раньше других стал использоваться в качестве литературного языка. После провозглашения независимости Того эве заняли основные позиции в политической, культурной и экономической жизни страны. Этнические группы в глубинных районах страны считали, что руководство государства не в должной мере отстаивает их интересы. Поэтому они обращались к своим представителям и требовали, чтобы правительство в равной степени заботилось о всех народах страны.

С того времени, как во главе государства стал генерал Эйдаема, сам представитель кабре, ситуация начала меняться. Эйдаема, естественно, окружил себя людьми своего народа. Так, рядом с эве и мина все чаще на руководящих постах начинают появляться кабре. Никогда это не удивляет, так поступают все главы госу-

дарств. Речь идет только о том, чтобы не ущемлялись права остальных народов. Похоже, что генерал Эйадема очень хорошо это понимает. Определенный смысл заключается и в том, что рабочие дни он проводит в своей центральной резиденции, а на уик-энд улетает в резиденцию у Лама-Кары, т. е. в общество кабре.

Не берусь судить о том, как такая новая политика сказывается на экономическом развитии страны и как ей удастся уравновесить различия между севером и югом. Решающая роль, конечно, принадлежит строительству промышленных предприятий. Пока же они в основном сосредоточены на юге, главное среди них — обогатительная фабрика фосфоритов вблизи Ломе. Того богато запасами и других полезных ископаемых, которые ждут своей разработки. Здесь есть железная руда, бокситы, хромовые руды, серебро, графит. Эти полезные ископаемые сосредоточены в центральной и северной областях Того. В будущем это обстоятельство, без сомнения, благоприятно отразится на равновесии экономики севера и юга. Пока отсутствует одна очень важная «деталь» — энергия. Того бедно энергоресурсами. Но не следует забывать, что на границе с Ганой на р. Вольта построена гигантская гидроэлектростанция, которая способна снабжать энергией не только Гану, но и соседние страны.

Сегодня большинство промышленных перерабатывающих заводов все еще сосредоточено в столице Того — Ломе. Но по дороге на север мы уже видели новые современные заводы в небольших городах. И поскольку молодые африканские государства смотрят далеко вперед, эти заводы не только прекрасны внешне, но прежде всего они эффективны и современны по своему оборудованию. Например, текстильная фабрика в городе Дадже в Центральном Того.

В последнее десятилетие здесь был создан центр текстильной промышленности, основа которой — быстро развивающееся хлопководство. У хлопка в Того большое будущее. Специалисты утверждают, что тоголезский хлопок по своему качеству не уступает лучшим египетским сортам. Уже много лет назад вблизи города Ание был создан исследовательский центр, который занимается изучением и внедрением этой культуры. Основал центр и долгие годы руководил им французский инженер М. Корр, его именем было названо селение Коррекопе. Только недавно оно переименовано в Кпес-

ей, но отнюдь не потому, что французскому инженеру было отказано в признании заслуг в развитии хлопководства.

Новый сорт хлопка завоевывает свое место на мировом рынке под названием «моно» (по названию реки, протекающей здесь и орошающей плантации). В ближайшие годы в этих местах появится крупный комбинат. Его первая очередь — это упоминавшаяся фабрика в Дадже. Она была построена в 1966 г. На фабрике 8,5 тыс. веретен и 220 полностью автоматизированных ткацких станков. Здесь работают около 800 мужчин и женщин, производится 6 млн. м тканей в год. Вокруг фабрики парк, где отдыхают во время перерыва рабочие. На фабрике имеется большая коллекция образцов тканей, которую каждый может посмотреть. Я чувствовала себя здесь как в волшебном саду, где все играло пестрыми цветами и красками. Молодой тоголезский инженер, сопровождавший нас и охотно отвечавший на наши вопросы, держался непринужденно и воспринимал наш восторг как само собой разумеющийся. Он провел нас по превосходно оборудованному ателье, в нем работали несколько десятков тоголезских и французских художников. Уходя, мы заинтересовались, всех ли конструкторов-модельеров удастся использовать на фабрике.

— Если бы их было в два раза больше, все равно бы их не хватило, — ответил он, — с одним рисунком выпускается только три тысячи метров тканей, потом переходят на новые.

Таких современных предприятий в Того немного, но они уже есть, и это важно. Если строится новый завод, то уж самый лучший, самый современный, в Того не могут позволить себе строить предприятия, которые через несколько лет устареют.

А недалеко от этой фабрики на краю шоссе женщины сушили белье, разложив его на земле, сушили круглые ломтики маниока, которые потом мелются на ручных мельницах. Как только мы видели у хижины группу женщин, а вокруг белую припудренную землю, можно было не сомневаться, что здесь находится мельница. В других хижинах делали масло, туда женщины носили на голове тазы с плодами масличной пальмы. Мякоть сначала варят, а потом давят из нее масло.

На текстильной фабрике нам показали прекрасно оборудованные бытовки и столовую, в которой нас, как

в первоклассном ресторане, обслуживали официанты. Поодаль на костре жарили куски баранины, надетые на прутья. Что испытывает рабочий, приходящий из глиняной хижины на современный завод? О чем он думает, когда возвращается домой?

Удаху объяснил нам:

— Здесь люди не размышляют много о происходящих переменах. Это только в Европе все усложняют. Такая фабрика — хорошее дело: здесь можно заработать деньги, африканцы гордятся тем, что могут работать на фабрике, но они не придают такого значения деньгам, как европейцы. Человек в Африке легко обойдется и без них. Он плохо распоряжается ими, не понимает всей их силы и возможностей. Деньги отдают старейшине или вождю. А то, что останется, тратится в основном на какие-то пустяки. Африканец не знает, что такое вклады в банк, он не думает о будущем.

— У нас все живут только сегодняшним днем, — согласно кивал преподаватель Агаджи, — что будет завтра, никого не занимает; в нашей стране никто не умрет от голода.

— Я работал на фабрике и знаю, — продолжал Удаху, — в день зарплаты вокруг фабрики собираются торговцы и торговки и сразу же освобождают рабочих от денег. Я, например, никогда не мог понять, почему рабочие покупают дорогие ананасовые консервы, привезенные из Европы или из Америки, когда они могут срезать свежий ананас дома. Нет, они не способны хозяйствовать. Мы этого не умеем.

Шофер молчал. Мы знали, что перед отъездом в Лама-Кару он взял командировочные, которые составляли три его месячные зарплаты, и на все деньги купил подарки. Большую часть он отдал за японский приемник с магнитофоном. Он купил его только для того, чтобы блеснуть перед своими родственниками. Судя по тому, каким был его дом в Ломе, транзисторный приемник с магнитофоном, без сомнения, не был первой необходимостью ни для него, ни для его семьи. Он сказал как бы в свое оправдание:

— Пусть каждый живет, как хочет. Меня, например, никто не принуждает отдавать деньги, которые я зарабатываю, роду, но я считаю это своей обязанностью.

— Однако не у каждого отец — вождь, — ехидно заметил Удаху.

Мсье Киндр почувствовал, что может возникнуть

ссора, и попросил Батаско включить свой прекрасный приемник и найти музыку.

Шоферу удалось поймать лишь трансляцию какого-то собрания. Только что закончились выступления, и был объявлен перерыв.

— Оставьте это,— предложил преподаватель Агаджи,— это заседание panaфриканской конференции женщин в Ломе. На ней обсуждается вопрос о полигамии.

— Глупости,— махнул рукой Удаху и отвернулся к окну,— ни один здравомыслящий человек не будет отстаивать полигамию.

— Вы христианин? — спросила я.

— Да, но это не имеет значения. Я смотрю на это с практической точки зрения, руководствуясь разумом. У меня шестеро детей, и я хочу всем дать образование. Если бы у меня их было двадцать или тридцать, мне пришлось бы к некоторым из них быть несправедливым, я не мог бы о всех заботиться одинаково. Сколько у вас детей? — спросил он Батаско.

— Двенадцать,— ответил шофер.

— Ну, вот, пожалуйста,— посмотрел на нас Удаху многозначительно и покачал своей круглой головой.— А сколько вам лет?

— Двадцать четыре.

— Хм, когда вы доживете до моих лет, у вас их может быть в три раза больше,— сказал с нескрываемой иронией Удаху.

— Ничего, не пропадут,— ответил шофер спокойно.

Между тем кончился перерыв, и в приемнике раздался мужской голос. Он сообщил, что на конференции было высказано много интересных точек зрения, и предложил прокомментировать некоторые выступления. Он сказал, что хотел бы всех умных женщин, говоривших здесь о европейском образе жизни, спросить, что они, собственно, под этим подразумевают. Возможно, они составили о нем представление по европейским книгам и фильмам. И именно это они хотели предложить Того? Европейский брак — это лицемерие. Единобрачие противоречит природе, потому что мужчине недостаточно одной женщины...

— Кто это? — спросила я преподавателя.

— Министр внутренних дел,— ответил он с улыбкой,— умный человек.

Удаху молчал и смотрел в окно. Министр внутренних дел был слишком большим авторитетом.

Из приемника донеслись продолжительные аплодисменты, перешедшие в страшный грохот. Женщины, по-видимому, топали ногами и стучали по креслам. Перед этим они наверняка с таким же азартом награждали аплодисментами выступления ораторов с противоположными взглядами.

Тоголезского министра внутренних дел мы знали, встречались с его сотрудниками на различных приемах и праздниках. Он относился к нам довольно дружески. И он учился в Праге, где познакомился со своей будущей женой, уроженкой острова Мартиника. Она по непонятным соображениям избрала своей специальностью чешский язык и говорила на нем очень хорошо. Это была необыкновенно красивая, стройная метиска, обращающая на себя внимание своей европейской элегантностью. Особую слабость она питала к яблоневской бижутерии. Колье, серьги и броши она носила в комплекте и так естественно, что манекенщица не могла бы сделать это лучше. Парадокс был в том, что сам министр, который так решительно осуждал единобрачие, строго соблюдал его в своем супружестве.

До сих пор много еще тайн у эве, кабре, мина и других...

Брак и полигамия

Попытаюсь хотя бы кратко изложить то, о чем шла речь в дискуссии, к чему дала повод радиопередача.

Брак, семья, род — особенно в глубинных районах страны и в селениях — связаны с древней традицией. В городах молодежь воспитывается на европейский манер, она уже становится самостоятельной и устраивает жизнь на свой лад.

У африканской семьи (когда-то ее называли большой семьей) как производительной и потребительской единицы было много общих черт с европейской семьей до развития в Европе промышленности. Это объединение индивидуумов, связанных кровными узами, которые занимаются поиском средств к существованию для всей группы.

Во главе африканской семьи стоит не дед и не отец, а брат матери или дядя. Здесь господствует определенная свобода, в которой смешаны принципы патриархата и матриархата. Это значит, что в одних больших

семьях превосходство на стороне отца, в других — матери. Глава семьи обычно рассудительный человек, обладающий опытом и пользующийся авторитетом. Серьезные вопросы он решает не один, а с советником, которого выбирает сам из взрослых мужчин. Семья не всегда живет вместе, но сохраняет сплоченность. Ее члены уважают решение старейшины. Эти семейные союзы в большинстве своем сохраняются и в том случае, если некоторые члены семьи переселяются в город, получают постоянную работу и приобщаются в какой-то мере к европейскому образу жизни. Именно такие проблемы были у Удаху.

Более широким родственным союзом является род, объединяющий несколько семей. Основной признак рода — общность происхождения. И у рода есть свой глава, но это объединение уже менее сплоченное.

Брак — это договор между двумя семьями. Выбору партнеров предшествует согласие семейных советов. Оба партнера должны достичь определенного возраста: девушки обычно шестнадцати лет, юноши — двадцати шести. Родители и члены семей внимательно приглядываются к невесте и жениху, оценивают их физические данные, личные качества и материальное положение. Они прислушиваются к мнению друзей и соседей. Как только получено предварительное согласие на брак, жених приносит будущему тестю подарки в подтверждение своих серьезных намерений. Договор закрепляется залогом со стороны жениха в виде вещей, животных, продуктов и напитков; последние съедаются во время свадебного пира. Если жена уходит от мужа, все подношения жениха забирает ее отец. Если брак расторгается, например по причине бездетности, между обеими семьями происходят сложные переговоры. Выясняется, по чьей вине нет детей, а это иногда бывает сложно, особенно когда у мужа только одна жена. Если виновата жена, «аванс» тут же должен быть возвращен мужу. Это также сопряжено с трудностями. С проникновением денег в жизнь традиционной африканской семьи брачный договор все чаще закрепляется денежной суммой. А поскольку здесь нет обычая класть деньги в банк, отец с родственниками, как правило, их растрачивают, когда же приходится их возвращать, то с трудом удается собрать нужную сумму.

Африканская семья заботится о своих членах и во время болезни, в старости или при потере кормильца.

Такая забота основана на коллективной ответственности на землю, которую глава делит между членами семьи для ее возделывания. В семье очень развита взаимопомощь: тот, кто зарабатывает, поддерживает тех, у кого нет своего дохода. Семья играет значительную роль и в политической жизни страны. Она старается так устраивать своих наиболее способных представителей, чтобы затем с их помощью получить общественный вес и, конечно, материальное благополучие. Для этого используются родственные связи, помогающие продвигать своих на довольно престижные должности, устраивать на работу в учреждения, посылать на учебу за границу. У нас бы это назвали «семейственностью», в Африке же это естественное проявление солидарности членов семьи или рода.

В родовых традициях есть свои преимущества: род берет на себя выполнение некоторых социальных функций государства, но в то же время род служит серьезным препятствием на пути общественного и экономического развития африканских стран. Родовой строй основан на принципах самообеспечения, т. е. на обеспечении средств существования своим членам. А сегодня этого недостаточно. Быстро растущему населению Того уже в ближайшие годы будет не хватать необходимого количества продуктов питания. Если переселение в город и промышленные центры не приостановится, это, бесспорно, ослабит старые семейные и родовые союзы и род утратит свою абсолютную силу. Даже если на какое-то время еще и останется традиционная приверженность семье, последняя уже будет не в силах заботиться о всех своих членах. У людей появилась потребность селиться вблизи места работы, одновременно они хотят сами распоряжаться своим заработком. Этот процесс уже пробивает себе дорогу, хотя протекает довольно медленно.

Промышленное развитие страны и современное разделение труда оказывают совершенно определенное воздействие и на такую сторону жизни африканского родового строя, как брак.

Можно ли упразднить полигамный брак? Руководство Тоголезской Республики сделало такую попытку. Был издан указ, по которому государственный служащий может иметь только одну жену. На детей от одной зарегистрированной жены он получает пособие. И что получилось в действительности? Подчинилось меньшин-

ство. Большинство же, зарегистрировав брак с одной женщиной, других сохранили как «неофициальных». Неважно, что большинство чиновников — христиане — еще исповедуют и традиционные верования. Это — общественная тайна. О ней умалчивают.

В Черной Африке, исповедующей традиционные верования и ислам, было разрешено многоженство. Христианство требует единобрачия, и церковь пытается внушить своим верующим этот принцип как обязательный. Известны случаи применения различных санкций против тех, кто его нарушает. Но это очень сложное дело: у христианской церкви нет никаких эффективных средств воздействия, и «белый бог» остается (и, вероятно, всегда будет) авторитетом, гнева которого не очень боятся. Отлучение от церкви или отказ в принятии причастия не влечет за собой никаких последствий. Поэтому христианские миссионеры соблюдают определенную сдержанность. Осторожность вызывается растущим влиянием ислама в Африке, исповедующей традиционные верования, который в вопросах брака не так строг.

Брак в Того выполняет прежде всего физиологическую функцию. Я нигде не видела влюбленной пары, которая бы шла держась за руки, а тем более в обнимку, я не видела даже супружеской пары, которая бы просто прогуливалась. И насколько я могу судить по реакции зрителей в кино, поцелуи и эротические сцены вызывают у африканцев только смех.

Мнения о полигамии в Того и Западной Африке различны. В ее защиту приводятся такие доводы, как разделение труда, особенно в селениях. Работа не останавливается ни на время болезни какой-нибудь из жен, ни тогда, когда некоторые из них отправляются в дальнюю дорогу на базар, ни на время кормления детей. В сельском хозяйстве жены и дети представляют собой дешевую рабочую силу. Наконец, в защиту приводятся и такие доводы: необразованные женщины обретают в таком супружестве определенную защиту и уверенность. При единобрачии, как считают в Африке, на женщин легла бы очень большая нагрузка, а кроме того, это вызвало бы рост проституции.

Согласно традиции муж во время беременности своей жены и после нее, приблизительно в течение двух лет, должен жить отдельно от жены. Правда, это строго не соблюдается, но тем не менее приводится как

один из серьезных доводов в пользу сохранения полигамии. Каждый месяц о муже заботится другая жена, при этом мужу полагается еда лучшая, чем детям. Считается, что подобное чередование жен не дает им основания для ревности. И насколько я могла удостовериться, женщины действительно живут в согласии, никаких сцен между ними не происходит. Их обязанности четко разделены. О доме заботится так называемая первая жена, за которой в семье решающее слово, другие жены ходят в поле, готовят, продают продукты или изделия.

Время от времени раздаются голоса, требующие отмены полигамии. Особенно активны те тоголезские женщины, которые узнали, что такое эмансипация. Они не перестают утверждать, что полигамия унижает достоинство женщины, тормозит ее развитие. Но после страстных дискуссий воцаряется спокойствие, и жизнь входит в обычное русло. Можно ли это объяснить только силой традиции?

Молодежь, получившая образование в Европе, большей частью выступает за моногамию. В проведенной анкете за нее высказались 80 мужчин и 94 женщины из ста. Это были студенты высших учебных заведений. В качестве основного довода приводился следующий: главным условием супружеского союза должна стать любовь. Кроме того, они считали, что только основанное на единобрачии супружество способно обеспечить детям воспитание и образование. Молодые женщины требовали, чтобы у отца были такие же обязанности, как и у матери. Но это высказывания городской интеллигенции. В селениях преобладает другая точка зрения: там женщина до сих пор рассматривает полигамию как облегчение своей тяжелой доли.

В связи с полигамией я долго не могла найти объяснения одному вопросу. Если у мужчин несколько жен, значит ли это, что здесь рождается больше девочек? Не устроила ли так сама природа, которая в подобных вопросах столь мудра? Или некоторые мужчины вынуждены оставаться холостяками? Ответ, который я получила, был более прост, чем я себе представляла. Весь секрет заключался в том, что женщины большей частью выходят замуж в шестнадцать лет, тогда как мужчины — в двадцать пять или двадцать шесть. Разница в десять лет и продление активного возраста мужчин создает здесь численное превосходство женщин — конечно,

только видимое, — в определенной степени оно и способствует полигамии.

Кто же прав? Есть ли у полигамии в Африке будущее, или она обречена? Похоже, что лучше всего это объяснил один тоголезский журналист, с которым мы говорили на эту тему:

— Мы прекрасно понимаем, что нам необходимо изменить. Путь к современному обществу ведет к разрыву родовых связей, развитию личности и инициативы. В городах уже виден кризис родового строя. Но большую семью и род нельзя просто распустить или ликвидировать. Все молодые африканские государства ищут пути, как использовать этот вековой институт и как его освободить от подобного наследия. Это станет возможным, когда между отдельными членами и родом установятся равноправные отношения, основанные на естественных чувствах, а не на обязанностях и принуждении. Простым декретом ничего не решить, никаким приказом сверху нельзя отменить даже полигамию. Это требует времени, терпеливой работы, создания промышленности и современного сельского хозяйства. Только тогда примитивное разделение труда в семье, основанной на полигамии, уже не будет отвечать требованиям времени. Женщина перестанет искать в таком супружестве защиту, и вот тогда-то можно будет издать закон, по которому мужчина обязан материально заботиться о детях. Пока же это не получается. Если бы мы и отменили родовой строй и полигамию — что вместо них мы можем предложить?

Правители и старейшины

В Того, как и в других странах Западной Африки, рядом с государственным управлением сохраняется традиционная родовая организация. Самое высокопоставленное лицо в племенной иерархии — это вождь.

Правительство поддерживает такую организацию потому, что оно хорошо понимает: государственный аппарат пока не способен взять на себя ее функции. Упразднение института старейшин пока нереально, поскольку внутренняя организация народов тесно связана с религией и любое насильственное вмешательство в такую структуру повлечет за собой серьезные изменения как в религиозной, так и в социальной об-

ластях. Поэтому правительство внимательно следит, чтобы между государством с одной стороны, родами и народами — с другой, дело не доходило до конфликтов. Старейшины и вожди обычно информируются обо всем, что правительство намерено осуществить на их территории, оно испрашивает согласия; они заседают во всех высших государственных органах, участвуют в государственных торжествах и всегда занимают почетное место рядом с главою государства. Они — представители феодальной аристократии, потому что в их власти решать судьбу членов рода и народа. Вождям и старейшинам отдается значительная часть заработка и доходов, если у членов рода есть постоянная работа, они делят землю рода между его членами, имеют право вершить суд и выносить наказания. Важнейшие вопросы решаются на советах рода, на областных собраниях или собраниях старейшин, на совете вождей.

Нам удалось познакомиться лишь со старейшиной из Вогана, в Приморской области. Мы приехали сюда в сопровождении офицера — представителя государственной администрации. Старейшина жил в древней военной крепости. О своем прибытии мы сообщили его секретарю, молодому человеку в джинсах и белоснежной рубашке. Молодой человек был любезен, держался с достоинством. Не произнес ни одного лишнего слова. Провел нас в кабинет старейшины, где стоял письменный стол с большим слоном из майолики и вазой с искусственными цветами, здесь же было несколько кресел и журнальных столиков, а на них пепельницы с рекламой кока-колы. На стенах, по которым расползлись пятна плесени замысловатой формы, висели пожелтевшие и покоробившиеся фотографии. На большинстве из них был запечатлен сам хозяин, увековеченный на различных торжествах и встречах с солдатами и политическими деятелями всех рангов. Некоторые фотографии давние, сделанные до провозглашения независимости Того. Старейшина тем самым, по-видимому, с гордостью сообщал о своих контактах с высшими чинами и представителями бывшей французской колониальной администрации. Здесь же был цветной портрет папы римского в богатой раме, на котором тоже сказалась влажность.

Мы ждали ровно полчаса. Так, видимо, требовал этикет. Степенно в кабинет вошел пожилой господин в красочной африканской тоге, но мусульманской ша-

почке. Его одежда и кабинет с портретом папы представляли собой удивительную смесь из традиционных верований, мусульманства и христианства. Видимо, он хотел подчеркнуть, что не отвергает ни одну из этих религий. Он направился к своему столу, не удостоив нас взглядом. Короткая аудиенция с нами шла только через секретаря. Это выглядело довольно комично, поскольку и с ним старейшина говорил по-французски. Секретарь спросил у нас, что мы будем пить, и, получив ответ, покинул кабинет, старейшина достал из стола транзисторный приемник и стал его слушать. Он вел себя так, как будто нас здесь не было. Разговор во время нашего визита, естественно, касался волейбола. Старейшина попросил молодого человека объяснить ему, что это за игра, задал несколько вопросов, выслушал, наклонив голову, и потом долго молчал. Наконец медленно и тихо произнес: «Это хорошо для Того». Секретарь повторил нам эти слова. Затем старейшина встал и извинился, что не мог нас угостить лучше, поскольку не был готов к нашему визиту. Поднялись и мы, молча ожидая, пока он пройдет по кабинету и за ним закроются двери. Во всей этой сцене было что-то театральное. Нас повели по темным коридорам, пахнувшим сыростью. Мы держались так же важно, как и наш сопровождающий, который, видимо, привык к таким представлениям.

Я долго думала о том, почему старейшина в Вогане говорил с нами через секретаря. Мне объяснил это один наш знакомый.

— Здесь принято считать, что старейшина, дабы не уронить свой авторитет, должен говорить умно и грамотно. Та форма беседы, свидетелями которой вы были, освобождает его от ответственности. Никто не возьмется утверждать, что ту или иную неудачную мысль он слышал непосредственно от старейшины. Здесь еще присутствует «оратор» (так их называют официально), который мог вопрос или ответ исказить. Это неплохо придумано.

После визита в Воган я уже и представить себе не могла, как будет выглядеть прием у самого вождя.

Его многочисленный род живет на окраине Лама-Кары. Это городок в городе, отделенный от окружающего мира стеной. В нем своя небольшая площадь и свои улочки между домиками и хижинами из кирпичей, покрытых жестью или соломой. Над крышами подни-

маются всклокоченные кроны пальм, стены строений увиты растениями. Перед хижинами группы женщин: одни плетут циновки, другие готовят сласти из арахиса. Вокруг них копошатся дети. Везде крик и смех. У вождя Батаско 18 жен, его род насчитывает около 200 человек.

Наш шофер был дома. Он со всеми здоровался, шутил и смеялся. На всем пути в Лама-Кару жили его родственники. Я и не пыталась понять, как он ориентируется в такой многочисленной родне.

По улочке между хижинами мы вышли к месту, где стояли, сидели, лежали группы сельских жителей в странном молчании и напряжении, которое так контрастировало с суетой и шумом вокруг. Их взгляд был устремлен на одну хижину. Туда направился и наш шофер, Батаско-младший.

В темном помещении без окон несколько мужчин лежали на полу. Я приостановилась, но в этот момент услышала, как кто-то сказал: «Прошу, мадам!» Только тогда я увидела прямо напротив дверей мужчину на полосатой кушетке. Наш шофер уже обнимался с ним. Мы осторожно перешагнули через мужчину, лежавшего на полу, и направились к говорившему.

— Мой шеф, его жена, — сказал Батаско-младший. С этой минуты он перестал быть шофером в гаражах Эйадемы и занял почетное место среди сыновей вождя.

— Приветствую вас в Лама-Каре! Как доехали? — произнес мужчина на кушетке, не меняя своей небрежной позы. Это был вождь кабре. Затем он встал, что-то сказал мужчинам, сидевшим вдоль стен комнаты, которых мы не заметили в полутьме, и вышел с ними из дома, сопровождаемый почтительными и немного боязливymi взглядами ожидавших его сельских жителей.

Вождь был крупный и рослый мужчина, на голове — вышитая круглая шапочка. При ходьбе он одной рукой придерживал широкую, яркую африканскую тогу. Но в целом выглядел довольно просто и не походил на монарха, на его живом, энергичном лице не было и следа чопорности.

Он провел нас во дворик, затененный развесистой кроной манго, где стоял столик, покрытый тонкой циновкой, и несколько стульев.

— Могу предложить коньяк, виски.

Муж отказался, потому что не исключал возможности, что ему самому придется сесть за руль. Сын вождя принял предложение с благодарной улыбкой.

— Но вы ведь не водите машину и выпьете коньяку,— обратился он ко мне и тут же добавил:— Европейские женщины предпочитают коньяк.

Мы выпили, и Батаско-руа, как его здесь называют, извинился: он должен нас покинуть, чтобы завершить судебное разбирательство. В темной хижине без окон, где произошло наше знакомство, проходил суд, и я поняла, что мужчины все еще лежат на земле и ждут приговора.

Когда вождь ушел, Батаско-сын кивнул мне, приглашая последовать за ним. Он провел меня в соседний дом, который отличался от остальных жилищ тем, что был построен из бетона и покрыт жестяной крышей. В доме на циновке, разостланной на полу, сидела старая женщина и перебирала просо, вокруг нее оновали куры, которым она время от времени кидала горсть зерна. Она не обратила на нас внимания. Да и мой спутник не удостоил ее взглядом и прошел прямо к фотографии на стене, снял ее, сдул пыль и смахнул паутину.

— Узнаете? — спросил он.

— Конечно, ведь это де Голль... а тот?

— Мой отец, когда он был в Париже,— сказал он, и его категорический ответ не мог вызвать ни малейшего сомнения в том, кто на фотографии главная фигура.

— О! — воскликнула я, как это здесь принято, и думаю, что именно такой реакции он и ждал.

Когда мы уходили, я спросила его, что это за женщина.

— Первая жена отца.

— То есть ваша мать? — удивилась я.

— Нет, я сын шестой жены отца,— сказал он.

Нашей всей группе предстояло отправиться в гости. Батаско-сын позвал двух мальчиков, приказал им взять два стула и идти с нами. Сам он взял третий. Со стульями мы ходили по домам, прилегавшим ко двору вождя. Батаско знал, что в некоторых домах есть только циновки, два стула были для нас, третий — для него. Остальных двух членов нашей свиты он не принимал во внимание. Они могли спокойно и постоять. Батаско давал ясно понять, что здесь они ничего не значат.

Мы познакомились с другими сыновьями вождя и могли лично убедиться, что и между ними существуют большие социальные различия и многое зависит от того, в каком порядке они появлялись на свет. Лучше всего были дома у сыновей от первых жен. Это уже были не хижины, а настоящие европейские дома, с мебелью и внушительным баром. Владелец одного такого дома, одетый в темные брюки и белую рубашку, работал служащим в местном банке и проводил здесь полуденную сиесту. Свой дом был и у другого сына вождя от первой жены, который, по всей вероятности, считался гордостью рода. Он получил образование в Париже и в правительстве Эйдаемы занимал пост министра благоустройства сельских районов. Это ему брат от шестой жены отца был обязан местом шофера. Но к данной работе относились с должным почтением, потому что шофер принадлежал к элите и хорошо зарабатывал.

Визиты были непродолжительными. Как правило, африканцы ограничиваются обменом короткими фразами, слушают, улыбаются, но сами ни о чем не спрашивают. Лишь те, кто находились на высшей ступени общественной лестницы, интересовались целью нашей поездки.

Только теперь мы обратили внимание, что у Батаско с собой был магнитофон. По дороге он записал некоторые разговоры, выступления по радио и теперь «угощал» всем этим, особенно своих знатных братьев, как бы желая показать, что он также кое-что значит и с ним следует считаться.

Наконец мы вернулись туда, откуда начали свои визиты. Вождь уже ждал нас. Он согласился сфотографироваться с нами, извинившись, что не одет должным образом для такого случая. На нем не было парадной белой шапочки, которую я видела на фотографии с де Голлем.

Он живо интересовался волейболом и просил совета, как популяризировать эту игру. Потом сказал:

— Я знаю, что в Европе этот спорт очень распространен. У вас также, не правда ли? Поэтому мы и пригласили тренера из Чехословакии. Один из моих сыновей поедет в Братиславу в институт физкультуры. Он немного побаивается, потому что не умеет плавать, а там, говорят, это необходимо. Я думаю, что он этому научится?

Мы заверили его, что это несложно.

— Он показал мне некоторые проспекты и книги. Если судить по ним, ваша страна на высоком уровне. И там красиво. Вот о чем я хотел бы вас спросить. Где находится Аустерлиц? Тот, где состоялось сражение трех императоров. Это в вашей стране или в Австрии?

— Это у нас, на Мораве,— сказал мой муж,— это чешский город Славков.

— Славков? Я этого никогда не слышал,— произнес он и задумался.— Знаете, Наполеон сделал большую ошибку, что пошел на Россию. Ему надо было поостеречься: там еще никто не побеждал.

Потом он сказал:

— Но французы не очень хорошо играют в волейбол, правда? Как вы это объясните, мсье Киндр?

Мсье Киндр пожал плечами и улыбнулся:

— Трудно сказать. У каждого народа свой спорт.

— Возможно, вы правы,— кивнул вождь.

Он был очень образованным человеком, прекрасно знал французскую историю и культуру. Его французский язык был блестящим. Я бы не удивилась, если и он учился в Париже.

Прежде чем мы попрощались, он спросил о сыне, как спрашивают учителей родители. Муж сказал, что вполне удовлетворен его работой. Тут Батаско-старший обнял своего сына за плечи и сказал:

— Я доволен, он хороший мальчик.

Вечером Батаско-сын попросил отпустить его, чтобы навестить своих жен. Мсье Киндр не возражал, но представитель федерации, маленький, кругленький мина Удаху, сказал неприязненно:

— Вы здесь в частной поездке или на работе?

— На работе,— ответил Батаско,— но я бываю здесь раз в год, а как у меня появятся новые дети, если я не смогу навестить своих жен?

Встреча с соотечественниками

Лама-Кара небольшой город, число его жителей достигло 23 тыс. Через город протекает р. Кара с берегами, поросшими травой, островками и массивным бетонным мостом. В сезон дождей русло реки быстро заполняется мутной водой, которая также быстро спадает. Паводок длится два, три часа, и река спокойно

продолжает свой путь, как будто ничего и не происходило.

На юге два сезона дождей. Первый, так называемый большой, с конца мая до конца июля, второй — в сентябре — октябре. На севере, в Области саванн, сезон дождей только один, в августе — сентябре.

Сезон дождей — это вовсе не значит, что с неба низвергаются нескончаемые потоки воды. В это время бриз приносит на континент тучи, которые заволакивают все небо и создают мутный светонепроницаемый фильтр. Конец загару — влажность воздуха достигает на юге 100%. Дождь начинается почти регулярно около четырех часов, иногда чуть позже, и длится почти два часа. Небо затянуто грозowymi черными тучами, ползущими низко над землей, похожими на куски разорванной материи. Неожиданно может подняться сильный ветер, который гнет деревья к земле, срывает листья с кустарников, несет клубы пыли, а иногда сносит и крыши с хижин. Темное небо внезапно прорежет первая молния, и сразу же начинается нечто невообразимое: ослепительные голубоватые молнии по всему небу сверкают одна за другой, земля вздрагивает от грохота грома, ветер спадает и на землю обрушивается вертикальной стеной такая лавина воды, что ничего не видно на расстоянии шага. В несколько мгновений все оказывается под водой. Улицы превращаются в реки, площади — в озера. Но даже в эти минуты, когда кажется, что наступает конец света, жизнь не останавливается. Дети бегают в радостном возбуждении под дождем, женщины закрывают свои палатки на базарах, спасают жилища от потоков воды, мотыгами прорывая обводные каналы. Вокруг хижин они расставляют сосуды, в которые собирают воду. От автомашин во все стороны летит водяной веер. И вдруг все прекращается. Как будто там наверху кто-то закрыл кран. Вода быстро испаряется, воздух насыщается теплым паром, и на успокоившемся небосводе появляется радуга — символ примирения и жизни.

Впервые мы попали в такую бурю на побережье, и красота разбушевавшейся стихии быстро поборол в нас первоначальный страх. Мощная буря застигла нас в Лама-Каре. Она пришла с опозданием, и мы не были к ней готовы. Крыша машины превратилась в тамтам. Щетки напрасно пытались справиться с потоками воды. Не оставалось ничего, как зажечь фары

и ждать, пока стихия успокоится, чтобы тогда продолжить свой путь в гостиницу. Этой гостиницей было общежитие наших соотечественников.

Не зря говорится, что чеха встретишь везде. Здесь их было целых семеро. Четверо бурильщиков, механик, геолог и заготовитель. Мы знали о них. С геологом д-ром Яном Грубым мы познакомились еще в Ломе, где жила его жена с двумя дочерьми. Здесь они работали по договору с западногерманской фирмой «Уранерц-бергбау», вели геологическую разведку.

Гостиница представляла собой одноэтажный домик над городом, откуда они ездили к месту своей работы. Работали и днем и ночью сменами по девять часов. Встречались за завтраком и ужином, а потом одна группа шла отдыхать, другая — на смену. Выходные были только в воскресенье. Они ходили в кино или развлекались по-чешски: пели чешские песни и вспоминали родину. В уютных комнатах висели открытки с видами Чехословакии, фотографии жен, детей и внуков. Чешские геологи постарались создать здесь привычные для себя условия, научили местных поваров готовить чешские блюда.

— Сначала было плохо, — рассказывали они, — можете себе представить — одна баранина и приправа, которую бросали лопатой! Надо иметь луженый желудок, чтобы это переваривать. Мы написали домой с просьбой прислать рецепты и начали готовить кнедлики, картофельные оладьи, суп. Теперь жить можно. Разве наш брат проживет без кнедликов и супа!

— Наш механик — заядлый рыболов, он тут же сделал удочку из бамбука и по воскресеньям начал часами просиживать на берегу Кары. Но эти проказницы как сговорились: ни одна не клюет. Терпения его хватило ненадолго, и он быстро бросил это занятие. Местные жители, говорят, берут их руками. Должно быть, знают секрет.

Вначале договор был заключен на девять месяцев, но работа растянулась на год, немецкая фирма была ими довольна. Они могли бы остаться и на следующий год, поскольку местные фирмы тоже проявляли к ним интерес; в общем, недостатка в работе не было.

Их дом на холме на несколько дней стал и нашим домом, а это позволило увидеть их жизнь и работу. Однажды они взяли нас с собой на работу. Самым главным здесь был д-р Грубый, которому подчинялась

и группа западногерманских геологов. Он определял место бурения.

— А как вы это делаете? — спросили мы, очутившись в буше.

— Очень просто, — сказал он с улыбкой. — Беру шашку, бросаю ее в чашу, куда она упадет, там и бурим.

Это была, конечно, шутка. Мы хорошо знали, что он исползал на коленях с кайлом весь участок, несколько дней изучая состав почвы.

После определения места бурения к нему прокладывается дорога и перевозится буровое оборудование — затем уже начинается работа бурильщиков. Трехметровые образцы породы, поднятые с глубины 200—250 м, укладываются в ящики в порядке их подъема. Образцы все пронумерованы. Только когда глубина скважины достигает 250 м, собранные образцы увозятся и передаются фирме. Бурильщики по договору должны были пробурить 4 тыс. м породы. Главное условие — поднимать целые образцы породы. Это требовало немало опыта и, конечно, сноровки, тем более что буры преодолевали такую твердую породу, как гнейс²⁷. Это предъявляло значительные требования и к самим бурам. Бурильщики пользовались советскими установками СБА-500, которые привезли с собой. Западногерманские геологи иронически поглядывали на установки, которые были внушительных размеров и выглядели довольно громоздкими. Но наши бурильщики не обращали на это внимания. У них был опыт работы с этими машинами, и они верили в них. Через девять месяцев работы в невероятно трудных условиях они еще раз удостоверились, что на советские машины можно положиться. У чехословацких бурильщиков были самые лучшие результаты и ни одной аварии. А авария на 200-х м бурения означала потерю 40 тыс. западногерманских марок. Только один раз случилась неприятность на глубине 150 м, но механику через два дня удалось освободить прихваченный бур. Этот механик вообще был из числа самых замечательных людей, на его работу приходили смотреть и местные механики. Чешские бурильщики заслужили уважение всех, кто здесь работал. Они умело организовывали работу,

---

²⁷ Гнейс — массивный, обычно полосчатый кристаллический сланец гранитоидного состава. — *Примеч. перев.*

точно соблюдали сроки даже в тяжелых условиях. То, что чехи пользовались расположением своих помощников-африканцев, которые с ними переезжали с места на место и гордились тем, что могли работать именно с ними, нельзя было считать случайностью. Через несколько месяцев они уже знали много чешских слов, а некоторые даже получили чешские имена. В чешской бригаде царила дружеская атмосфера. Местные рабочие так гордились своей работой, что не снимали белые каски даже в воскресенье, даже в самую страшную жару — и с достоинством вышагивали в них по улицам Лама-Кары.

Метрах в двух от буровой вышки, цистерны с водой и двигателя был натянут навес из брезента. Два колышка наклонно вбиты в землю. Он защищал от солнца. Но когда случался ливень, работу приходилось прекращать и прятаться в джипе. У каждого бурильщика было два помощника-африканца.

— А вам не страшно здесь ночью? — спрашивала я бурильщика из города Чески-Крумлов.

— Страшно или нестрашно, что от этого изменится, — смеялся он. — А впрочем, кого нам бояться?

— Например, змей или зверей.

— Зверей здесь нет, змей тоже немного. Видел нескольких, но на человека они не бросаются. Здесь только насекомые и скорпионы. Этих хватает. Летят на свет. Но должен сказать, что наши африканские друзья боятся оставаться здесь на ночь. Однажды произошел такой случай. Ночью прибегает один из моих помощников с безумными глазами и кричит, что его укусил скорпион. Я останавливаю двигатель, сажаю Бивоя, так его зовут, в джип и везу в город. В Лама-Каре вполне приличная больница, но сторож нас не пустил. Все равно там ночью нет врача. В конце концов позвал нам дежурную сестру. Она сразу поняла, в чем дело, но нужной сыворотки в больнице не оказалось. Написала ее название на листке бумаги и велела съездить за ней в аптеку. Разбудили аптекаря, купили сыворотку и скорее назад. Я его оставил в больнице, а сам вернулся к буру. Бивой приехал на другой день, как будто ничего не произошло. «Ты уже здоров?» — спросил я его. А он в ответ только блеснит зубами. «Черт бы тебя побрал, укусил тебя скорпион или нет?» А он еще пуще заливается. «Ну, подожди, ты у меня получишь в следующий раз скорпиона!» Я так и не узнал, укусил

его скорпион или нет. Только, думаю, если бы это произошло, он бы так легко не отделался. Но кто знает, эти люди очень выносливы.

Рассказывали и другой случай, который подтверждал, что работа в буше постоянно сопряжена с опасностью.

Геолог западногерманской фирмы поехал исследовать местность. Машина перевернулась, он остался жив, но ему раздробило руку. Он был один в буше, и ему грозила смерть от потери крови. Геолог сам обмотал руку и направился к главному шоссе. Он прошел целых 12 км. На шоссе его подобрал какой-то парень на мотоцикле и отвез в больницу, где руку пришлось ампутировать.

— Это, правда, может случиться где угодно,— закончил свой рассказ чешский геолог,— но самое скверное здесь то, что человек в буше один. Опасность подстерегает на каждом шагу, и об этом нельзя забывать. Однако сознание того, что мы помогаем молодым африканским государствам использовать свое богатство, приносит нам чувство удовлетворения. Мы горды тем, что в Того нас действительно уважают...

В воскресенье мы собрались все вместе. Вспоминали родину, шутили, пели песни. И неожиданно один из бурильщиков сказал:

— Расскажите нам о Того. Мы о нем ничего не знаем. Ездим только из Лама-Кары в буш и обратно. А дома думают: они увидели кусок мира...

Ну, что ж, мы рассказали им о Того.

АФРИКА ДУМАЕТ О БУДУЩЕМ

На дорогах и бездорожье

Встреча в Лама-Каре заранее не планировалась. Областные инспекторы из Манго и Сокоде должны были созвать председателей окружных федераций волейбола, а где они еще не созданы — учителей, которые помогли бы их организовать. Однако это не было сделано вовремя, и инструктаж для тренеров и судей хотели отложить. Но тренер Киндр сказал, что это напрасная трата времени, и его поддержали члены нашей группы.

— А что вы предлагаете? — поинтересовались инспекторы.

— Поедемте в округа.

Был разработан план и посланы телеграммы представителям округов и федераций; куда было возможно, позвонили по телефону. А затем началось наше странствие между областными городами Сокоде и Манго.

Того с административной точки зрения разделено на пять областей. На юге — Приморская область, с ней соседствует Область плато, затем Центральная область, Область Кара и на севере Область саванн. В свою очередь, эти области делятся на двадцать два округа.

В областных городах работают инспекторы по делам молодежи и спорта, им подчиняются председатели областных и районных федераций, работающие на общественных началах. Инспекторы отвечают и за физическое воспитание в школах.

Первый визит обязательно наносился председателю окружного комитета, который был заранее информирован о нашем приезде, он и собирал спортивных функционеров. Везде нас встречали очень дружески. К волейболу проявляли большой интерес, но мы не всегда были убеждены, не знак ли это лишь вежливости?

Долгих десять дней и ночей мы находились вдали от столицы, проехав большой путь по пыльным и тряским дорогам. Только в первый день цвет наших лиц и одежды вызывал удивление друзей-африканцев. Потом мы уже привыкли к латеритовому²⁸ налету на всем, что нас окружало. Не раз мы сбивались с дороги и после долгой езды вновь оказывались на том же месте. У нас не было карты, а указателей здесь пока еще нет. Когда такое случалось днем, мы еще не так волновались. Хуже было в темноте: нас окружала таинственная природа, и мы опасались, что наш «Рено» рассыплется до того, как попадем на шоссе.

Останавливаясь где-нибудь на площади, мы тут же оказывались в кольце детей, которые по слогам читали надпись «Ministère...» на борту нашей машины. Обычно наши маршруты завершались у префектуры, небольшого домика с крытой террасой, над входом в который развевался тоголезский флаг, а на стендах внутри были развешаны газеты и плакаты. Чаще всего на них был изображен генерал Эядема. Вокруг префектуры сидели и стояли местные жители в ожидании приема.

²⁸ Кирпично-красный или светло-бурый.

В небольшой городок Басар мы приехали вскоре после полудня. Мы намеревались поговорить с префектом округа, но молодой человек, охранявший вход в его резиденцию, сказал, что префект отдыхает и его нельзя беспокоить. Жители, сидевшие тут же на скамеечках, молча кивали головами, как бы подтверждая достоверность его слов.

— Разбуди его, мы из министерства,— решительно сказал Агаджи.

Но молодой человек только отрицательно покачал головой:

— Не могу, у префекта сиеста.

Мы уселись в тени и стали ждать, пока глава округа выспится, а за нами продолжали с любопытством наблюдать местные жители и дети.

Только через час в дверях канцелярии появился префект округа, он сердечно нас приветствовал, заверяя, что рад нашему визиту. Он сразу понял, о чем идет речь, сказал, что видел волейбольный матч, сам поклонник волейбола и сделает для его развития все, что в его силах. Доброжелательность и энтузиазм нас успокоили. Но тут произошла заминка. Он вдруг стал серьезным и заявил, что все не так просто: надо построить площадку, столбы для нее еще можно найти, но где взять сетку и мячи? Агаджи обещал, что министерство им поможет, однако надо и самим проявлять инициативу. Важно начать, подыскать способных игроков, которых бы заинтересовал волейбол. Префект согласно кивал головой, прикрывая при этом глаза, как бы впадая в сон. Потом он сказал, что доверил организацию волейбола одному учителю, с которым нам и следует поговорить об этом.

Из префектуры мы направились с визитом вежливости к традиционному вождю, который жил недалеко. Так было принято. Префект сопровождал нас.

Вождь — старик со слезящимися глазами, почти глухой. Думаю, он вообще не понял цели нашего визита, но уверял нас в своей лояльности к правительству и генералу, спрашивал о его здоровье, интересовался, что нового в Ломе. Мы подарили ему плакат, который знакомил с правилами игры и размерами площадки. Он был очень тронут.

В числе добровольцев энтузиастов физкультуры и спорта больше всего учителей, и с ними было легче вести переговоры. Это оказались самоотверженные и

энергичные люди. Некоторые из них уже прошли различные курсы и сразу же приступили к работе. Они были очень изобретательны и не ждали, пока им кто-то создаст условия. Я видела, например, сетки, сплетенные из пальмовых ветвей или тонких бамбуковых прутьев. Вспоминаю, как меня растрогал приезд на велосипеде в Бафило, где мы остановились, одного сельского учителя, а было уже довольно поздно. Оказалось, он ничего не понял в правилах игры. Инструктаж затянулся до темноты, и тренер Киндр при свете карманного фонарика показывал ему приемы: атакующий удар и блок. Все это походило на магию волшебников; в темноте были видны только белые руки и лицо, напоминающее светящуюся маску.

В процессе подготовки судей труднее всего было внушить им, что они должны руководствоваться только правилами игры и не реагировать на эмоции игроков и зрителей. Судьи часто колебались, меняли свои решения и вступали в продолжительные дискуссии на площадке. У них отсутствовали самостоятельность и твердость, а следовательно, и уверенность. Это происходило, возможно, потому, что в повседневной жизни им не приходилось самим принимать решения. Роль судьи как бы противоречила их образу мышления. Они быстро теряли уверенность, их приходилось долго убеждать, заставляя доводить матч до конца. Это были не соревнования мастеров, речь шла не об очках, не о занятии места в таблице, и все-таки у судей сдавали нервы. Они успокаивались, только когда Киндр вставал рядом и жестами или замечаниями давал понять, что их решения правильны.

Именно эта поездка подтвердила, какими ценными помощниками оказались методические и наглядные пособия, которые мы везли с собой. Это была единственная литература и единственное руководство по волейболу. Ничего другого в Того не существовало. Мсье Киндр собрал все материалы вскоре после своего приезда в Ломе. Об издании хотя бы небольшой брошюры нечего было и думать, но в министерстве эти 50—60 страниц размножили на ротаторе и сброшюровали. Так получилось методическое руководство, содержащее основную информацию об этом виде спорта. Кроме того, тренер национальной сборной решил издать три плаката с размерами площадки и основными сведениями о волейболе, включая правила игры. В мини-

стерстве эта идея была встречена с одобрением, когда же пришло время ее осуществлять, возникли непреодолимые трудности. Тренер сам графически оформил плакаты, даже нарисовал фигурки игроков, но оказалось, что нет бумаги, нет красок, нет типографии. «Вооружившись» этой причиной, стали высказывать сомнения, нужны ли они вообще и не может ли тренер по волейболу, как тренеры других видов спорта, обойтись без них. И в это время появляется немецкий пастор, о котором я уже рассказывала. Как будто его послало само небо. Идея с наглядными пособиями ему понравилась, а преодолевать непреодолимые трудности было смыслом его жизни. «Это прекрасная идея,— сказал он,— а прекрасные идеи надо претворять в жизнь». Он сделал запись в своем блокноте, и через неделю мы увидели его снова, уже издали он улыбался. Пастор нашел типографию, где пособия отпечатают, хорошо, если бы мы с ним туда съездили. Он привел нас в старую типографию, принадлежавшую одному немцу и, видимо, чудом уцелевшую. (Может быть, для того, чтобы отпечатать наши пособия?!) Владелец типографии, пожилой человек в круглых очках, долго мялся, говоря, что красиво не получится, что мы в Европе привыкли к лучшей печати и т. д. Но с помощью пастора мы его убедили, что для нас это не главное, важно, чтобы наглядные пособия появились на свет. В конце концов он дал себя уговорить. Действительно, получился не шедевр. Печать была плохой, но прочесть можно, каждый плакат печатался на двух листах, которые мы дома склеивали — бумаги больших размеров не было. Когда мы торжественно вручили пастору первые три экземпляра, он сказал, что более красивых плакатов никогда не видел. Мы были с ним полностью согласны.

Иногда я оставляла мужа с его волейболом и отправлялась в сопровождении шофера по окрестностям. Наши спутники благословляли меня на такие прогулки, добавляя в шутку, что волейбол в большой дозе может оказаться вредным для жены тренера сборной страны.

У селения Канте, севернее Лама-Кары, я впервые увидела поле арахиса. Арахис — небольшое травянистое растение, похожее на клевер, с желтыми цветочками, высотой 25—75 см. У нас все еще их называют бурскими орешками. Растение принадлежит к семейству бобовых, как горох, чечевица, фасоль. Завязь после оплодотворения погружается в землю гинофором (удлинен-

ное цветоложе), вырастающим из ее основания. Созревают только те плоды, которые достигнут земли, поэтому она должна быть рыхлой. Созревшие стручки сушат на солнце, поскольку они подвержены плесени. Африканцы едят их сырыми и жареными, готовят из них много различных лакомств. Прародина земляного ореха — Латинская Америка, откуда в XVI в. его завезли в Азию, а затем в Европу и Африку. Почему в Чехословакии они получили название «бурские орешки» — это особая история. Впервые арахис появился у нас, когда в Южной Африке бушевала бурская война. О ней много говорили и писали; так вкралась ошибка, которую теперь уже никто не исправит. В Южной Африке «бурские орешки» никогда не выращивали. Самым крупным их поставщиком считается Западная Африка, прежде всего Сенегал и Гамбия, которые даже заслужили название арахисовых республик. Арахис уже давно перестал быть лакомством. Это — важное сырье для производства масла. По статистике, которая никогда не бывает точной, в Того ежегодно выращивают около 17 тыс. т земляного ореха, в основном для внутреннего потребления. Главный район его выращивания — север.

Шофер Батаско хотел мне показать, как выглядят созревшие стручки. Он вырвал около десятка стебельков, однако все они были пусты. Я чувствовала себя неловко, потому что нас сопровождали сельские жительницы. Наконец он нашел в земле несколько стручков и протянул их мне.

— Не стоило причинять такого вреда, — сказала я.

— Чего там, не обеднеют, — махнул он рукой.

Но когда мы проходили мимо женщин, я вложила в руку одной из них десять франков, чтобы не оставлять греха на своей совести.

В Канте я присела перед префектурой отдохнуть. Мимо проходили двое солдат, делавшие обход, а за ними полуодетый мужчина с нечесаными волосами, в которых была солома. По его лицу блуждала странная улыбка. Заметив меня, он направился прямо ко мне, издавая нечленораздельные звуки. Я быстро поднялась и направилась к префектуре. Человек пошел за мной. Кожа на его теле была сморщенной и висела складками. Солдаты повернули и подошли к нам. Они не сказали ему ни слова и не отогнали. Только молча встали между нами. Мужчина тихо застонал и медленно отошел. Солдаты рассмеялись, заметив мой испуг.

— Кто он? — спросила я их.

— Да это один...

— Душевнобольной?!

— Да, больной,— сказал один из солдат.— Он ничего бы вам не сделал, он только хотел к вам прикоснуться.

Это была моя первая встреча с таким больным. Потом я видела их не только в селениях и небольших городках, но и в Ломе. Среди них были и молодые, рослые и физически крепкие мужчины, и высохшие старики и старухи. Они вели себя, действительно, тихо. Непринужденно прогуливались по базарам и главным улицам Ломе. Никто на них не обращал внимания. Африканцы считают их неотъемлемой частью своей жизни, всегда подкармливают и предоставляют кров. Душевную болезнь они объясняют вмешательством нечистой силы.

Путешествие по Северному и Центральному Того близилось к концу. Настроение в нашей группе было приподнятым, все испытывали удовлетворение от проделанной работы. Никто, конечно, не думал, что после нашего посещения везде сразу же начнут играть в волейбол. Наоборот, наверняка где-то все снова замрет, пока не начнется очередная кампания. Но важно было закрепить достигнутое. Те, от кого зависело развитие волейбола, получили методические указания и наглядные пособия.

— Это единственное, что останется от всего нашего дела,— смеялся тренер Киндр и тут же добавлял, что это не так уж мало.

Агаджи и Удаху были настроены более оптимистично и утверждали, что теперь волейбол станет настоящим «фаворитом» в спорте.

— А как вы считаете? — спросил меня преподаватель Агаджи.

— Мне для полного счастья не хватает тропического леса.

— Его вы увидите в Баду, мадам,— сказал Удаху.

В тропическом лесу

Баду — город в Западном Того, всего в нескольких километрах от границы с Ганой. Он расположен в красивой долине, окруженной горами, цепь которых про-

тянулась от Кпалиме на юге к Сокоде на севере. Это самая богатая и самая плодородная область Того. Здесь выпадает максимальное количество осадков (1700 мм в год) и поэтому влажность самая высокая. Это район какао и кофе. Здесь живут акпосо, западная ветвь эве, которые, как гласит традиция, также пришли из Нуа-тии, исконной родины народа. От набегов ашанти со стороны Ганы они укрылись в горах, которые не очень высоки — самая большая достигает 780 м, — но обеспечили им надежную защиту. Они выращивали особый сорт проса — *фонфо*, обменивали продукты на каучук. Только после прихода немцев, которые начали закладывать плантации кофе и какао и нуждались в рабочей силе, местные жители, одни добровольно, другие по принуждению, вернулись в долину.

Из Атакпаме мы ехали по хорошему шоссе, поднимавшемуся в гору, крутые повороты становились все чаще. Наш шофер, привыкший ездить по ровной местности, вдруг потерял обычную уверенность, а неожиданные повороты, скрытые высоким кустарником и травой, выводили его из себя. Перед каждым он останавливался и сигналил и если бы не стеснялся, то, вероятно, вышел бы из машины и пошел посмотреть, не едет ли кто навстречу. Мсье Киндр сидел как на иголках и наконец предложил Батаско уступить ему место за рулем. Батаско удивленно качал головой, продолжая жевать стебель *чванце*. Его уважение к мсье Киндру еще более возросло.

Сверху открывался прекрасный вид на долину и обрывы с множеством оттенков зеленого цвета: от темного и яркого до нежного светлого, почти желтоватого. Только в руслах речек сверкали красные цветы олеандров, а у шоссе можно было видеть красные листья.

Наших спутников эта красота не трогала, они оставались безразличными к ней, хотя попали в горы впервые. А когда я просила остановиться, чтобы посмотреть вниз, они поднимали отяжелевшие веки и говорили:

— Мы туда приедем, и вы сможете увидеть все это вблизи.

Снова я получила подтверждение тому, что тоголезцы пресыщены красотой и красками своей природы, даже самый прекрасный пейзаж не пробуждал у них особых чувств. Я увидела на склоне вдоль шоссе необычное дерево с жесткими, остроконечными листьями,

напоминающими языки. Раньше его не встречала и спросила Удаху, как оно называется. Он безразлично пожал плечами:

— Бесплезное...

— Но название у него все же есть?

— А зачем ему название, если оно бесплезное? — удивился он.

— У всех растений есть названия, — настаивала я, — но, возможно, вы его не знаете...

— Растения и деревья, от которых нет никакой пользы, не заслуживают названия, так у нас принято в Африке, — повторил усмехаясь Удаху, как бы уличая меня в незнании простейших истин жизни.

Баду производит прекрасное впечатление. Симпатичные низкие домики, чистые улицы, масса цветов и зелени. Здесь есть современный отель и первый в Того мотель, что говорит о намерении развивать в стране туризм.

В отеле, где мы поселились, к нам подошел европеизированный африканец лет тридцати и спросил, не нужна ли его помощь. Нас это не удивило. Мы уже привыкли к тому, что нам предлагали свои услуги совершенно незнакомые люди, и следует добавить, совершенно бескорыстно: никто из них не требовал вознаграждения и даже не ждал благодарности. Для них это было естественно, само собой разумеющимся, для нас — необычным. Того же, конечно, африканцы ждали и от нас. Сначала нам казалось, что они неблагодарны и неспособны должным образом оценить ни подарок, ни услугу. Мы обычно думаем, как отблагодарить, африканцам такой образ мыслей чужд. В них нет ни расчетливости, ни опасения быть кому-нибудь обязанными. Они устанавливают контакты очень просто и естественно. Достаточно улыбки, приветствия. Люди проявляют интерес к собеседнику, и вопрос «как дела?» здесь не условность, за ним сразу следует второй — «как тебе помочь?».

Подошедший к нам молодой мужчина оказался председателем партии ОТН в Баду и директором государственного сельскохозяйственного центра с обширными плантациями бананов, какао, кофе. Он изучал в Сорбонне биологию, вначале хотел заняться наукой, но стремление применить свои знания на практике победило. За короткое время он добился блестящего общественного положения и благополучия.

Я никогда не видела, как растут деревья какао.

— Это просто,— сказал он.

Утром меня ждали несколько местных жителей с мачете. Вскоре появился и сам хозяин, как называли здесь директора, и сказал, что мы можем отправляться. Тут он заметил мою растерянность и спросил:

— Вы ведь хотели посмотреть тропический лес?

Я объяснила ему, что собиралась сделать снимки, а такая многочисленная свита мешает мне.

— Понимаю,— сказал он,— а если с вами что-нибудь случится? Вы бывали уже в таких лесах?

— Но деревья какао растут ведь на окраине леса?

На мгновение он задумался и потом согласился:

— Хорошо, но далеко не заходите.

Тропический лес начинался уже на краю городка. Я прошла по высокой траве и очутилась в зеленом полумраке. Как будто за мной опустился занавес, скрывший ясный день. В густых кронах деревьев раздавалось пение птиц, сливающееся в единый звук. Я пробиралась через густой папоротник, который был выше меня, спотыкалась о поваленные деревья, с интересом разглядывала ящериц, разбежавшихся в разные стороны, огромных разноцветных гусениц и пестрых бабочек. Я впервые встретила такой толстый бамбук, который с трудом мог бы обхватить человек. С деревьев свисали гирлянды лиан. Подняв глаза, я увидела над собой непроницаемый зеленый потолок, казалось, состоявший из нескольких этажей или галерей, и ни клочка неба. Все деревья и растения переплелись, устремившись ввысь, к свету и солнцу. Почти на каждом шагу менялись запахи: то одуряюще сладкие, то раздражающе резкие запахи трав, папоротника или гниющих стволов. Уже спустя несколько минут я оказалась совершенно мокрой: зеленый потолок не пропускал не только солнечный свет, но и влажный воздух. Стало ясно, что фотографировать не придется. Все вокруг было зеленоватым и бледным. Мои руки — неестественного зеленого оттенка. Вспомнились наши леса, которые осенью изобилуют красками. Здесь увядающие листья поблекшие, но все же зеленые или зелено-желтые. Мелкие белые или желтые цветы, взбиравшиеся по стволам деревьев, тоже отсвечивали зеленым. Что это за деревья? Какие-то из них я, возможно, и узнала бы, если бы увидела крону. Какие-то. Здесь их более трехсот видов, среди них и такие, у которых действительно нет названия.

Тропический лес втягивал меня в свою утробу. Он становился все гуще и таинственнее. Плотные заросли за мной мгновенно смыкались: не оставалось ни тропинки, ни следа. Вначале я испугалась. Казалось, что меня заточили в лианы, опутали руки и ноги; я боялась оступиться. И бамбуковые заросли становились чем дальше, тем все гуще, а когда я к ним прикоснулась, они издали сухой треск. Идти дальше я не решилась. Но где же деревья какао? Ведь они должны быть на краю леса? Или я прошла их? Я повернула и понемногу стала прокладывать себе дорогу назад.

В конце концов я нашла то, что искала. Тропический лес неожиданно поредел, и низкий подлесок исчез. В тени высоких развесистых деревьев я увидела маленькие деревца, у которых на беловато-серых стволах и толстых ветвях висели плоды, похожие на золотистые мешочки. Не было никаких сомнений: это дерево какао. Его высаживают в тени деревьев, где достаточно влаги. В плодах какао пять гнезд со множеством семян, погруженных в мякоть. Собранные плоды заворачивают в банановые листья и оставляют так на неделю. В это время они выглядят не очень привлекательно, даже создается впечатление, что они портятся: из них вытекает густой сок, скорлупа размягчается. После недельного «брожения» семена сушат, мелют в порошок, который и является основным сырьем для производства шоколада. Дерево какао плодоносит целый год. Одновременно цветут и созревают новые плоды. Дерево какао начинает давать плоды только на пятый год. В Того его завезли в 1876 г., но первые плантации начали закладывать немцы, хорошо понимавшие, какую они принесут прибыль. Сегодня Того вывозит около 11 тыс. т какао-бобов в год. Плантации страны очень пострадали в 1938 г., когда деревья какао оказались пораженными болезнью, и в 1945 г. от неизвестного вируса, против которого использовали опрыскивание, но, к сожалению, все больные деревья пришлось вырубить. Значительное количество какао-бобов провозится контрабандой в Того из Ганы. Их перевозят через границу на грузовых автомашинах, никто и не пытается этому воспрепятствовать. Эве из Ганы хорошо зарабатывают на этой контрабандной торговле, потому что в Того твердая валюта и хорошая цена на какао-бобы. В этом, должно быть, одна из причин процветания пограничных городов Того.

Я фотографировала деревья какао, ходила от одного деревца к другому: искала лучшее освещение. И вдруг почувствовала, что кто-то наблюдает за мной. Посмотрела вокруг и увидела африканца, который прятался за деревом. Я сделала несколько шагов и заметила, как он перескочил от одного дерева к другому. Меня охватил страх. Африканец мне показался огромным, в его руке сверкнуло мачете. Теперь уже было не до деревьев какао. Я сбежала со склона, на котором располагалась плантация, перешла каменистый ручей и стала быстро пробираться сквозь траву и папоротник. Мой преследователь прибавил шаг. Он неотступно следовал в нескольких десятках метров от меня. Я сильно ударила обо что-то ногу. Тут меня охватила паника: я заблудилась! Но наконец добралась до края леса, задыхающаяся и взмокшая, даже не осмотрела ссадины. Африканец исчез, я немного успокоилась.

Об этом своем приключении в тропическом лесу я вечером рассказала директору центра. Сначала он серьезно слушал меня, а потом рассмеялся. Оказалось, что это он тайно послал за мной мужчину.

— Тогда почему же он от меня скрывался?

— Вы ведь хотели, чтобы вам никто не мешал? Я приказал ему быть поблизости, но не обнаруживать своего присутствия. Получит выговор — плохо выполнил задание, — рассмеялся директор.

Мы сидели в ресторане и тщетно пытались включить музыкальный комбайн.

— Знаете что, — сказал директор, — если вы не возражаете, поедemте ко мне. Я получил новые пластинки из Парижа.

Было не очень поздно, но на улице — кромешная темнота. Такая темнота бывает здесь только в сезон дождей. В Баду нет электрического освещения. Лишь кое-где можно было видеть тускло светящиеся квадраты окон и блики света от карманных фонарей. Время от времени во тьме промелькнет лицо. Когда попадаются прохожие, они светят фонариком прямо в глаза, чтобы узнать встречных.

Дом директора стоял в 20 км от Баду. «Пежо» полз в гору, шины поскрипывали на поворотах. В свете фар внезапно возникали серебристые заросли или стена туннеля, сплетенного из кустов и деревьев. В следующее мгновение машина опять ныряла в темноту. Мы свернули на узкую дорогу, обрамленную деревьями,

которые выхватывал из темноты свет фар, проехали вдоль забора из бамбука и оказались перед входом в сад.

Первое впечатление — попали в сказку: деревья и газоны подсвечены разноцветными огнями, в центре этой красоты — современный дом, белый и величественный, на берегу небольшого озера с водяными лилиями. У входа нас ждал слуга в белоснежном пиджаке, он с почтением поклонился и молча провел нас внутрь.

В ярко освещенной гостиной с резными стенами и полированной мебелью было несколько уютных уголков и бар. Одна большая стена представляла собой огромное панно резьбы по дереву. Она сразу же привлекла наше внимание. Это прекрасный образец самобытного африканского искусства.

Наш хозяин, видимо, был польщен произведенным на нас впечатлением.

— Это сделано из одного куска дерева, — сказал он. — Работали десять резчиков.

Удачу постучал по стене и сказал одобрительно:

— Прекрасная работа. Сейба — отличное дерево.

— Здесь вся моя жизнь, — сказал серьезно директор. — Видите, я еще ребенок с родителями, потом уже старше, с товарищами, с книгой, у Эйфелевой башни в Париже, на плантациях...

— А это, вероятно, ваша жена? — спросила я.

— Женщина моей мечты, — поправил меня директор все так же серьезно, — та, которую я теперь ищу.

— Дом принадлежит вам? — деловито осведомился Агаджи, оглядываясь вокруг.

— Он принадлежит центру, но строили его, учитывая мои пожелания. Моя только мебель. Вам нравится? У меня и своя дизельная электростанция, поэтому не приходится экономить электроэнергию.

На длинном низком столике уже было готово угощение, и директор принес обещанные пластинки — Эдит Пиаф и Азнавур.

Говорили о разном.

— Наша молодая интеллигенция изображает из себя господ, — сказал он. — Она держится за кресла в учреждениях, но стране нужна здесь. Вы видели наши школы? И, возможно, видели новый университет в Ломе. Он прекрасен, но в нем слишком много роскоши. Человек так легко к ней привыкает! А что потом?

— Мои слова, — проворчал Удаху.

— А как, по-вашему, должны готовиться кадры? — спросила я.

— Как? Нам нужна интеллигенция, готовая к жизни в Того, к практической деятельности, понимаете? Не мечтатели, фантазеры и краснобаи, а активные, энергичные люди, не боящиеся трудностей и способные найти выход из любого положения. Но может ли наша школа воспитать таких людей? Я получил образование во Франции, французы не понимают наших потребностей. Мы должны помочь себе сами.

Разговор затянулся. Было уже за полночь, когда он отвез нас обратно в Баду.

Заколдованный круг?

Современное здание, прекрасное оборудование и комфорт университета в Ломе отражают стремление преодолеть отсталость и перешагнуть целый этап развития в жизни страны. Все, с кем мы говорили о нем, гордились университетом, не исключая директора сельскохозяйственного центра в Баду.

Повышение уровня образования — это, конечно, основное условие для выполнения планов развития страны. Но пока складывается впечатление, что здесь образовался заколдованный круг: экономическая отсталость препятствует ускоренному развитию образования, а недостаток специалистов тормозит быстрое экономическое развитие. Выйти из этого положения можно только в том случае, если всеобщее образование перестанет зависеть от экономического положения в целом и, конечно, если оно освободится от религиозных предрассудков и представлений.

В этом отношении прогрессивная интеллигенция считает, что следует взять за образец Советский Союз, где сразу же после революции началась массовая борьба с неграмотностью, несмотря на тяжелое положение народного хозяйства в те годы. Некоторые экономисты в этой связи отмечают, что производительность труда рабочего уже после окончания четырех классов начальной школы возрастает на целых 44 %.

Весьма точно на этот счет высказался тоголезский министр просвещения и научных исследований, выступая по радио по случаю начала учебного года: «Успех всего комплекса мероприятий в интересах развития об-

щества зависит от того, в каком объеме дети и взрослые получают образование. Ведь воспитание ума и души с помощью элементарных знаний, т. е. чтения, письма и счета, оказывает решающее воздействие на отношение к жизни и работе. Речь идет прежде всего о том, чтобы воспитать и развить сознательное отношение к жизни и труду той части населения, которая работает в сельском хозяйстве или промышленности, чтобы оно было действительно сознательным. Иногда это называют способностью рационального мышления и основными принципами отношения широких масс к работе, которое проявляется в дисциплине и производительности. Такое отношение и привычки — составная часть духовного достояния, которое можно приобрести в организованном учебном процессе».

Стремление тоголезцев получить образование проявляется в их отношении к школе: положительный отклик находят кампании по ликвидации неграмотности, в которые включаются учителя и студенты во время каникул. Однако господствует мнение, что образование освобождает человека от тяжелой работы и ручного труда. Пока еще мало кто осознает, что от образования каждого человека зависит общее развитие страны.

Количество тоголезских детей от пяти до четырнадцати лет, посещающих школу, составляет 70%²⁹. Это хороший показатель, если сравнивать его с другими африканскими государствами. В начальных школах учится сегодня 228 тыс. детей, из них треть — девочки. Одновременно растет и число классов, однако классы все еще переполнены: в них насчитывается до 67 учеников. А по некоторым данным, есть классы, в которых учатся по 100 и даже 200 детей. Поэтому неудивительно, что из такого количества примерно около 60% учащихся не завершают начального образования. Учителя не могут справиться со столь переполненными классами. Кроме того, в некоторых областях низкая посещаемость, а квалификация учителей не всегда на должном уровне. Значительный процент учеников не выдерживают экзаменов в начальной школе и перестают ее посещать, велико число и тех, кто не выдерживает выпускных экзаменов, что является необходимым условием при поступлении в высшее учебное заведение. Как

²⁹ В 1982 г. 71% детей школьного возраста охвачен обучением. В стране насчитывается 2300 начальных, 330 средних школ.— *Примеч. перев.*

правило, эти экзамены сдают меньше половины учеников. В средних школах, которые посещают 19 800 учеников, положение ненамного лучше, потому что экзамены на аттестат успешно сдают только около четверти учеников.

Количество школ и классов различно в зависимости от областей и округов, но существует одна закономерность: чем дальше на север, тем положение хуже. В некоторых северных районах школы находятся так далеко, что их посещение практически невозможно. Это одна из причин, почему на севере и северо-западе школы посещают только 22% мальчиков и 28% девочек. Самая высокая посещаемость в округе Кпалиме: 82% мальчиков и 56% девочек. Эти цифры объясняются более высоким уровнем жизни, которого позволяет достичь выращивание кофе и какао, и традициями, оставленными здесь миссионерами.

В Того три типа школ: государственные, миссионерские и частные. Плата за обучение в частных школах довольно высокая, поэтому немногие могут себе позволить послать туда своих детей. В государственных — можно сказать, ничтожная, и даже не очень строго соблюдается требование ходить в форме. Миссионерские школы — бесплатные, но их могут посещать только крещенные дети. Начальных миссионерских школ в Того мало, церкви уделяют внимание в основном средним школам. Много школ, особенно в городах, было построено в последние годы и при содействии ряда международных организаций в рамках оказания помощи развивающимся странам. Их эмблема — черная и белая руки в рукопожатии.

Самые бедные школы — это коранические в мусульманской области на севере, если вообще их можно считать общеобразовательными школами, но, что касается материального обеспечения, положение многих государственных школ в селениях нисколько не лучше: соломенная крыша на опорах или на глиняных стенах с открытыми, незастекленными окнами. В селениях их строят родители учеников. Состояние этих «школьных зданий» порой угрожает жизни детей. Как нам рассказывали, нередко случаи, когда обваливается крыша или же столбы, а то и стены. Оборудованы школы бедно: ободранные доски, на которых ничего не видно, сломанные скамьи, где вместо двух, тесно прижавшись друг к другу, сидят пятеро или шестеро детей, так что писать

невозможно. Те, которым не хватило места на скамьях, сидят в проходах и вдоль стен на принесенных циновках. Пишут мелом на табличках, тетрадей не существует. Повторить материал дома дети уже не могут. Учитель, приезжающий в селение из города, выбирает себе из старших учеников помощников. Они поддерживают порядок в классе. На перемене мы разговаривали с учителем, а дети, окружавшие нас, по складам читали надпись на нашей машине, пытались догадаться, кто мы. Во время уроков у школы бродили дети, которые не учились. Возможно, они поджидали своих братьев и сестер. У окон толпились взрослые и дети, они смотрели, как идет урок. Перед школой на пыльном пустыре, огражденном камнями, стоял шест с тоголезским флагом. Его подъем и спуск входили в ежедневный ритуал.

Большинство средних школ находится в руках миссионеров. Государственных лицеев в Того восемь, миссионерских, у которых в отличие от других имеются общежития для учащихся, двенадцать. Миссионерские лицеи получают помощь почти со всего мира. Здесь преподают испанцы, итальянцы, американцы и, конечно, французы. Главное требование — хорошо знать французский. К своей педагогической и миссионерской деятельности они готовятся в специальной школе в Париже. В миссионерских лицеях преимущественно преподают немцы, но и они должны знать французский язык, потому что на нем ведется преподавание во всех школах.

В Того не только язык французский, но и сама система образования построена по французскому образцу. Французский язык начинают преподавать с первого класса. Африканские дети учатся читать, писать и считать на французском. Письменные экзаменационные работы, как правило, присылаются из университета в Бордо, в нем же оцениваются и ответы. На устных экзаменах присутствует представитель этого университета. Кроме того, ежегодно специальная комиссия определяет, соответствуют ли выпускные экзамены уровню выпускных экзаменов во Франции.

Напрашивается естественный вопрос: нельзя ли в первых классах заменить французский язык одним из тоголезских языков, например эве на юге, кабре и котоколи в Центральном Того, хауса на севере? Конечно, можно возразить, что, поскольку ни на одном из упомянутых языков, кроме эве, нет литературы, обучение

в школах на языках этих народов углубило бы противоречия. Предлагалось сделать язык эве языком всего Того, но это еще больше осложнило бы положение на севере, где к французскому языку добавился бы еще один чужой язык. А это, в свою очередь, ухудшило бы и знание французского. Как видно, все не так просто. Поэтому французский язык как нейтральный для народов Того — пока единственный выход.

Французскую школьную систему к тому же рассматривают как средство и путь получения французской стипендии в университетах Франции. В данном случае исходят не из национальных интересов, а из отношений с Францией. В школах обучают тому, что должен знать образованный француз. История и география — это история и география Франции, и лишь в незначительной степени затрагивается Французская Африка. Важное место занимает французская литература, хотя Того явно не нужны специалисты по данному предмету. Стране необходимы обладающие практической ориентацией руководители, техники, экономисты, агрономы, учителя и врачи.

Учебные тексты диктуются, материал ученикам непонятен. Заучивание на память, зубрежка вместо глубокого осмысления содержания никак не связаны с реальной жизнью. Способность к анализу развита слабо.

Здесь скрыта еще одна опасность: современная форма образования вызывает у детей и молодежи стремление к такой жизни, которая при нынешнем состоянии тоголезской экономики для них невозможна. Когда ученики кончают школу, они возвращаются в среду, в которой не могут найти применения своим знаниям. За короткое время они вновь опускаются до уровня своего окружения или отправляются в города на поиски работы. Происходят бесчисленные мелкие личные трагедии. Школа не готовит к жизни, не помогает ее понять, не указывает пути, как ее изменить. Родители стремятся дать своим детям образование и тем самым общественное положение, а дети после окончания школы делают все, чтобы вырваться из среды, в которой они жили. Дети начинают стыдиться своих родителей.

В современном Того вопрос стоит не только об образовании, но и о том, чтобы оно отвечало нуждам страны, не пробуждало нереальных требований и не порождало ложных иллюзий. Этому можно воспрепятствовать только в том случае, если тоголезская школа будет

ориентирована на африканскую действительность и заниматься больше африканскими, чем европейскими, проблемами.

В начальной школе наряду с общеобразовательными предметами следует вести и практические занятия. Цель — научить практической работе, а не стремлению получить стипендию во Франции. Практические дисциплины следует ввести и в высших учебных заведениях. У каждой школы должен быть свой участок земли, на котором ученики могли бы заниматься сельскохозяйственными работами. Доходы использовались бы для приобретения школьных пособий и оборудования. Современная техника обработки земли, выращивание овощей, садоводство и животноводство, традиционные ремесла — резьба по дереву, гончарное ремесло, ткачество — должны стать составной частью учебного процесса всех ступеней. Важны знания о гигиене, правильном питании, здравоохранении, для девочек — ведение домашнего хозяйства и воспитание детей. Все эти вопросы нашли отражение в школьной реформе. Я узнала о ней еще в период ее подготовки, и мне сразу же пришел на память пастор Кналл, который давно уже осуществил такую реформу в своей школе. Или он знал о готовящейся реформе и был просто расторопнее других? Во всяком случае, он хорошо чувствовал, в чем нуждается Того больше всего.

Планы по перестройке системы школьного образования в Того возникли не сегодня. Первый толчок этому дал бывший министр просвещения еще несколько лет назад, но только теперь некоторые его идеи начинают осуществляться. В больших городах созданы экспериментальные классы, в которых обучение ведется уже по новым учебным программам. Кроме французского языка здесь делается упор на изучение родного языка, математики, основ здравоохранения и сельского хозяйства, у школ есть свои участки земли и мастерские. Министр просвещения заявил, что «народ, который умеет читать и писать на родном языке, сам кузнец своего счастья» и что «культурная революция без знания родного языка — пустые слова». Прекрасно сказано, но, к сожалению, это пока только слова. Представители тоголезской интеллигенции смотрят на вещи реально и критически относятся к подобным красивым фразам. Того, по их мнению, в настоящий момент больше всего нуждается в трезвом, рациональном подходе к жизни.

Школьная реформа призвана изменить отношение к ручному труду. Сегодня же каждый, кто научился читать и писать, считает своим неотъемлемым правом освободиться от ручного труда. И градация заработной платы производится механически. Здесь руководствуются наличием образования независимо от работоспособности того, кто его получил, и общественной пользы его труда. Выпускники высших учебных заведений и обучавшиеся за границей уже заранее как бы предназначены для высоких должностей и, естественно, попадают на самую высокую ступень общественной лестницы. Все студенты высших учебных заведений получают большие стипендии, независимо от успеваемости и материального положения. Это скорее зарплата, чем поддержка на время учебы. Их окружает комфорт, о котором большинство тоголезцев не могут и мечтать. В подобных условиях живут и тоголезские студенты за рубежом. Если до учебы они работали, то помимо стипендии получают и свою прежнюю зарплату. Поэтому неудивительно, что их жизненный уровень часто намного превышал жизненный уровень других студентов и даже тех, кто уже окончил учебное заведение и работал. Такое положение наблюдается и в других африканских странах. Нет нужды подчеркивать, как подобное исключительное положение отчуждает их от той среды, в которой они росли, как быстро они привыкают к незаслуженной роскоши. Пока еще никто не задумывается над тем, что будет, когда потребность в выпускниках высших учебных заведений исчезнет, когда встанет вопрос об их участии в конкретной практической работе — не в учреждениях, а там, где они нужны. Сегодня их титулы для практической работы просто пустой звук. Но недалеко время, когда и на этот вопрос придется давать ответ.

В своих поездках по Того мы, конечно, встречались и с людьми, которые после окончания высшего учебного заведения, будь то на родине или за рубежом, работу в провинции предпочитали министерскому креслу. Напомню в подтверждение этому биолога из Баду с парижским дипломом, директора сельскохозяйственного центра, или ветеринара в Сокоде, учившегося в Брно. Их жизненный уровень был намного выше уровня любого министерского чиновника. Они выполняли работу, которая приносила пользу обществу и, что немаловажно, давала им полное удовлетворение.

Мне приходит на память Кпалиме, Центр специального сельскохозяйственного обучения. И там рождалось новое Того.

Под горой Агу

Гора Агу — самая высокая в горном массиве Атакора. Ее высота всего 986 м, но важно не это. Агу — священная гора, обитель богов, тоголезский Олимп. На ее вершине приверженцы традиционных верований перед началом сезона дождей совершали торжественные ритуалы, дабы обеспечить успешный сев и богатый урожай. Гору с незапамятных времен якобы сторожили колдуны, и только избранным разрешалось подняться на вершину. Здесь считают чуть ли не героем немецкого миссионера Баумана — первого белого человека и к тому же еще и христианина, не побоявшегося взойти на нее в начале нашего столетия. В память об этом факте немецкие колонисты называли гору «Пик Баумана». После провозглашения независимости Того горе вернули ее первоначальное название.

И сегодня там проходят религиозные праздники; в них принимают участие и многие христиане, однако главная роль по традиции принадлежит колдуну в белом одеянии. Наверх ведет удобная дорога, а на самой вершине строится телевизионная башня с рестораном и обзорной площадкой. У подножия Агу несколько лет назад были обнаружены запасы бокситов. На склонах горы и в ее окрестностях создаются огромные плантации масличной пальмы, поскольку здесь для ее выращивания очень благоприятные условия. По плану площадь этих плантаций должна составить 3 тыс. га. В городке Агу будет построен завод по производству пальмового масла.

В этом пограничном районе Того во всем присутствует превосходная степень: самый плодородный, самый богатый, самый благоприятный климат, самый высокий уровень образования. Здесь начинаются тропические леса, которые тянутся на северо-запад, и взору открывается прекрасный пейзаж — бесспорно, самый красивый во всем Того. Поэтому данная область самая посещаемая туристами, и в этом отношении у нее большое будущее. Ее центр — город Кпалиме.

Отель в Кпалиме называется «30 августа». В этот

день в 1969 г. здесь была основана партия Г. Эйадемы — Объединение тоголезского народа (ОТН). Не слишком большая история, но ни одна другая так долго не удерживалась у власти. Здесь были провозглашены первая избирательная программа, планы крупных строек. В их числе отель, автострада на Агу и строительство телевизионной башни.

Вдоль шоссе на Кпалиме стоят стенды с плакатами и транспаранты, на которых изображен крестьянин с мотыгой. Надпись внизу гласит: «Тоголезский земледелец, не жалея усилий, генерал Эйадема ценит твой труд». Или: «Наша страна небольшая, но мы крепки своим единством».

«Шоколадная дорога» из Ломе кончается прямо на площади. Вблизи небольшого вокзальчика — немецкая пивная. Стены внутри обклеены цветными картинками, вырезанными скорее всего из календарей. На них бодрые баварцы с добродушными, благополучными лицами и не менее «благополучными» животами. Баварцы наливают пиво и чокаются высокими кружками. Вокруг заведения прохаживаются вызывающе одетые и накрашенные особы с сумочками и в легких туфельках. Развитие туризма имеет и эти теневые стороны.

Базар в Кпалиме самый богатый, какой я видела в Того. Цены на некоторые сельскохозяйственные продукты вполтину ниже, чем, скажем, в Ломе. Наибольшее впечатление на меня произвели горы огромного ямса. Чаще всего они были прикрыты брезентом от солнца. Я нигде не видела такого количества парикмахеров, как здесь. Вокруг базара их были сотни, и все были заняты. Их заведения украшали плакаты с искусно и наспех нарисованными моделями причесок. На скамеечках и стульях сидели клиенты, покорно отдавшись в руки мастеров. Прическа делается три часа. Сначала волосы расчесывают, а потом сплетают в мелкие косички, похожие на хвостики. Концы косичек, которых на голове получается около двадцати, прочно обматывают черной тесьмой. Другая модель такой прически — «антенна», волосы вообще не заплетаются, а лишь обматываются и «антенна» получается жесткой. Европейцам эти хвостики на голове могут показаться смешными и не очень практичными, потому что их хватает на три-четыре дня, но мода есть мода. Вернее, надо было бы сказать: традиция есть традиция.

Председатель федерации волейбола преподавал в

Центре специального сельскохозяйственного образования в Тове, в 3 км от Кпалиме. В 1930 г. здесь французами было основано училище. А сегодня это комплекс зданий с прекрасно оборудованными кабинетами и мастерскими, общежитиями для учащихся и коттеджами для преподавателей. «Ученики» сами ухаживают за парком, который, в сущности, является ботаническим садом, и работают на опытных участках, занимающих 30 га. Здесь разбиты плантации хлопка, деревьев какао и кофе, выращивают маниок, рис, кукурузу, ямс и другие культуры, различные виды плодовых деревьев.

Центр делится на две части: на училище и Государственную сельскохозяйственную школу, которая приравнивается к сельскохозяйственному институту.

Училище трехлетнее. В нем учится молодежь от пятнадцати до двадцати двух лет. В процессе обучения они проходят практику непосредственно в селениях, живут в семьях крестьян и работают с ними в поле. Уже на второй год обучения учащиеся специализируются по трем отраслям: в растениеводстве, животноводстве и рыболовстве, лесоводстве и охотоводстве.

Государственная школа основана в 1967 г. для молодежи восемнадцати — двадцати трех лет. И здесь обучение рассчитано на три года. За годы обучения студенты должны овладеть новой технологией и научиться обращаться с современной техникой. Особое внимание уделяется использованию теоретических знаний. В последний год обучения студенты получают конкретные задания в селениях или государственных хозяйствах. Для них это дипломная работа. После окончания учебы они получают звание инженера по механизации сельского хозяйства.

Центр специального сельскохозяйственного образования в Тове — образец того, какими должны быть в ближайшем будущем высшие учебные заведения в Того. Главная их задача — связь обучения с конкретными задачами экономики.

Мы миновали символические ворота и въехали на территорию Центра. Спросили встретившихся учеников об интересующем нас преподавателе. Трудность заключалась в том, что мы не запомнили его имя. И учащиеся качали головами.

— У него жена белая, — подсказали мы.

— Jovo! — обрадовались они.

Jovo на языке эве буквально значит «обваренный».

Местным жителям лицо белого человека, тяжело переносящего беспощадное африканское солнце, действительно должно казаться таким. Вначале нам это сравнение показалось грубым, но потом мы решили, что, пожалуй, в нем было даже что-то дружеское, сочувственное и в детских устах оно звучало почти ласково.

Две девочки, более светлые, чем остальные, радостно воскликнули:

— Это наша мама!

И сразу же предложили проводить нас. Другие дети присоединились к нам, так что образовалась целая процессия.

Из дома, к которому нас привели, вышла молодая женщина в пестром платье и воскликнула:

— Как хорошо, что вы приехали!

Она произнесла это по-чешски, и не скажу, что нас это удивило. Нам было известно, что преподаватель, которого мы искали, учился в сельскохозяйственном институте в Праге и привез оттуда жену-чешку. Его не было дома, хозяйка проводила нас в хорошо обставленную квартиру, где многие вещи напоминали о ее родине. Среди книг большинство было чешских, целая полка заполнена курсом лекций по сельскому хозяйству. Стены жилых комнат увешаны вышивками ручной работы. В первую минуту мы решили, что хозяйка от скуки занимается рукоделием, но она объяснила:

— Это все работы моих учениц. Некоторые довольно искусно выполнены, не правда ли?

В Праге она работала инструктором в Доме молодежи. Здесь основала нечто вроде школы на дому. Она учит девушек шить, вышивать, готовить и многим другим полезным вещам. Она привезла сюда даже машину для плетения кружев. Работы своих учениц она продает туристам и так изыскивает средства для школы. Неудивительно, что эта идея была одобрена министерством просвещения и научных исследований в Ломе.

На некоторых изделиях африканские мотивы соседствовали с элементами народных чешских и моравских узоров. Откуда здесь, в Африке, взяты, например, ветке липы?

— Это подарок моих учениц. Я рассказывала им о нашей стране, знакомила с нашим народным творчеством — и вот они в конце года преподнесли мне это. Давно меня ничего так не трогало, — добавила она.

Все это время нас пристально разглядывали две до-

чери хозяйки. Старшая родилась в Праге, ей было два года, когда она уехала с матерью в Того. Она понимала по-чешски почти все, но могла произнести с сильным французским акцентом только отдельные слова. Другая девочка была уже настоящей тоголезкой.

Вскоре вернулся глава семьи и сразу же предложил показать нам Центр. Это был корректный, энергичный мужчина, который очень гордился полученным в Праге образованием, интересовался, что у нас нового, и показал на свой диплом, который висел в рамке над его рабочим столом.

— Прага дала мне много,— сказал он,— хотя ваше сельское хозяйство значительно отличается от нашего. Например, у вас я узнал, что дереву какао необходима тень только в первые годы его роста. Потом ему солнце уже не мешает, скорее наоборот. Были проведены опыты и получены прекрасные результаты. Теперь мы высаживаем деревья какао между тиковыми, которые растут очень быстро, а когда они вырастают, вырубаем их и «выпускаем» деревья какао на солнце. С плантаций, обрабатываемых традиционным способом, в среднем получают около 680 кг какао-бобов с гектара. Когда мы освободили деревья от тени, урожайность поднялась до 1677 кг, а с применением удобрений получали даже 1706 кг с гектара, почти в три раза больше. Это уже кое-что. Мы применяем новые методы и в птицеводстве, и в животноводстве. В наших селениях не принято кормить кур. Поэтому яйценоскость очень низкая и куры хилые. Оказалось, выгоднее содержать кур в загонах и на птицефермах, где их можно подкармливать. Мы попробовали использовать и инкубатор, который получили из Европы, но потерпели неудачу: он оказался не приспособленным к нашим климатическим условиям, хотя мы и обращали на это внимание поставщиков. Только когда мы установили в помещении кондиционеры, получили хорошие результаты. Однако это не те масштабы. Мы можем позволить себе такое оборудование в нашем Центре, а в селении? Самы знаете, какие там условия. Конечно, мы не отказались от этого метода, но нужны инкубаторы, специально созданные для нашего климата. Или, например, возьмите крупный рогатый скот. У нас по традиции разводят коров зебу. У нее длинные рога, на спине между лопатками горб. Вы их, конечно, видели. У зебу много преимуществ. У нее сильно развиты потовые железы,

и, пожалуй, это единственная порода коров, которая хорошо переносит жару. Она очень вынослива, потому что откладывает про запас корм в горб. Но у нее есть один большой недостаток: она дает только 135 л молока в год. А в северных округах в сухой сезон теряет до четверти своего веса. Не успеют выкормить телят, как животные уже оказываются непригодными и большей частью поражены туберкулезом. Вот одна из причин того, что в Того не только крупный рогатый скот, а все животные очень плохо развиты, взрослые животные похожи на молодняк. Это одна из самых больших проблем, которой мы сейчас занимаемся. Необходимо вывести новые породы скота для наших климатических условий и обеспечить им хороший уход. Все это требует времени, и еще нескоро мы достигнем уровня вашей страны. Я вспоминаю коровники и свинарники, которые видел в Чехословакии!..

После осмотра Центра, который произвел на нас большое впечатление, мужчины начали говорить о волейболе, а я вернулась к хозяйке дома. Теперь, когда мы были одни, она стала поверять мне свои заботы с такой откровенностью, как это делают люди, которые случайно встретились в дороге и знают, что уже больше никогда не увидятся. Живет она в полном достатке, у нее три прислуги, молодые и красивые девушки, которые выполняют и свои «традиционные» обязанности. Чешка живет на положении первой жены и не ревнует к ним мужа, даже говорит, что это ее вполне устраивает. Больше всего ей недостает культурного общения, к чему она привыкла на родине. За семь лет, проведенных в Того, она всего несколько раз была в Ломе, куда ее всегда сопровождал брат мужа. У господина преподавателя нет времени для своей жены, и он никуда ее с собой не берет. К тому же его многочисленные братья живут в его доме даже месяцами.

— Меня это страшно раздражает, потому что они ведут себя как дома, а меня считают прислугой, — сказала она с возмущением. — А если я скажу хоть слово, он взрывается как порох.

— А вы не хотели бы вернуться? — спросила я.

— Вернуться? — она с удивлением посмотрела на меня. — Я тоскую по родине, но вернуться не могу. Здесь семья. Хотелось бы поехать в Прагу учиться в Академии изящных искусств. Как вы думаете, мне дали бы стипендию?

Она полагала, что получит в Праге пять тысяч в месяц и к тому же квартиру и прислугу для детей. Теперь я смотрела на нее с удивлением.

Мы покидали Кпалиме вечером. Город сверкал тысячами огней. Кроме Ломе это единственный город, который освещается электричеством. Электроэнергию дает электростанция, построенная на водопаде Кпиме. Мы сумели бы оценить это достижение, но все еще находились под впечатлением встречи с соотечественницей, такой одинокой в этом африканском мире. От нас не ускользнули ее слезы во время прощания с нами. Мы тоже молчали. Один из наших спутников непонимающе качал головой:

— Что ей нужно? У нее прекрасная квартира, машина, прислуга, дети, муж...

Одно из чудес Африки

Электричество в Того — роскошь. Даже там, где оно есть. Электроэнергия дорогая и в Ломе, потому что ее вырабатывает тепловая электростанция, работающая на привозном сырье. Только очень немногие могут позволить себе такие обычные для нас вещи, как электрический утюг или холодильник.

Студенты, занимающиеся на улице под фонарями уличного освещения, — обычная картина. Румынский тренер нам рассказывал, что девушка, которая вела его хозяйство, убеждала его купить утюг на древесном угле: это будет дешевле. Одному из игроков сборной, студенту, мы предложили заниматься у нас в нижнем этаже, который мы не использовали. Когда однажды вечером муж пошел посмотреть как он там устроился, оказалось, что он читает при свече. Муж хотел поменять лампочку, решив, что она перегорела, но молодой человек сказал, что он ее вывернул: не хотел привыкать к электрическому свету. Вода тоже здесь очень дорогая, ее приходится качать, используя электроэнергию.

— С электроэнергией у нас плохо, — говорили наши тоголезские друзья, — но самое скверное, что у нас нет никакой перспективы. Нам нужна такая река, как Вольта. Вы видели плотину в Акосомбо? Обязательно посмотрите, это недалеко, не пожалеете.

Акосомбо — одно из чудес Западной Африки. И ко-

гда мы поехали на Панафриканские игры в Аккру, в программу маршрута включили и осмотр плотины.

Граница с Ганой проходит сразу же за пригородами Ломе. Она весьма своеобразна: это один огромный базар и самое оживленное место на шоссе. Прямо на глазах безразличных таможенников идет торговля по обеим сторонам границы. В непосредственной близости от таможни расположены «конторы» менял-хауса. Эти черные маклеры в круглых мусульманских шапочках держат в голове курсы всех мировых валют.

Франкоязычные страны, в их числе и Того, после получения независимости не учредили своей собственной валюты, а оставили старый франк, который в отличие от нового французского франка получил название африканского. А англоязычные страны ввели новую валюту и понесли на этом убытки. Мы долго не могли понять почему. Африканский франк — твердая валюта, выгодно обмениваемая не только в Африке, но и во всем мире, тогда как ганские *седи* считаются очень ненадежными. У них низкая покупательная способность, и, помимо всего прочего, курс их постоянно падает. Гана — намного богаче, ее жизненный уровень один из самых высоких в Африке, у нее достаточно развитая промышленность и сельское хозяйство, и тем не менее ей приходится ограничивать свои закупки на зарубежных рынках и постоянно испытывать нехватку некоторых товаров, особенно продовольственных. Поэтому жители Ганы из приграничных округов стремятся продать товар в Того за африканский франк. Этой торговлей, являющейся не чем иным, как контрабандой, занимаются прежде всего эве из Ганы, у которых в Того есть родственники, а у последних — торговые связи.

Контрабанда в Того — оптовая и розничная. Через границу движется непрерывный поток женщин с детьми на спине и эмалированными тазами с фруктами, овощами, различными изделиями на голове. Но некоторые сельскохозяйственные продукты перевозятся через границу на грузовых автомашинах. В Того покупают сахар, продукты питания и, конечно, алкогольные напитки. И в саванне в очень маленьких, неприметных магазинчиках вблизи пограничных переходов можно купить спиртные напитки лучших и самых дорогих марок.

Формально против контрабандной торговли ведется борьба, но действительность остается неизменной. Власти либо бессильны, либо смотрят на контрабанду

сквозь пальцы. Возможно, у них на это есть свои соображения. Основная борьба направлена против алкоголя. На шоссе в Аккру стоят шлагбаумы с военными постами. Нас осматривали семь раз. Эта строгость выглядит смешной рядом с торговлей, ведущейся прямо на границе.

Многочисленные транспаранты, поставленные вдоль шоссе, пытаются отбить пристрастие шоферов и путешественников к алкоголю. На них изображены страшные картины из жизни пьяниц, натурализм подобной наглядной агитации не раз шокировал нас. На одном транспаранте, например, был изображен мужчина без головы и с бутылкой виски в руке, на других окровавленные дети и наводящие ужас скелеты с оскаленными зубами. Говорят, что злоупотребление алкоголем в Гане — серьезная проблема, потребление его постоянно растет. Это подтверждает большое число аварий, множество разбитых автомашин вдоль шоссе. Почти каждые 50 м изуродованные, проржавевшие обломки машин, поросшие травой, на некоторых из них возвели свои диковинные сооружения термиты.

Столица Ганы — Аккра, но в ближайшем будущем ее, вероятно, затмит город Тема, в 40 км к востоку от нее. Тема — современный город, построенный по плану; уже сегодня он — один из главных промышленных центров. Кроме того, в городе новый порт, тогда как Аккра продолжает довольствоваться старым, доживающим свой век причалом. Оба города соединены шоссе, первое, которое я здесь видела, с эстакадами и туннелями, с заградительными сетками от животных. На шоссе взимается плата, деньги должны возместить расходы на его строительство. Но движение здесь пока небольшое, кто-то даже подсчитал, что фирмы, осуществлявшие строительство, не менее чем через 50 лет вернут свои деньги, тогда шоссе станет достоянием государства.

Из Темы шоссе ведет на север в Клонг и Акосомбо — пункты нашей поездки. Мы проехали по прибрежной саванне, и шоссе начало подниматься в гору. Вдруг перед нами встала высокая плотина, которая здесь, среди буйной тропической растительности, выглядела нереальной. Через минуту мы стояли на берегу огромного озера, поверхность которого сверкала на ярком солнце, как расплавленное серебро. Вокруг были горы и тропические леса. Плотину закончили в 1966 г., но казалось, что она стоит здесь уже много лет, — настоль-

ко это прекрасное творение рук человеческих слилось с окружающей природой.

Насыпная плотина, высотой 113 м и длиной 650 м, была построена в ущелье горного хребта, через которое когда-то пробила себе дорогу на юг к морю Вольта. Искусственное озеро тянется по течению Черной и Белой Вольты на 400 км. Его площадь составляет 9000 кв. км. Плотина в тропических лесах, озеро в полосе саванн. Строительство, которое вела итальянская фирма, продолжалось пять лет. Под руководством итальянских инженеров и мастеров работали около 3 тыс. местных рабочих. Мощность электростанции — 976 тыс. кВт.

Задача итальянских инженеров состояла в том, чтобы обучить ганских инженеров обслуживать гидроэлектростанцию. С одним из инженеров нам удалось поговорить. Он охотно отвечал на наши вопросы, и было видно, что наше искреннее восхищение плотиной льстит ему. Ведь плотина на Вольте действительно самое большое чудо молодой Африки и символизирует ее стремление к экономическому размаху и подлинной независимости, к которой ведет только один путь: индустриализация. А создание промышленности прежде всего зависит от электроэнергии, которую даст вода, поскольку вряд ли можно рассчитывать, что в Гане или соседних странах удастся обнаружить уголь. Определенные надежды возлагают на нефть, но это в перспективе. Пока же необходимо использовать энергию рек. В этом отношении у Ганы такие богатые ресурсы, что она могла бы снабжать энергией все соседние страны.

На электроэнергию, получаемой на ГЭС Акосомбо, работает алюминиевый завод. Пока на новом заводе в Теме перерабатывают бокситы, привозимые с острова Ямайка, тогда как ганскую руду продолжают вывозить, но это временное явление. В недалеком будущем он будет технологически переоснащен и сможет перерабатывать отечественные бокситы.

Уже сегодня значение плотины велико для сельского хозяйства, поскольку с ее помощью орошаются обширные площади на севере и юге, повышается их плодородие, а следовательно, создаются условия для выращивания риса и развития животноводства. Проблема та же, что и в Того: у животных в достатке кормов только в сезон дождей, тогда как в сухой сезон пастбища в саваннах превращаются в пустыню. Искусственное орошение и заготовка кормов позволят в бли-

жайшие годы увеличить производство мяса и существенно сократить импорт. Озеро ежегодно будет давать около 10 тыс. т рыбы, которую пока импортируют. Оно имеет немаловажное значение и как водная артерия: в сезон дождей, когда большинство дорог непригодно для передвижения, водный транспорт помогает осуществлять связь между северными районами и портами на побережье.

Я перечислила все достоинства плотины, главное из которых — снабжение электроэнергией всей страны, но не могу не упомянуть об одном ее недостатке: огромное пресноводное озеро и болотистые берега, пригодные для выращивания риса, — рассадник комаров, а в тропиках это — малярия. Закон природы безжалостен. Если мы смогли построить Акосомбо, мы справимся и с комарами — говорили нам ганские друзья.

Затопление обширной территории породило и другие проблемы. Пришлось переместить сотни селений, а это оказалось весьма неосторожным посягательством на традиционные родовые связи. Даже фетиши не выражали удовольствия от того, что им придется покинуть старые места жительства. Как рассказывал один инженер, это была сложная операция, особенно миссионерам пришлось приложить много усилий и дипломатического таланта, чтобы успокоить расстроенных местных жителей и создать условия, которые бы отвечали их привычкам. В сущности, получилось так, что вокруг новых красивых строений опять выросли глиняные хижины вождей и, конечно, для их многочисленных жен с детьми. Появились новые поля, для фетишей тоже в конце концов нашлось место.

Торжественное открытие плотины сопровождалось религиозными обрядами с бесконечными жертвоприношениями. Гости, среди которых были иностранцы, смотрели этот необычный спектакль с неподдельным восторгом до того момента, пока местный колдун в религиозном экстазе невольно не опрыскал их кровью только что зарезанного барана. Их заверяли, что даже такое прекрасное сооружение, каким была плотина на Вольте, иначе не могло бы существовать.

— У нас нельзя обойтись ни без бульдозеров, ни без фетишей, — сказал инженер, наполняя стаканчики для тоста-здравицы. И прежде чем выпить, плеснул на землю немного виски. Мы посмотрели на него с удивлением.

— Не обращайтесь внимания,— сказал он, смущенно улыбаясь.

Но мы знали, что это его дань высшим силам, определяющим судьбу человека и его дела. Или это можно было бы назвать силой привычки.

На границе все было по-прежнему. Мы ехали очень медленно, потому что перед нами шли женщины с древесным углем в тазах на голове. Они несли его из Ганы в Ломе.

— Возможно, когда-нибудь к нам будут носить в тазах и электричество,— заметил шофер, который тщетно пытался их объехать.

В его замечании был и юмор, и горечь.

ПОЕЗДКА В БЕНИН

Крепость в Вида

Мы хотели посмотреть крепость времен работорговли, но в Того ни одна из них не сохранилась. И мы отправились в Бенин, на бывший Невольничий берег. Кроме крепости в Вида нас туда привлекала и знаменитая история Абомейского государства.

Нас заверили, что с визой нет проблем, обойдемся и без нее, коль мы живем в Того. Но на границе бенинский таможенник заупрямился и заявил, что без надлежащей визы нас не пропустит. Мы знали местные порядки и посчитали его упрямство минутным капризом. Ждали в таможене, не образумится ли он, и попытались снова ему объяснить, что хотим осмотреть Вида и Абомей и сразу же вернемся, нас интересует только история и памятники в этих местах, для европейцев они представляют большой интерес. Он нас выслушал, но не счел наши доводы достаточно серьезными и убедительными, чтобы изменить свое решение. В конце концов он покачал головой, безучастно сел на скамейку перед своим миниатюрным и более чем простым учреждением, насвистывая какой-то шлягер.

Поскольку мы на границе торчали уже час, то привлекли внимание местных жителей, особенно детей, большая ватага которых с интересом наблюдала этот тихий конфликт.

Тем временем подъехал большой современный авто-

бус; он привез группу американских негров — баскетболистов, которые провели несколько игр в Гане и ехали в Лагос. Тихая, сонная таможня вдруг ожила, со всех сторон сюда стали стекаться любопытные. Автобус с этими удивительными неграми, конечно, был гораздо большим развлечением, чем несколько белых. Группа была оформлена за несколько минут, и мы с завистью смотрели, как легко было преодолено препятствие, из-за которого мы так глупо здесь застряли. Мы посчитали это несправедливым, поскольку даже не видели, чтобы у американских баскетболистов кто-нибудь проверял паспорта. Возможно, это понял и таможенник, и в нем проснулась совесть. Он несколько раз прошел мимо и в конце концов сказал:

— Что мне с вами делать! Знаете, поедем на тоголезскую границу, пусть там решают.

Именно так он сказал. Мы, конечно, согласились с его предложением. Взяли таможенника в машину, не подумав, что в эту минуту граница оставалась совершенно открытой, и проехали около полукилометра широкой приграничной полосы. На тоголезской таможене все выглядело несколько иначе. Здесь мы были на родной земле! Беседа таможенников шла по-французски и в нашем присутствии.

— Ты их пропустил? — спросил бенинский таможенник.

— Да, пропустил.

— И знаешь их?

— Ну конечно! Это мсье Киндр, известный человек, он работает у нас тренером.

— Можешь за них поручиться?

— Безусловно!

В таком духе проходил разговор между таможенниками соседних государств, и мы, к своему удивлению, узнали, что для тоголезского таможенника не были неизвестными иностранцами.

Бенинский таможенник слушал, кивал головой, потом обратился к нам и сказал:

— Можете ехать. Будете возвращаться, останьтесь у меня.

Эта последняя фраза была произнесена только для соблюдения формальностей. Когда мы возвращались через три дня, он держал себя уже как старый знакомый. А когда спустя какое-то время мы вновь пересекли границу Бенина, он отдал нам честь.

Мы спокойно проехали до самого Вида — одного из самых достопримечательных мест Западной Африки. Это маленький городок, в котором беспорядочно перемешаны типичные африканские домики, образующие правильные квадраты и прямоугольники вокруг двори-ков, площадей и базаров, с домами колониальной за-стройки, большей частью двухэтажными, окруженными верандами и покрытыми гофрированной жстью. Веран-ды, во многих местах обрушившиеся и кое-как починен-ные, защищали европейцев от палящего солнца и дож-дей, массивные стены и двери — от незваных посети-телей. Каждый из этих домов был небольшой кре-постью, которая обеспечивала европейским чиновникам и торговцам безопасность. Здесь рядом жили и устраи-вали свои дела англичане, немцы, португальцы, фран-цузы и датчане. Уезжая отсюда, они увозили значитель-ное состояние, желтую лихорадку и разрушенную алко-голем печень. Если же не уезжали, то их хоронили на кладбище на краю города, где на потускневших, зарос-ших и развалившихся памятниках и крестах с трудом можно прочесть имена. Здесь один возле другого лежат торговцы, чиновники колониального управления, воен-ные и искатели приключений, брошенные и забытые. Когда мы проходили мимо могил, нам казалось, что мы попали в далекое прошлое. А вскоре уже стояли под мощными стенами крепости, над которой еще в 1961 г. развевался португальский флаг.

Есть в этом что-то символическое. Португальцы первыми высадились в Гвинейском заливе и последни-ми из колонизаторов покинули свою крепость в Вида. Тогда, когда Дагомея уже была независимой. Францу-зы смирились и сняли свои флаги с правительственных учреждений в Котону, Порто-Ново, но португальцы все еще проявляли упорство, казалось, они были уверены, что правительство Республики Дагомеи будет относиться к ним, как к старожилам, доброжелательно. И над бастионами, из которых торчали дула средневековых пушек, продолжал развеваться португальский флаг. Дагомейское правительство начало с португальцами переговоры. Оно хотело сохранить крепость как истори-ческий памятник, предлагая португальцам разместить в ней посольство, но, не дождавшись окончания перего-воров, португальцы подожгли крепость и оставили ее. Прошли годы, прежде чем крепость восстановили.

Первоначально крепость выглядела совсем иначе.

О ней напоминают только мощные двух-трехметровые крепостные стены с бойницами и стволами пушек, торчащими из них. За стенами возвышается большое легкое здание с верандами и открытыми лестницами, окруженное прекрасным парком. В нем создан музей с редкими экспонатами времен Абомейского королевства. Здесь представлены прекрасные работы абомейских чеканщиков и кузнецов, великолепные ткани, вышивки и керамика. Большинство этих предметов культового назначения, но среди них можно увидеть произведения народного искусства и украшения, которые сейчас имеют светский характер. Значительная часть экспозиции музея посвящена истории Невольничьего берега, т. е. торговле рабами. Рядом с картинами и гравюрами можно увидеть и кандалы, в которые заковывали рабов, железо, которым ставили клеймо, и т. д.

У входа в музей — камера хранения, где посетители оставляют сумки и фотоаппараты. В музее нельзя фотографировать, как нас предупредил экскурсовод, он же директор музея, решительно отвергнув чаевые. Он объяснил нам, что культовые предметы запрещено фотографировать. Небольшой аппарат, который мне все-таки удалось тайком пронести, был бесполезен, поскольку директор не отходил от нас ни на шаг.

Если и удалось сделать кое-какие снимки, то благодарю за это случай. Едва мы вышли из музея, как перед входом остановился большой современный автобус. Думаю, не надо говорить, что из него высыпала группа американских баскетболистов, которым мы уже были обязаны тем, что нам удалось пересечь границу, — шумные двухметровые верзилы в джинсах и расписных майках, с «антеннами» на головах, т. е. множеством косичек, которые здесь носят только женщины. Скорее всего эти прически были не очень умной шуткой. На дворе крепости сутолока и гам, вслед за американскими игроками сюда набилось много детей и подростков, пришли и взрослые. Мы наблюдали за жизнерадостной толпой: хотя у них такие же черные лица, но одеты совсем не так и совершенно другое поведение. Да еще и говорят по-английски.

Американцы устремились в музей, как будто хотели взять штурмом бывшую португальскую резиденцию. На директора они не обращали никакого внимания, крикнув ему, что не нуждаются в объяснениях. Я пошла за ними, мне было интересно, как они будут реагировать

на экспонаты, которые непосредственно связаны с их предками. Вполне возможно, что некоторые из них происходили именно отсюда. Они осматривали наивные, натуралистические и безыскусные лубочные картины на стене — и смеялись. В помещении, где были выставлены жертвенные сосуды, которые устанавливались у могил усопших или вблизи храмов и священных рощ, в их руках появились фотоаппараты и защелкали кнопки затворов. Экскурсовод бегал от одного к другому и пытался вырвать у них фотоаппараты, но они бросались врасыпную, поднимали руки чуть не до потолка, а некоторые фотографировали даже в прыжке, как во время баскетбольного матча. Один схватил его за руку и сунул ему доллар. Директор вырвал руку и отскочил. Это вызвало громкий смех американцев.

— Чего вы боитесь, — сказал один из них, — у вас ведь свобода!

Другой американец схватил королевский зонтик, считающийся одним из самых редких и самых ценных экспонатов, потому что он вышит золотом, и бросился с ним вон, сопровождаемый остальными баскетболистами. Директор кинулся за ним с отчаянным стоном. Когда я выбежала во двор, верзилы уже образовали группку и фотографировались с зонтиком. Директор, который рядом с ними был похож на карлика, кричал и махал руками, стараясь пробиться через этот заслон. Тут два парня схватили его под мышки, подняли и посадили прямо под зонтик. Еще минуту он метался, но потом сдался. В следующий момент один из игроков уже подавал ему цветную фотографию. Директор сунул ее в карман рубашки, схватил ценную реликвию и, оскорбленный, скрылся в музее.

Баскетболисты разбежались по парку и фотографировались у пушек и на пушках, сопровождаемые детьми, занявшими место на крепостных стенах, как на галерее. Тут один из американцев увидел их и бросил горсть конфет. В тот же момент стены опустели. Эта игра так понравилась американцам, что они стали бросать детям все, что было у них в карманах: от жвачки до зажигалок и ручек. Дети каждый раз прыгали на другую крепостную стену — даже если там и происходила драка, она была недолгой, потому что дети тут же оказывались наверху.

Американские негры искали новое развлечение и тут

увидели киоск с сувенирами. Они окружили его и покупали дешевые поделки самых больших размеров. Вдруг один из них увидел в стороне тамтамы. Он вытащил их на середину двора и начал по ним колотить — мне показалось, что в эту минуту в них заговорила древняя африканская кровь и они даже забыли о своей американской грубости.

В городке Вида есть еще один объект, который не пропускает ни один турист. Это известный Храм питонов, в котором содержат священных питонов. На картинках он выглядит более величественно. В действительности же это обыкновенный низкий домик-террариум, в котором содержится около двенадцати питонов. И здесь нас сопровождали дети и испуганно предостерегали не смотреть на питонов, потому что это запрещено. Но смотритель питонов, невысокий, молчаливый и глуховатый человек, был более разумным. Детей он прогнал, а нас впустил внутрь, чтобы мы посмотрели змей вблизи. За небольшие чаевые он позволил себя сфотографировать со священным питоном, и по тому, как он позировал, можно было с уверенностью сказать, что это было не впервые.

За храмом были разбросаны какие-то камни. Я решила, что здесь совершают жертвоприношения. Но доподлинно узнать ничего не удалось. Смотритель, который перед этим проявил такую готовность и услужливость, потерял дар речи, на наши вопросы пожимал плечами и многозначительно улыбался.

Короли, вожди, президенты

Королевство Абомей, впоследствии получившее название королевство Дагомея, возникло в начале XVII в. на развалинах могущественной Эллады, сведения о богатстве которой проникли в Европу задолго до этого. Дагомейские правители разбогатели в основном на торговле рабами с соседними народами, а контакты с европейцами им обеспечивали маленькие империи на побережье. Только Агаджа, пятый дагомейский правитель, стоявший во главе королевства в течение первых трех десятилетий XVIII в., понял, что гораздо выгоднее установить прямые контакты с португальцами, французами, голландцами и англичанами. Ради этого он начал борьбу против народов побережья, подчинил

их и открыл дорогу к морю. Борьба за побережье продолжалась до конца XIX в., когда в нее включились и колонисты.

При Агадже торговля рабами особенно «расцвела». Это ему обязан данный участок побережья названием Невольничий берег. Рабов собирали на фермах, где они работали до отправки в Новый Свет. Агаджа пытался проводить и торговую политику, следил за ценами на рабов и в зависимости от спроса повышал или понижал их. Власть его была неограниченна: она охватывала все стороны жизни королевства Дагомея. Агаджа был властителем жизни и смерти своих подданных.

В армию Агаджи входили прославленные, овеянные легендами отряды амазонок. Они представляли собой отборную королевскую гвардию и были грозой для неприятеля. В мирное время амазонки выполняли роль жен правителя. Они жили при дворе, но в строгой изоляции от мужчин. Амазонки не имели права выйти замуж, а соблазнительей приговаривали к смертной казни. Правитель ревностно охранял свои права на них, хотя амазонок было три тысячи, а порой и шесть. Главное слово в этой большой семье принадлежало первой жене, она одна носила титул правительницы и была матерью наследников трона.

Во времена Агаджи в Дагомее возник культ *вуду*. Вначале король был единственным посредником между людьми и богами. Он один имел право вступать в контакт со сверхъестественными силами. Но со временем возникла потребность и в других посредниках, более низкого ранга. В этот период появляются глиняные фигурки *вуду*, позднее распространившиеся по всей Западной Африке, которые португальцы называли фетишами. Одновременно с ними появились и первые колдуны, которые начали выполнять и религиозные функции, ранее входившие в обязанности правителя. *Вуду* считаются первыми образцами дагомейского изобразительного искусства, но оно уже служило не только монарху.

О короле Дагомеи рассказал в своей книге «История Дагомеи» Арчибальд Дэлцл, выпущенной в Лондоне в 1793 г. Дэлцл провел на Гвинейском побережье более тридцати лет в качестве врача.

«Правительственная структура Дагомеи — это самый изоциренный деспотизм, какой вообще существует на земном шаре,— писал он.— Политическое устройство не допускает никакой промежуточной ступени между

королем и рабом. В присутствии правителя и первый министр обязан пасть ниц с таким же подобострастием и покорностью, как самые низкие подданные, потому что все признают право суверена распоряжаться их личностью и имуществом. Но за пределами дворца министры пользуются большими привилегиями».

Как пишет Дэлцл, министры утрачивали свою важность у входа в резиденцию короля. Они переодевались в хлопчатобумажные туники и штаны, чтобы, отвешивая ему поклоны, не запачкать свою шелковую одежду.

Дэлцл пытался защищать работорговлю, утверждая, что для африканца лучше быть проданным в Америку, чем завершить свою жизнь в качестве человеческой жертвы, которую приносили богам правители-варвары. Однако такие аргументы не очень убедительны. Действительно, черные рабы жили в нечеловеческих условиях у себя на родине, да, много их погибало на ритуальных празднествах, да, они приносились в жертву богам, но все это не шло ни в какое сравнение с пытками на судах, которые увозили рабов, и бесчисленными смертями на пути через океан, не говоря уже об условиях жизни в «новом отечестве».

Вывоз рабов официально был запрещен в 1843 г. Однако тайно он продолжал осуществляться, но никогда уже не достигал таких масштабов, как прежде. Так угасала дурная слава Невольничьего берега на тоголезско-дагомейской границе. Королю Гезо, который тогда правил в Абомее, пришлось искать другие источники доходов. Он попытался возместить экспорт рабов экспортом сельскохозяйственных продуктов. Невольничество он не ликвидировал, а использовал дешевый труд рабов на своих угодьях. Ему нужны были значительные средства не только для управления страной и содержания своего двора, но и для создания постоянной армии. Он как будто предчувствовал, что в ближайшее время от нее будет зависеть судьба королевства.

После запрещения вывоза рабов в Западной Африке наступил новый период колониальной экспансии. В Дагомее он начался как-то незаметно. Ничего не подозревавший правитель Гезо уже в 1851 г. заключил с Францией первый «дружеский» договор, который гарантировал французам привилегированное положение в Вьда. На первый взгляд договор был выгоден для обеих сторон. В 1863 г. на основе подобного соглашения Фран-

ция овладела прибрежным государством в Порто-Ново. Этот договор подписал Соджа. А Глеле пять лет спустя разрешил французским торговцам селиться в Котону, поскольку считал, что французы — меньшее зло, чем англичане, занявшие соседний Лагос. Новый договор с Котону, заключенный в 1878 г., уже стал яблоком раздора между французами и дагомейским правителем.

Французы утверждали, что согласно договору еще правитель Гезо отказался взимать таможенный сбор в Котону. Но Глеле не согласился с таким толкованием договора, настаивая на том, что город подчиняется ему. Этот спор разбирался на дипломатическом уровне, однако Франция дала понять, что в случае необходимости будет отстаивать «свои права» силой. Спор продолжался до 1889 г. Между тем Глеле умер, и на абомейский трон вступил его сын Беханзин, который категорически отверг все территориальные притязания французов. У французов кончилось терпение. Они сбросили шкуру ягненка и показали свое волчье обличье. Французские корабли начали обстреливать африканские кварталы в Котону. Это продолжалось девять месяцев, и хотя французы не одержали победы, они вынудили короля Беханзина к новым переговорам. Результатом их был компромиссный договор, по которому Франция признавала суверенитет Дагомеи на всем побережье, исключая протекторат Порто-Ново. За преимущественные права в Котону французы обещали выплачивать дагомейскому правителю 20 тыс. фр. в год.

Это перемирие длилось всего два года. В 1892 г. французские подразделения с помощью своего союзника, короля Порто-Ново, начали военные операции против Дагомеи. Предлогом послужил обстрел французской канонерки, на палубе которой находился французский губернатор Балло. Кровавые бои затянулись на полтора года. Уже в ноябре 1892 г. французы овладели Абомеем, главным городом Дагомеи, разграбили его и сожгли. Король Беханзин был лишен трона, и прибрежная часть Дагомеи объявлена французской суверенной территорией. Остатки своих войск Беханзин увел в тропические леса и начал против непрошенных гостей партизанскую войну. Только в 1894 г. намного лучше вооруженная французская армия сломила сопротивление дагомейских частей. Беханзин был взят в плен и сослан на остров Мартинику, где умер в 1906 г.

На трон посадили его брата Аголи-Агбо, который усердно угождал французам и сделался самой жалкой фигурой в галерее дагомейских правителей. Его власть продолжалась недолго. Уже в 1900 г. он был лишен своего сана, и страна превратилась во французскую колонию. С 1904 г. Дагомеей управлял генеральный губернатор Французской Западной Африки с помощью наместника, резиденция которого находилась в Порто-Ново.

Однако французским колонизаторам всегда было нелегко в Дагомее. Среди состоятельных слоев населения у них еще были союзники, но жители северных районов не примирились с французским управлением и бунтовали против сбора налогов и воинской повинности. Самое крупное восстание произошло в этом районе страны в конце первой мировой войны, когда бариба и натемба воспользовались ситуацией, возникшей после отхода части французских войск в германский протекторат Того. Война здесь продолжалась несколько месяцев, и французы понесли тяжелые потери. В конце концов верх взяла европейская техника. Главари восстания были казнены, а с мятежными народами расправилась французская армия.

Борьба против колонизаторов продолжалась и после окончания первой мировой войны. Уже в 1923 г. французские части использовали оружие против демонстрантов в Порто-Ново. Теперь речь шла не о восстании народов, а о растущем демократическом движении с разработанной антиимпериалистической программой, в которой молодой и еще немногочисленный рабочий класс выдвинул свои социальные требования. Эта борьба достигла высшего напряжения после второй мировой войны и привела к автономии в 1958 г., к провозглашению независимости 1 августа 1960 г.

Но и Республика Дагомей не избежала острых политических конфликтов, которые явились результатом различных точек зрения на развитие общества, социальное неравенство, отсталость и племенную вражду. На политической сцене появлялись и сразу же исчезали политические партии, уступая место другим. Приходили и уходили правители, президенты.

Первым президентом стал сорокачетырехлетний учитель Юбер Мага. Начало его политической деятельности относится к 1948 г., а в 1952—1957 гг. он избирался председателем партии Дагомейского демократи-

ческого объединения и депутатом французского парламента. В мае 1959 г. он стал председателем правительства дагомейской автономной республики, а в 1960 г. — президентом уже независимой Дагомеи. Мага первым в цепи дагомейских президентов почувствовал вкус власти и испытал торечь поражений. Он подавил оппозицию, обвинил ее вождей в заговоре против государства и заключил их в тюрьму. Прежде всего он заботился об укреплении своей власти, а экономические вопросы оставлял без внимания. Стремление к внешнему личному блеску оказалось для него роковым. Средства, предназначенные на развитие сельского хозяйства, он все пустил на строительство президентского дворца. Этим воспользовалась оппозиция в столице и организовала мощные демонстрации протеста. Мага был вынужден в октябре 1963 г. уйти в отставку, правительство возглавил полковник Согло, бывший офицер французской армии. Во время своей службы в Индонезии он получил звание майора. Согло доказал не только Маге, но и всем последующим президентам, что без поддержки армии на президентском троне они не продержатся и часа. Он распустил все политические партии и организации, запретил собрания и демонстрации, объявил амнистию лицам, которых Мага арестовал, самого Магу обвинил в измене родине. Так свершился первый военный переворот в Дагomee, но он был далеко не последним. До 1972 г. их было девять, и в этом Дагomee принадлежит первенство среди африканских государств.

Появлялись новые президенты и опять смещались, разоблачались заговоры, создавались и распадались политические партии, но от этих переворотов дагомейскому народу не было никакой пользы, экономика приходила в упадок, кризис углублялся.

26 октября 1972 г. произошел военный переворот, который возглавил майор Матьё Кереку. Кереку распустил президентский совет, в котором продолжались бесплодные споры, он стал председателем военного совета, а потом и президентом.

В его лице, видимо, Республика Дагомея, а с 1975 г. Народная Республика Бенин обрела первого президента, который пытался решать сложные экономические вопросы. Его правительство провозгласило широкую социальную программу и проводит политику подлинной независимости. В этих своих усилиях оно нашло поддержку ведущей Партии народной революции Бенина и

профсоюзов, с которыми прежние правительства не могли прийти к соглашению. Президент Кереку провел важные мероприятия, которые должны были ослабить власть иностранных монополий, создать условия для возвращения интеллигенции, эмигрировавшей в период переворотов и политических преследований. Впервые после провозглашения независимости страны наступила общественная и политическая стабилизация — то, в чем больше всего нуждалась Народная Республика Бенин.

Африканская Венеция

В 20 км от самого крупного бенинского города и порта Котону, с красивыми современными кварталами, роскошными отелями, ярко освещенными бульварами, по которым медленно движутся автомашины новейших марок, прекрасными парками, торговыми центрами, сверкающими своими витринами и неоновыми рекламами, библиотеками и книжными магазинами, где вы найдете журналы и книги всех стран мира, с аэродромом, на котором совершают посадку огромные турбореактивные лайнеры, с портом, где бросают якорь океанские гиганты, а над ними — металлические стрелы кранов с рекламными щитами, с которых на вас смотрят Бриджит Бардо и Пол Ньюмен, лежит селение Ганвье. Это как бы противоположный полюс жизни, иллюстрация того, как далеко еще Западной Африке до ликвидации социальных различий.

«Посетите Ганвье, африканскую Венецию!» — кричат проспекты туристских агентств. Трудно понять, предлагают ли вам на обозрение отсталость и нищету как развлечение или как наследие колониализма.

С Венецией у Ганвье мало общего. Ее хижины на опорах стоят в лагуне Нокуэ, длиной 20 км и шириной 10 км, которую образует самая большая река Бенина Веме. Когда было основано селение, неизвестно. Его построили аизы, спасаясь от воинственных фон и йоруба и рабства. В борьбе за жизнь они отгородились от мира и тяжело за это заплатились. Таких селений в прибрежных лагунах десятки, но Ганвье — самое большое из них и самое известное. Причина тому — близость к Котону.

На берегу лагуны уже находились несколько туристов. Нам сказали, что единственная моторная лодка, принадлежащая туристскому обществу, ушла на осмотр селения с какой-то правительственной делегацией. В канцелярии — деревянной будке — предложили подождать или воспользоваться местным транспортом. За нашими переговорами внимательно наблюдала группа местных жителей, которые тут же обступили нас и стали предлагать свои услуги. Мы выбрали лодочника, запросившего 5 тыс. КФА. Но прежде чем мы успели ему отдать деньги, появился вездесущий хозяин. Энергично растолкав толпу, он забрал деньги и отсчитал лодочнику тысячу франков. Последний не протестовал, сунул деньги в карман и кивнул нам, чтобы мы следовали за ним.

Лодочник привел нас к пироге, в которой не было сидений. Он как будто бы и сам был удивлен этим открытием и беспомощно стоял минуту. Жители селения стали приносить доски и ящички. Один из них настойчиво предлагал нам ящик таких размеров, который вообще не мог поместиться в лодке. Лодочник под аккомпанемент всеобщего гама и советов устроил импровизированные сиденья, но теперь обнаружил, что пирога течет. Тут же кто-то принес кусок жести, а десяток ребятишек наперебой предлагали поехать с нами, чтобы вычерпывать воду из лодки. Лодочник выбрал самого маленького, тот со счастливой улыбкой прыгнул в лодку и без промедления приступил к работе. Когда пирога отчаливала от берега, на ее корме занял место второй лодочник. Нам было немного жутко, потому что кроме нас, двоих чехов, в небольшой лодочке оказались еще англичанин, японец и француз. Ее края были почти вровень с водой. У пироги не было киля, и она довольно нервно реагировала на малейшее движение. Мне казалось, что она вот-вот перевернется и нашей экскурсии придет конец. Но вскоре размеренные, ловкие движения гребцов, большие весла которых, похожие на круглые выбивалки, медленно погружались в водную гладь, нас успокоили. Их уверенность передалась и нам.

Мы пробирались по узкому каналу через камыши. Это было нечто вроде шоссе, соединявшего селение с берегом. Поэтому на нем царил большое оживление. В обоих направлениях двигались десятки лодок, которые везли рыбу, лес, всевозможную посуду и бочки, на

веслах сидели и совсем маленькие мальчики и девочки, и взрослые мужчины и женщины. У некоторых на голове были огромные соломенные шляпы, которые издали напоминали зонтики от солнца. Настоящий зонтик мы видели на пироге, под которым важно восседал африканец в белой рубашке. Зонтик над ним держал мальчик. Это был учитель, который приезжал из Котону.

Длина необычной водной дороги до Ганвье составляла 4 км. Но время прошло незаметно, потому что вокруг нас постоянно что-то происходило. Когда за высокими густыми камышами появились соломенные крыши селения, сидевший на носу пироги лодочник отложил весло и сложил на коленях большие натруженные руки с распухшими суставами.

— What's the matter? ³⁰ — спросил англичанин.

Лодочник объяснил, что получил приказ от хозяина доставить нас в селение. Если же мы захотим продолжить путь и посмотреть Ганвье, мы должны заплатить ему.

Не знаю, был это выпад против хозяина или против нас. Англичанин начал что-то говорить о вымогательстве, но африканец молчал. Скорее всего он не понимал. Его помощник на корме безразлично смотрел вокруг, как будто его это не касалось, мальчик, наклонившись ко дну лодки, старательно вычерпывал воду. Японец вертелся во все стороны и фотографировал. Мы были готовы договориться с лодочником и доплатить ему, но француз вдруг заявил, что так мы никуда не попадем, с этими людьми надо действовать по-другому. И тут же нам это продемонстрировал. Он устремил на лодочника свирепый взгляд и произнес медленно и решительно:

— Брось эту комедию и давай работай веслом, иначе заработаешь у меня, я об этом позабочусь!

Его слова, как ни странно, подействовали. Лодочник взял весло и сказал:

— А купите мне кока-колу?

— Конечно, — согласились все с облегчением, потому что после слов француза все испытывали некоторую неловкость.

— Я знаю, как с ними обращаться, я здесь уже двадцать лет, — самодовольно произнес француз, но никто не разделил его «успеха».

---

³⁰ В чем дело? (англ.).

Мы оказались на краю селения, в настоящем лабиринте опор, неровных, перекрученных и переплетенных. Мне казалось, что мы вплываем в необычный лес, на верхушках деревьев которого построены человеческие жилища. Это чувство усиливалось тем, что мы смотрели на селение снизу, из лодки. Я подсчитала: под каждой хижинкой было не менее пятидесяти опор, но так и не могла понять, как все эти сооружения держатся.

Хижинки из бамбука с камышовыми крышами располагались на высоте двух метров над водой. Это уровень воды лагуны в период дождей. Вокруг хижинки — террасы, на них играют дети, те, что уже могут не сидеть у матери на спине, здесь же отдыхают старики, бегают куры, небольшие козы привязаны за ногу.

На высоких шестах сушатся рыболовные сети, напоминающие большие флаги, на других шестах — деревянные фигурки петухов — фетишей, которые берегут дом от злых духов. Почитают и живых петухов, а их утренний крик — сигнал, что время злых духов кончилось и начинается новый день. Пока не прокричат петухи, вставать не следует. Кроме этих фетишей у жителей лагуны есть и свой «храм» традиционных верований: он тоже стоит на опорах. В нем живет дух лагуны, всемогущий повелитель человеческих судеб. Он решает, каким будет улов, постигнут ли селение тяжелые болезни, охватят ли дома пожары. Поэтому о духе проявляют здесь постоянную заботу, приносят ему дары и жертвы.

Я бы сказала, что Ганвье не отличается от других африканских селений, разница лишь в том, что здесь вся жизнь происходит на террасах и на воде. Отовсюду слышны крики, плач детей, смех, звуки тамтамов и маракас. Здесь все в постоянном движении и работе: чинят сети, сушат рыбу, плетут из камыша шляпы и циновки, ремонтируют хижинки, причесываются или моются; а у кого нет работы дома, отправляются на лодке за водой, которую привозят из колодца, построенного в центре селения; за лесом на строительство или топку; едут проведать соседей или родственников.

На лодках идет торговля, и здесь она привилегия женщин. Они ловко пробираются между хижинками и опорами; на лодки кладутся доски, и на них выставляются калекасы и чашки с маниоком, просом, сахаром, арахисом и всякой всячиной. Есть лавочки и в хижинках, но торговки не ждут покупателя, а сами объезжа-

ют селение. Мы видели и пекаря, развозившего хлеб. Он привлекал к себе внимание резким звонком.

Мы также не остались не замеченными местными мальчишками. Флотилия их лодок провожала нас до тех пор, пока они не убедились, что мы раздали уже все подарки.

В Ганвье около 10 тыс. жителей, и только по фотографии, сделанной с самолета, я получила полное представление о его площади. Мы плыли по краю селения и не могли видеть овальных садков, огражденных заборчиками из ветвей. В них разводили рыб, которые здесь находят тень и корм. Рыба — основной продукт питания жителей селения и основной товар.

Туристская трасса точно определена, соблюдали ее и наши лодочники. По не внушающей доверие бамбуковой лестнице мы поднялись на террасу хижины, которая отличалась от других только бенинским государственным флагом, но внутри было современно оборудованное помещение с несколькими столиками и барменом в белом пиджаке с христианским крестиком на шее. К нашему удивлению, он предложил нам холодную кока-колу из керосинового холодильника. С первой минуты мое внимание привлекли яркие ткани, которыми были увешаны стены, но бармен только мотал головой и объяснял, что он этим товаром не торгует. Если кто-нибудь из гостей желал поесть, бармен выходил на террасу, звал женщин, карауливших внизу на своих лодках, которые предлагали копченую и жареную рыбу, фрукты и арахис.

Посещение почты не состоялось, поскольку наш сопровождающий сказал, что нет смысла посылать открытки, когда во Франции бастуют почтовые служащие и всю корреспонденцию якобы бросают в море. Его информированность нас удивила. Почта была закрыта, так что наши открытки остались без штемпеля Ганвье.

В лавочке с сувенирами, куда мы опять с трудом поднялись по лестнице, сопровождаемые толпой любопытных, нас встретила улыбающаяся хозяйка, совсем не похожая на фигурки богинь плодородия, которых здесь был большой выбор. Пока мы осматривали выставленные сувениры, пришел мальчик с несколькими бутылками кока-колы, которые она между делом открывала своими прекрасными зубами. Когда мы покинули ее магазинчик, я обратила внимание, что нашему лодочнику она сунула в руку кусок хлеба.

На обратном пути на нескольких островах мы видели и каменные домики с железной крышей. Один из них якобы принадлежал хозяину, или начальнику. О том, как правительство современного Бенина пытается ввести традиционных вождей в государственный аппарат управления, свидетельствует тот факт, что к начальнику Ганвье, не знающему французского языка и не разбирающемуся в административных делах, приставлен чиновник, задача которого следить за уплатой налогов.

В остальном здесь со времени объявления независимости изменилось мало. У Ганвье, как и других рыбацких селений в прибрежных лагунах, нет никаких перспектив. Образ жизни и жизненный уровень его жителей могут измениться только в случае, если они переселятся на берег.

Дагомейские барельефы

Из Котону в Абомей ведет хорошая асфальтированная дорога. Через два часа езды перед нами выросли застывшие развалины мощных крепостных стен из красного латерита. Даже эти остатки свидетельствуют о былой мощи укрепления. В некоторых местах оно достигает высоты 10 м. То, что не уничтожили французские пушки, уничтожило беспощадное время.

Сразу на окраине города мы спросили о королевском дворце. Мальчик лет двенадцати охотно предложил показать некоторые из них и неожиданно ловко вскочил в нашу машину. Мы проезжали по узким улочкам и площадям, каждую минуту останавливались, и мальчик указывал нам на хижину с соломенной крышей и говорил:

— Это тоже дворец.

Некоторые хижины, покосившиеся, с провалившимися крышами, едва были видны в буйной растительности. В других жили; вокруг копошились дети и женщины. Мы восприняли это как шутку. Какие это королевские дворцы? Однако все вскоре выяснилось. Нам надо было спрашивать место, где сохраняются дворцы последних правителей, туда и водят туристов. То, что мы видели сверх программы, давно уже утратило свой величественный блеск.

Мы очутились перед высокой белой стеной, прикрытой соломенной крышей, прошли мимо нескольких па-

латок с сувенирами и через узкие ворота вошли во двор дворца. Как только за нами закрылись двери, мы оказались в другом мире. За крепостными стенами — шумное движение, здесь — покой и мир, которые как бы переносили посетителя в прошлое.

Это было местожительство всемогущих правителей. Сюда приходили со священным ужасом подданные в ожидании милости или кары. Возможно, именно под вековым баобабом принимали министров и производили смотр амазонок. Здесь происходили блестящие торжества и совершались обряды в честь повелителя-бога, здесь гремели тамтамы, а тела бились в экстазе дикого танца, возможно, именно это место было обогрето кровью рабов, приносившихся в жертву богам. Между этими стенами стоял дворец над погребением правителя.

Но для того чтобы представить бьющую ключом жизнь королевского двора, требовалось много фантазии. Перед нами был просторный пустой двор, по которому прогуливалась стая индюков и цесарок, а в центре стояло низкое белое строение, напоминавшее скорее постоянный двор или сарай, чем дворец. Сейчас крыша металлическая, но всего несколько лет назад ее заменял пучок соломы. Здешние хранители памятников не очень заботятся о сохранности дворцов правителей в первоначальном виде.

Резиденция когда-то занимала 40 га. Каждый новый правитель строил собственный дворец и дома для своих жен, прислуги и личной охраны, возводил новые дарохранилища и места жертвоприношений. Никто не жил в доме своего предшественника. У каждого короля была своя символика, составлявшая основу украшения его дворца. Это символы его мощи и величия, производные от имени, которое он принял и которое художники при его дворе искусно выполняли на знаменитых дагомейских, или абомейских, барельефах и тканях. Дворец был не только жилищем правителя, он свидетель и памятник его силы и славы.

Когда мы приближались к входу в музей, расположенный на территории дворца правителя Глеле, на встречу вышел молодой человек в джинсовом костюме и спросил, хотим ли мы посетить дворец. Прежде чем мы успели ответить, он подал нам свою визитную карточку, на которой серебром было написано: Мишель Глеле, потомок королевского рода, студент антрополо-

гии Сорбонны. Он как будто не заметил нашего удивления. Да, все было преподнесено прекрасно.

Он провел нас к хранителю, где мы приобрели билеты и оставили фотоаппараты.

— Это мои гости,—сказал Мишель Глеле с царственной небрежностью; хранитель кивнул.

Прежде всего мы хотели посмотреть барельефы, которые относятся к древним образцам африканского искусства.

Барельефы выполнены в необожженной глине прямо на дворцовой стене, слепых окнах в форме квадрата, сторона которого 0,75 м. Задний план фигур глубже поверхности кладки стены. В таком же стиле выполнены и барельефы на деревянных дверях. Впечатление от глиняных скульптур усиливается их сочными красками. Основные тона — белый, черный и красный. У каждой из красок своя символика. Белая — опасность, неземные силы, смерть, но и чистота, черная — символ земли, красная — жизненная сила и радость.

Очень разнообразны сюжеты барельефов. На них изображены исторические события, битвы, знаки династий, мистические существа в образе людей и животных. Их задача — возвеличивать обожествляемого короля, укреплять его власть. Дагомейские мастера работали под надзором и жили вблизи дворца.

У истоков этого искусства стоял правитель Агаджа, который первым из абомейских королей пригласил ко двору самых древних представителей народа, дал им задание сочинить легко запоминавшиеся исторические песни, прославлявшие его ратные дела. Поскольку письменных знаков не существовало, нужно было создать особый язык символов и аллегории. Так возникли знаменитые дагомейские барельефы, прославлявшие короля. У правителя на это искусство было монопольное право: придворные мастера работали только на него. Таким же было и назначение скульптуры, которая развилась из барельефов. Только позднее, когда пришел конец его монополии на искусство, рядом с прославлением правителя начали появляться и другие сюжеты, такие, как сбор урожая, рождение ребенка, смерть, охота и пр.

Мы были благодарны нашему экскурсоводу, который помог нам приблизиться к сложному миру символов. Каждое произведение — небольшая загадка. Здесь не только отдельные сцены, но и целые повествования.

Так, несколько барельефов рассказывают о том, как правитель Аданзан отказался платить наго (нигерийцам) налог. Правитель наго изображен в образе змеи, которая в одной лапе сжимает кукурузный початок, а другой пытается схватить еще один. Рассказ кончается тем, что змея убегает, но дагомейский воин успевает отсечь ей лапу. На другом барельефе изображена амфора с многочисленными отверстиями, которую держат руки. Это руки правителя. Амфора — символ его власти. Главная идея — сплочение всех народов. Каждое отверстие, как нам объяснили, означает ослабление страны, потому что это путь, которым проникает враг. Как и на многих других барельефах, здесь передана только основная идея, а остальное предоставляется домысливать.

Барельефы идеализируют фигуры правителей, этому помогают их имена, изречения и дела. Если у народов других африканских государств произведения искусства восхваляли правителей после смерти, то дагомейские правители позволяли прославлять себя уже при жизни. Они сами определяли, какие их поступки или изречения должны быть воспеты, сами решали, как мастер должен их изобразить. Король Беханзин, например, предпочел облик акулы. Так он изображен не только на барельефах, но и в скульптуре в натуральную величину. Эта скульптура выставлена в музее. Она вырезана из дерева, с плавниками и зубами. Смысл этой метафоры выражен в изречении: «Как только акула приходит в ярость, море успокаивается»... А это значит, что король настаивает на своем, проявляет свою волю против внутренних и внешних врагов. Мы уже знаем, что именно Беханзину выпала трудная задача защищать страну от французов, он был последним независимым дагомейским правителем.

Рассчитывая на снисходительность нашего экскурсовода, я надеялась сфотографировать несколько таких барельефов. Но едва успела сделать два-три кадра, как он наклонился ко мне и произнес:

— Разрешите, мадам, я понесу ваш фотоаппарат...

Этим закончились мои съемки на дворе дагомейских правителей.

В самом музее во дворцах правителей Гезо и Глеле собрана богатая коллекция работ художников, ювелиров, резчиков, ткачей. К дворцу Глеле примыкает святилище, внутренние стены которого украшены большими

ми красно-черно-белыми квадратами. На них расположены фетиши, фигурки и куски материи с символами королей. Потолок образован из переплетенных пальмовых ветвей. В боковых стенах дарохранилища сохранились места, служившие когда-то местами жертвоприношений. На жертвенных камнях разбросаны и человеческие кости. Это выглядело так демонстративно, что вызывало недоверие. Видимо, и эти святые места стараются приспособить к туристскому буму и вселить в посетителей долю ужаса.

Гробница правителя Глеле, как и крытые соломой круглые хижины — захоронения его сорока самых любимых супругов, добровольно согласившихся уйти вслед за усопшим в мир иной, недоступна для посторонних. Это, пожалуй, единственное место, где королю и его женам предоставлен покой от посещения туристов.

Мишель Глеле простился с нами у ворот дворцов. Он не рассчитывал на гонорар, хотя таким обслуживанием, вероятно, в каникулы и зарабатывал деньги. С благодарностью принял книгу о Праге, которую мы на всякий случай взяли с собой. Когда я спросила его, что он будет делать по окончании университета, он сказал:

— У нас работы хватит всем, ведь вы это видите сами.

В городе Абомее более 30 тыс. жителей. Он во многом похож на другие города Африки, но тем не менее у него свое, неповторимое лицо. Мы обнаружили это сразу, в первой улочке: она буквально вся была увешана пестрыми тканями — на стенах домов, на деревьях, шестах. Не только эта улочка, но и весь город был одним огромным цехом, в котором производились абомейские ткани. Всюду, куда ни помотришь, сидели мужчины с иглами и на черную или желтую ткань нашивали разноцветные лоскутки. Вокруг них носились мальчишки и помогали им вдевать нитку, подавали материал или вырезали по образцам различные кусочки. Нигде за этой работой я не видела женщин. Она традиционно мужская. Аппликаторы когда-то тоже жили при дворе правителя, декоративные ткани, как и другие виды художественных ремесел, являлись монополией правителя. Мастера прославляли его и участвовали в создании королевских символов, аллегорий и панегриков. У таких художников был свой классик, один из немногих, которые уже не были анонимными. Таким

стал Мишель Имади, живший при дворе короля Глеле. В его мастерской работали 130 человек. Этот мастер создал символы последних 12 королей. Язык его символов фактически сохранился до сих пор, это он создал славу местным декоративным тканям.

Рядом с традиционными символами правителей, которые можно увидеть на калембах, керамической посуде и предметах украшения, в современном дагомейском искусстве появляются новые символы, отражающие народную мудрость, обычаи и пословицы. Это началось после того, как абомейские аппликаторы уже перестали быть собственностью двора короля.

С помощью символов сегодня передают и имена простых смертных. Так возникают художественные загадки, которые можно увидеть на шторах, одеялах и одежде во время различных событий, таких, как рождение ребенка, свадьба, погребение и пр. Все зависит от изобретательности мастера, какими символами ему удастся выразить конкретное имя. Чем эти символы остроумнее, оригинальнее и понятнее, тем больше ценится работа.

В абомейских улочках рядом с традиционным дагомейским искусством, отражающим богатую духовную жизнь сегодняшней Африки, мы видели и подделки: фигуры индейцев и ковбоев, составленные из цветных кусочков, фигурки-плагиаты из фильмов Диснея — пример воздействия коммерции и невзыскательного вкуса зарубежных туристов. Так здесь продвинувшаяся вперед «западная цивилизация» выражает свою признательность африканскому искусству за то, что в самом начале нашего столетия оно оказало влияние на творчество таких титанов, как Пикассо, Брак, Модильяни, Вламинк.

* * *

Прощание в аэропорту Ломе было долгим, торжественным, трогательным. Представители министерства нас заверяли, что с удовольствием будут работать с нами и впредь.

Потом уже из окна самолета мы в последний раз увидели прибрежную саванну, тропический лес и город Кпалиме с горой Агу. Совершив посадку в Ниамее и выйдя из самолета, я осмотрелась: не увижу ли среди пассажиров моей знакомой польки? Но такие случайно-

ети редки. Над Сахарой в салоне самолета демонстрировали ковбойский фильм. Спустя девять часов стюардесса объявила пассажирам, что через несколько минут «Боинг» приземлится в аэропорту «Шарль де Голль».

Прошло еще немного времени, и Того стало лишь воспоминанием. К нему нас возвращали фотографии и предметы, в которых было столько простоты и совершенства, столько естественного таланта их создателей. Нам казалось, что на этом для нас Того закончилось. Но прошло несколько недель, и раздался телефонный звонок:

— Бонжур, говорит Батаско, я прилетел из Ломе. Мне холодно, мог бы мсье Киндру пойти со мной купить пальто?

Это был сын вождя кабре, он приехал учиться в Братиславу.

Потом пришли первые письма из Того. Писали игроки, тренеры, учителя и пастор Кналл. Мы узнавали от них, что в Бассаре построили новую площадку для волейбола, что в Баду провели турнир, в Канте создали женскую команду, сборную пополнили новые игроки, режим тренировок строго соблюдается... Эти письма, чаще всего очень короткие и деловые, были лучшим свидетельством того, что работа в Того была не напрасной.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

К побережью Гвинейского залива на карте Африки тянется узкая полоска, зажатая между Ганой и Республикой Бенин. Это Тоголезская Республика, одна из независимых стран континента, бывшая когда-то во власти сначала германского, затем французского колониализма, а теперь строящая новую жизнь. В Того нет крупного строительства, страна не славится запасами ни нефти, ни алмазов, ни урана, ни золота. Фосфориты — пока почти единственное обнаруженное (подробная геологическая разведка страны еще впереди) полезное ископаемое. Нет здесь испепеленных пустынь или таинственных животных в глубине болот. О Того редко увидишь сенсационные сообщения в прессе. Нечасто бывают в этой стране советские люди. Поэтому с особым интересом открываешь эту небольшую книжку.

Что знаем мы о Того? Это самое маленькое государство континента, в котором живет более 40 народов и этнических групп общей численностью более 2,7 млн. человек, занимает сравнительно небольшую площадь — 56,6 тыс. кв. км. Территория Того тянется от берега теплого Гвинейского залива через влажные экваториальные леса к засушливым саваннам севера. Это Африка в миниатюре, с полноводными реками и живописными горами, сухими равнинами и непроходимыми джунглями. Того — аграрная страна. Главным экономическим и политическим центром Того является г. Ломе (370 тыс. жителей). Населяющие ныне страну народы (эве, аделе, бариба и др.) появились в этих когда-то малодоступных землях, спасаясь от экспансии крупных соседних народов: ашанти на западе и дагомейцев на востоке. У тех и других существовали централизованные раннегосударственные объединения; те и другие делали территориальные захваты, их правители участвовали в европейской работорговле, ведя постоянные набеги на соседей в поисках «черного товара». На протяжении XVII—XVIII вв. в результате миграций многих этнических групп сложилась современная этническая карта Того. Народы, населявшие эту страну, занимались земледелием, ремеслами (гончарным, железоплавильным, кузнечным, ткацким), торговлей. Рынки соли и орехов кола обеспечивали и широкую внешнюю торговлю. Лишь на севере страны чокосси (в районе Манго)

и котоколи (в районе Паратао) создали исламизированные объединения с сильной централизованной властью. Большинство же народов жили небольшими территориальными общинами во главе с вождями.

В XIX в. началось проникновение на берега Гвинейского залива сначала европейских миссионеров и торговцев, а затем и колониальных войск и чиновников. С 1884 г., когда был подписан первый договор о протекторате Германии над побережьем от Порто-Сегуро на востоке до Ломе на западе, Того, границы которого определили ряд договоров с Францией и Англией, стало германским владением. Страна формально являлась протекторатом, фактически же превратилась в колонию, где был установлен жесткий режим эксплуатации.

После первой мировой войны по Версальскому договору 1919 г. одна часть Того стала подмандатной территорией Англии (ныне она входит в состав Ганы), другая — Франции (современная Тоголезская Республика). Решение это было утверждено Лигой наций в 1922 г. и оставалось в силе до 1946 г., когда последняя перестала существовать. Бывшие подмандатные территории перешли под международную опеку, и 13 декабря 1946 г. по решению Генеральной Ассамблеи ООН страна была объявлена подопечной территорией ООН под управлением Франции. Это мало изменило существо дела, фактически она оставалась колонией.

Народы Того никогда не могли примириться со своим угнетенным положением. Еще в конце XIX — начале XX в. и прибрежные народы (эве, уачи и др.), и северные (конкомба, ламба, кабре, гурма и др.) неоднократно поднимали восстания. После второй мировой войны выступления стали более организованными. Еще в 1941 г. возник Комитет единства Того, вначале действовавший как культурно-просветительская организация, но уже к 1945 г. превратившийся в партию и ставший наиболее популярным из всех политических организаций страны. Нелегкая борьба привела в 1956 г. к провозглашению Того автономной республикой при сохранении режима опеки. Понадобилось еще несколько лет упорной борьбы, прежде чем 27 апреля 1960 г. была объявлена независимость страны.

За прошедшие годы Тоголезская Республика пережила немало. Политическая независимость не стала, естественно, автоматически экономической независимостью. Страна еще привязана многими нитями к прежней метрополии, начал в нее проникать иностранный капитал и других стран (в частности, ФРГ). Экономические и внутривнутриполитические сложности привели к политической нестабильности. В январе 1963 г. был свергнут первый президент Тоголезской Республики Сильванус Олимпио, а в 1967 г. — сменивший его Н. Грюницкий. С 1967 г. к власти пришли военные, возглавляемые под-

полковником (ныне генералом) Г. Эйадемой. Его правительством предприняты шаги к национализации важнейшей отрасли промышленности — добычи и обогащения фосфоритов, к самостоятельному освоению национальных природных ресурсов. Ведется большая пропагандистская работа по укреплению национального единства страны.

Однако все эти сведения основаны на официальных документах, фактах, сообщениях в прессе. В предлагаемой же книге есть цвет и воздух, живые картинки современного Того. Автор ее — не журналист, не историк, не экономист. Либуше Киндрова, как и другая ее соотечественница, О. Прхалова, знакомая советскому читателю по книге «Нулевой меридиан проходит через Тему» (М., 1972), приехала в Африку с мужем, приглашенным на работу местным правительством. Эта книга вспомнилась не случайно. Как О. Прхалова в Гане, так и Л. Киндрова сделала свое открытие Африки и щедро поделилась им с читателем. Она с успехом продолжила традицию наблюдательной и доброжелательной чешской литературы об Африке. В этих книгах сочетаются наблюдательность, «репортажность» и осмысление увиденного. А увидеть Л. Киндрова сумела многое.

Она увидела, что за пестротой базара, яркостью природы, живостью африканского города, внешней экзотикой африканской деревни скрываются отраженные в Того как в капле воды общие для всей Африки проблемы. Но ее рассказ не научный анализ этих проблем, а живое повествование. Результат каждой ее поездки по стране — новелла: выезд на соревнования — рассказ о работе современных миссионеров; поездка в Сокоде — знакомство с мусульманским миром; посещение рыбацкого селения — рассказ о жизни рыбаков; путешествие на север — размышление об этнических проблемах и традиционных вождах, родовых отношениях и проблемах полигамии... И всегда — картинка природы, описания леса и саванны, различных растений, неизвестных европейцам — чвапие, сейбы и т. д., и целый гимн пальме, дающей африканцу и пищу и кров. Перед нами проходит вереница народов Того: строгие эве, мастера-оружейники и кожевники котоколи и кабре, стройные и лукавые торговцы хауса, прибрежные рыбаки эве и уачи, искусные земледельцы кабре и др.

Автор видит многие проблемы страны. За фешенебельными фасадами магазинов Ломе, куда не заходит простой тоголезец, и за красочностью африканского рынка она замечает нищету и бедность. Л. Киндрова показывает живучесть традиционных верований; сохранение власти традиционных вождей, сочетающих, как, например, Аджалле, традиционный вождь Ломе, освященную обычаями власть над подданными с обязанностями служащего министерства; сложности преодоления чувства этнического предубеждения и родо-пле-

менных отношений. Рисует автор и трудности страны, связанные с тяжелым наследием колониализма, сохранением ключевых постов в экономике в руках бывшей метрополии или захватом их колониализмом ФРГ, длительным проведением политики культурной колонизации и «офранцузивания всех областей тоголезской жизни». Рядом с этим она отмечает и новые черты: интересную современную архитектуру в Ломе, порт, строительство нового университета, работу текстильных фабрик, кооперативов — новых форм развития сельского хозяйства. Преодоление и социальных пережитков, и экономических трудностей, по ее убеждению, требует времени, терпеливой работы, создания промышленности и современного сельского хозяйства. Решение этих задач невозможно без появления новой местной интеллигенции. И она дает нам интересные портреты таких новых людей, с которыми связано будущее Того.

«Мы не чувствовали себя здесь иностранцами. Мы переживали с тоголезскими друзьями радость каждого, даже небольшого успеха, огорчения и неудачи. Мы знакомились с прошлым и повседневными заботами африканцев». Эту искреннюю заинтересованность и правдивость автора почувствует и читатель.

Э. С. Львова

СОДЕРЖАНИЕ

Город на побережье	3
Конечная остановка — Ломе	3
Жизнь вокруг нас	5
Царство торговли	10
Не угодно ли соваж?	15
Африканская женщина	19
Прошлое и настоящее	24
Взгляд в прошлое	24
Независимость и ее проблемы	30
Oui, mon général!	39
Среди кустарников ало	46
Мир людей и духов	54
В плену духов	54
Матч в буше	58
Местные жители и иностранцы	65
Рыбацкое селение	65
Маяки на побережье	71
Тоголезское золото	75
Рождество на африканской земле	78
Рождество в тропиках	78
Необычное рождество	83
Встречи в Сокоде	87
Город Аллаха	87
Коран и сувениры	92
Родина есть родина	94
Сын — шофер, отец — вождь	106
Дорога на север	106
Эве, кабре и мина	115
Брак и полигамия	122
Правители и старейшины	127
Встреча с соотечественниками	133
Африка думает о будущем	138
На дорогах и бездорожье	138
В тропическом лесу	144
Заколдованный круг?	151

Под горой Агу	158
Одно из чудес Африки	164
Поездка в Бенин	169
Крепость в Вида	169
Короли, вожди, президенты	174
Африканская Венеция	180
Дагомейские барельефы	185
Э. С Львова. Послесловие	192

1 р. 10 к.